

ISSN 1029-144X

КАЗАНСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ СЕМИНАРИЯ

ПРАВОСЛАВНЫЙ СОБЕСЕДНИК

№ 1–2 (25–26) 2020

Догматическое, литургическое
и нравственное богословие
Миссиология и история миссии
История Русской Православной Церкви

История церковно-государственных
отношений
История духовного образования
История философии

КАЗАНЬ

ПРАВОСЛАВНЫЙ СОБЕСЕДНИК

№ 1–2 (25–26) 2020

УДК 27
ББК 86.37
П68

Рекомендовано к изданию Ученым советом
Казанской православной духовной семинарии

Главный редактор
протоиерей Алексей Колчерин

Редакторы-составители:
иерей Александр Данилов
А. П. Соловьев
И. А. Куликов

Рецензенты:
д. филос. н. О. Д. Агапов
к. филос. н. Р. Р. Вахитов

П68 Православный собеседник: № 1–2 (25–26) 2020 г. — Казань:
Казанская православная духовная семинария, 2020. —
160 с.

ISSN 1029-144X

Первый номер журнала «Православный собеседник» в 2020 году составлен на основе материалов научно-богословской конференции Казанской православной духовной семинарии «Богословие и светские науки: традиционные и новые взаимосвязи», прошедшей в ноябре 2017 года, и включает в себя статьи по богословию, философии, миссиологии, истории Русской Православной Церкви, истории духовного образования и Казанской духовной академии. Издание предназначено для всех интересующихся богословскими, церковно-историческими и общегуманитарными науками.

Казанская православная духовная семинария

ПРАВОСЛАВНЫЙ СОБЕСЕДНИК

№ 1–2 (25–26) 2020

Журнал выходит четыре раза в год

Казань, 2020

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Председатель — митрополит Казанский и Татарстанский *Феофан*, кандидат богословия

Агапов Олег Дмитриевич, доктор философских наук, профессор, Казанский инновационный университет (Казань)

Антонов Константин Михайлович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (Москва)

Ермошин Антон Владимирович, иерей, кандидат исторических наук, доцент, Казанская православная духовная семинария (Казань)

Исхакова Резеда Рифовна, доктор педагогических наук, профессор, Казанская государственная консерватория имени Н. Г. Жиганова (Казань)

Колчерин Алексей Сергеевич, протоиерей, доктор церковной истории, первый проректор, Казанская православная духовная семинария (Казань)

Комар Наталья Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент, Казанская православная духовная семинария (Казань)

Кузьмина Елена Владиславовна, кандидат философских наук, доцент, Казанский федеральный университет (Казань)

Матушанская Юлия Григорьевна, доктор философских наук, профессор, Казанский федеральный университет (Казань)

Мелихов Герман Владимирович, доктор философских наук, профессор, Казанский федеральный университет (Казань)

Михайлов Андрей Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент, Казанский федеральный университет (Казань)

Павлов Александр Петрович, протоиерей, кандидат богословия, заведующий кафедрой, Казанская православная духовная семинария (Казань)

Павлова Полина Анатольевна, кандидат искусствоведения, заведующий кафедрой, Казанская православная духовная семинария (Казань)

Раздубев Алексей Валерьевич, кандидат филологических наук, доцент, Пятигорский государственный университет (Пятигорск)

Резвых Татьяна Николаевна, кандидат философских наук, доцент, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (Москва)

Рогатин Владимир Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, Казанский федеральный университет (Казань)

Романова Галина Валентиновна, кандидат исторических наук, доцент, Государственный архив Ульяновской области (Ульяновск)

Соловьев Артем Павлович, кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой, Казанский федеральный университет (Казань)

Суслова Раиса Анваровна, кандидат исторических наук, доцент, Казанская православная духовная семинария (Казань)

Сухова Наталия Юрьевна, доктор исторических наук, профессор, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (Москва)

Терехов Павел Петрович, доктор педагогических наук, профессор, Казанский государственный институт культуры (Казань)

Черняев Анатолий Владимирович, доктор философских наук, профессор, заместитель директора, Институт философии Российской академии наук (Москва)

Чернышева Алефтина Юрьевна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой, Казанская православная духовная семинария (Казань)

Шкуро Сергей, протоиерей, кандидат богословия, заведующий кафедрой, Казанская православная духовная семинария (Казань)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Журнал Казанской православной духовной семинарии «Православный собеседник» имеет богатую историю. Выходившее в дореволюционной Казанской духовной академии издание публиковало результаты научной деятельности профессоров академии — богословов, библеистов, церковных историков, канонистов, литургистов, филологов, востоковедов, миссионеров. Основанный в 1855 году журнал перестал издаваться в 1918-м в связи с революционными событиями и закрытием академии.

Возрождение издания состоялось уже в современную эпоху — в 1997 году после открытия Казанской духовной семинарии. За прошедшие годы журнал издавался в различных форматах. Главным образом в нем публиковались материалы конференций семинарии, статьи преподавателей, лучшие дипломные работы выпускников духовной школы. В 2016 году «Православный собеседник» стал церковно-общественным и научно-богословским изданием, красочно оформленным, с обилием фотографий. Журнал рассказывал о жизни епархии, на его страницах печатались интервью с церковными и общественными деятелями, официальные документы, исследования, посвященные актуальным богословским проблемам, изучению истории православия и духовного образования в Казанском крае. Но в 2020 году ректор семинарии митрополит Казанский и Татарстанский Феофан по согласованию с Учебным комитетом Русской Православной Церкви принял решение о реформатировании журнала «Православный собеседник» в научное издание в связи с курсом на возрождение в Казани духовной академии и получение государственной аккредитации. Функцию церковно-общественного издания взял на себя возрожденный в 2020 году журнал «Известия по Казанской епархии».

В новом виде «Православный собеседник» станет научно-богословским изданием, соответствующим критериям рецензируемых научных журналов, публикации в которых учитываются при защите диссертаций на соискание ученых степеней докторов и кандидатов наук (гуманитарные науки, теология, богословие). Предполагается публикация докладов участников ежегодной научно-богословской конференции Казанской православной духовной семинарии «Богословие и светские науки: традиционные и новые взаимосвязи», научных статей преподавателей, аспирантов и магистрантов, рецензий на научные монографии. Будем рады видеть в числе наших авторов всех заинтересованных в развитии церковной науки.

*Главный редактор журнала «Православный собеседник»
протоиерей Алексей Колчерин*

**ДОГМАТИЧЕСКОЕ, ЛИТУРГИЧЕСКОЕ
И НРАВСТВЕННОЕ БОГОСЛОВИЕ**

ЛИТУРГИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ И ЕЕ РЕЦЕПЦИЯ В ЗАПАДНОМ БОГОСЛОВИИ XX ВЕКА

иерей Александр Ермолин

проректор по учебной работе, старший преподаватель кафедры богословия
и философии Казанской православной духовной семинарии

E-mail: aleksandr.ermolin2201@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена влиянию литургической мысли русского зарубежья на западное богословие XX в.

Ключевые слова: православие; католицизм; Евхаристия; протопресвитер Николай Афанасьев; протопресвитер Александр Шмеман; П. Н. Евдокимов; Ив Конгар; Михаэль Кунцлер; Минель Арранц

LITURGICAL THOUGHT OF THE RUSSIAN DIASPORA AND ITS RECEPTION IN THE WESTERN THEOLOGY OF THE 20TH CENTURY

Abstract: The article is devoted to the influence of the liturgical idea of the Russian Diaspora on Western theology of the 20th century.

Keywords: Orthodoxy; Catholicism; the Eucharist; Protopresbyter Nikolai Afanasyev; Protopresbyter Alexander Shmemann; P. N. Evdokimov; Yves Congar; Michael Kunzler; Minel Arrantz

Priest Aleksandr Ermolin, Vice-Rector for Academic Affairs, senior lecturer at the Department of Theology and philosophy of the Kazan Orthodox Theological Seminary

В 1922 г. несколько десятков выдающихся представителей русской культуры, своего рода «цвет нации», интеллектуальная элита России, были высланы за границу на так называемом «философском пароходе». Русская эмиграция в целом была, конечно, гораздо более широким явлением, чем рейсы «философского парохода», и историки до сих пор спорят о точном числе людей, оказавшихся за границами своего Отечества. Эмигранты, оказавшиеся в крайне сложных условиях труда, когда многие были вынуждены трудиться на немецких заводах и во французском такси, смогли сделать очень многое в аспекте развития христианского богословия.

«Русское рассеяние имеет свой смысл и цель»¹ — с этих программных слов начинается статья «Духовные задачи русской эмиграции» в первом номере журнала «Путь», который по праву можно назвать не только главным периодическим изданием, но и символом русского зарубежья. «Русские, оставшиеся верными вере отцов, принуждены жить среди чужого мира, или мира безбожного и безрелигиозного или христианского, но по-иному исповедующего христианство»². И в этом мире представители русской эмиграции «должны стараться его узнать и вступить с ним в братское общение, объединяясь с ним во имя борьбы с силами антихристианскими»³.

И русское зарубежье стало не только узнавать этот мир, «по-иному исповедующий христианство», но и свидетельствовать перед ним об истинах православия.

---

¹ Духовные задачи русской эмиграции // Путь. 1925. № 1. С. 3.

² Там же. С. 6.

³ Там же.

Русская эмиграция 20-х гг. за несколько десятилетий смогла не только выжить, но и поднять богословскую науку на совершенно новый уровень. Спустя сорок лет после первой волны эмиграции католический мир цитировал отца Николая Афанасьева, оказавшего существенное влияние на выдающихся католических мыслителей. Дать оценку этому феномену русского зарубежья, выявить взаимовлияние и причинно-следственные связи этого явления — задача данного исследования.

В центре внимания данной работы находится литургическая мысль русского зарубежья на примере трех, на наш взгляд, самых выдающихся ее представителей — протопресвитеров Николая Афанасьева и Александра Шмемана, а также профессора Павла Николаевича Евдокимова. Конечно же, эти имена не исчерпывают всего богатства литургической мысли русского зарубежья.

Протопресвитер Николай Афанасьев (1893–1966) известен как основатель так называемой евхаристической экклесиологии. Он был назначен официальным экуменическим наблюдателем на II Ватиканский Собор. В важнейшем для современной Католической Церкви документе — догматической Конституции о Церкви *Lumen gentium* многие исследователи находят следы влияния трудов отца Николая Афанасьева.

Как отмечают бенедиктинец Иакинф Дестивель, «если посттридентская экклесиология представляла местные Церкви как части Вселенской Церкви, то *Lumen gentium* утверждает, напротив, что именно «в» и «из» (*in quibus et ex quibus*) местных Церквей совершается Церковь Божия»⁴.

По мнению отца Иакинфа, именно 26-й параграф *Lumen gentium*⁵ является ссылкой на отца Николая. Важное понятие II Ватиканского Собора «эклесиология общения» «очень близка к «евхаристической экклесиологии», получившей развитие у православных богословов в XX в., для которых Церковь проявляется во всей своей полноте тогда, когда народ Божий, собравшийся вокруг своего епископа, совершает Евхаристию со своими пастырями, получает в Новом Завете имя Церкви»⁶.

В 26-м параграфе говорится, что «по-настоящему представлена во всех законных местных собраниях верующих, которые, будучи объединенные со своими пастырями, получают в Новом Завете имя Церкви <...>. В этих общинах, какими бы малыми, бедными и рассеянными они ни были, присутствует Христос, силой Которого Церковь становится единой, святой, соборной и апостольской» (LG, 26).

Из этого текста можно сделать вывод «о зарождении так называемой «эклесиологии общения», в которой большое значение получает местная Церковь, в отличие от «универсалистской экклесиологии». Эта «эклесиология общения» очень близка к «евхаристической экклесиологии», получившей развитие у православных богословов в XX в., для которых Церковь проявляется во всей своей полноте тогда, когда народ Божий, собравшийся вокруг своего епископа, совершает Евхаристию»⁷.

В целом необходимо отметить, что «догматическое положение *Lumen gentium* примыкает к интуиции русской экклесиологической мысли»⁸. При этом ниже,

⁴ Дестивель И. Встреча православной русской экклесиологии с католической экклесиологией в XIX–XX вв. [Электронный ресурс]. URL: <http://pandia.ru/text/77/344/60026.php> (дата обращения: 20.10.2017).

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

на примере отца Ива Конгара, будет показано, что не со всеми положениями «евхаристической экклесиологии» согласна католическая мысль.

По мнению исследователей, важное влияние православного богословия на догматическую Конституцию заключается в новом понимании Церкви. Если традиционное понимание Церкви — это понимание как видимого организованного сообщества, то сейчас *Lumengentium* говорит о Церкви как о некоем Таинстве спасения, «знаке и средстве теснейшего единения с Богом и единения всего человеческого рода» (первый пункт Конституции. Подобное понимание Церкви укоренилось в православном богословии со времен Хомякова и через представителей русского зарубежья пришло в католическую мысль).

Еще один важный аспект — это понимание Таинства Церкви как Таинства в первую очередь тринитарного, а не лишь христологического. Это является важным отличием ватиканской экклесиологии от тридентской. Пример этого — «Тело Христово» является также «народом Бога» Отца и «Храмом Святого Духа»⁹.

22-й и 23-й параграфы Конституции также посвящены такому важному вопросу, как коллегиальность.

Как отмечают исследователи, если «I Ватиканский Собор постановил, что Папа, епископ Рима и преемник святого Петра, является вечным и видимым принципом и основой единства, который объединяет как епископов, так и совокупность верных. <...> То II Ватиканский Собор уравнивает учение I Ватиканского Собора утверждением, что епископат «коллегиален по своей природе». Здесь следует признать влияние новозаветных исследований относительно «Собора двенадцати апостолов», и, пожалуй, плод контактов многих католических богословов с православным учением о соборности»¹⁰.

В экклесиологии II Собора происходит важное смещение центра тяжести: «Если посттридентская экклесиология представляла местные Церкви как части Вселенской Церкви, то *Lumengentium* утверждает, напротив, что именно «в» и «из» (*in quibus et ex quibus*) местных Церквей совершается Церковь Божия. Важное изменение в терминологии резюмирует этот подход: местная Церковь не определяется как некая «часть» (*pars*) всей Церкви, но как «доля» (*portio*), содержащая в себе полноту. Возьмем в качестве образца следующее: как всякая доля Евхаристии содержит полноту Тела Христова, так и всякая отдельная Церковь содержит полноту Церкви Божией»¹¹.

Также необходимо подчеркнуть, что «для многих православных русских богословов, которые Церковь считали основой догматического и нравственного богословия, единство Церкви было источником и образцом единства человеческого рода. Подобное утверждение содержится и в *Lumengentium*. Для II Ватиканского Собора, даже те, кто не христиане, «поставлены в народ Божий» (*LG*, 16). Это понятие «поставление» позволяет Собору рассуждать не в терминах «вне» и «внутри», но включить в Божественный план спасения совокупность человечества и творения»¹².

Несмотря на то, что понятие «Церковь» в документах Собора все же подразумевало под собой лишь Римско-Католическую Церковь, произошли довольно важные изменения. Так, «*elementa Ecclesiae* сохраняются и вне юрисдикции Римского епископа: Церковь, установленная и организованная в этом мире как обще-

---

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

ство, осуществляется в Католической Церкви, управляемой преемником ап. Петра и епископами в общении с ним, хотя и вне ее состава обретаются многие элементы освящения и истины, являющиеся дарами, свойственными Церкви Христовой, которые побуждают к католическому единству (LG, 8)¹³.

Среди последователей отца Николая являются многие выдающиеся представители католической мысли: кардиналы Анри де Любак, Жан Даниэлу, Ив Конгар, монах-бенедиктинец и участник «литургического движения» Бернар Ботт, доминиканец Мари-Доминик Шеню, современный католический богослов Айдан Каванах¹⁴, протестантский богослов Оскар Кульман, английские литургисты Грегори Дикс и Пол Фредерик Бредшоу¹⁵.

Позднее на отца Н. Афанасьева ссылались многие выпускники Свято-Сергиевского института, например Шмеман и Мейендорф.

Говоря о кардинале Конгаре, нужно отметить, что Ив Конгар имел возможность лично общаться с философами и богословами русской эмиграции, в том числе с такими выдающимися ее представителями, как протоиереи Сергей Булгаков, Георгий Флоровский, Иоанн Мейендорф, выдающиеся философы Николай Бердяев, Владимир Лосский и, конечно же, отец Николай Афанасьев.

С 30-х гг. отец Ив Конгар станет писать многочисленные статьи о России, для того чтобы познакомить читателей с русской экклесиологией и вместе с ними поразмышлять о церковном единстве. Отец Ив Конгар опирается прежде всего на А. Хомякова, но также на И. Киреевского, Н. Данилевского, Л. Карсавина и И. Самарина, труды которых он опубликовал в знаменитой коллекции Unam Sanctam.

На формирование Конгара большое влияние оказали Й. А. Мёлер (1796–1838), а также Н. А. Бердяев, протоиереи Сергей Булгаков и многие другие выдающиеся представители православной мысли¹⁶.

В ходе Ватиканского Собора мысль Конгара была в высшей степени актуальна. С определенной долей критики Конгар пишет об опасности латинского восприятия «всей Церкви как епархии одного епископа и тем самым сведения единства к однообразию»¹⁷. Но и «евхаристическая экклесиология» как выражение своего рода «духа православия» не представляется Конгару идеальной моделью. По его мнению, «односторонняя настойчивость «евхаристической экклесиологии» на сакраментальном и мистическом аспекте Церкви приводит к забвению социального аспекта — два качества, которые равным образом выражены в посланиях ап. Павла понятием «Тело Христово»¹⁸.

По мнению отца Иакинфа Дестивеля, «отец Ив Конгар не защищает ни одну из этих двух мнимых крайностей. Речь идет, с одной стороны, о вселенской экклесиологии, а с другой — о «евхаристической экклесиологии». Это необходимо для того, чтобы лучше выявить общую традицию, по-разному пережитую и выраженную»¹⁹.

¹³ Зайцев А. А. Границы Церкви // Православная энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravenc.ru/text/166375.html> (дата обращения: 18.10.2017).

¹⁴ Современное католическое богословие: хрестоматия / под ред. М. А. Хейз, Л. Джирон. [Электронный ресурс]. URL: <http://esxatos.com/sovremennoe-katolicheskoe-bogoslovie> (дата обращения: 18.10.2017).

¹⁵ Тначенно А. А. Бредшоу // Православная энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravenc.ru/text/153517.html> (дата обращения: 18.10.2017).

¹⁶ См.: Михайлов П. Б. Конгар Ив Мари-Жозеф. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bogoslov.ru/persons/277794/> (дата обращения: 18.10.2017).

¹⁷ Дестивель И. Встреча православной русской экклесиологии с католической экклесиологией в XIX–XX вв.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

Главная проблема современной литургической жизни, по мнению отца Николая, — это «утрата христианами смысла того, что совершается Церковью»²⁰. Главный выход из этой тупиковой ситуации отец Николай видел в возрождении общины в так называемом «лаическом служении». «Первое, что подчеркивал протоиерей Николай в своих рассуждениях об основах литургической жизни, — это «царственное священство» христиан, означающее необходимость активного участия присутствующих верных»²¹.

Идея «евхаристической экклесиологии» послужила вдохновением для многих католических мыслителей. Так, ей посвящен отдельный параграф в работе «Литургия Церкви» Кунцлера²². Показательно, что следующий параграф у Кунцлера посвящен вопросу «царственного священства»²³.

При этом «евхаристическая экклесиология» понимается многими православными авторами как некий противовес «традиционной», «тридентской» экклесиологии. Об этом отец Николай подробно пишет в работе «Апостол Петр и Римский епископ (По поводу книги О. Кульманна «Св. Петр»)»²⁴. Также интересное замечание по данному поводу принадлежит Павлу Евдокимову: «Евхаристическая экклесиология содержит в себе православное решение проблемы власти. В ее свете текст Мф. 16, 18 вовсе не означает какого-либо назначения апостола Петра в качестве *primat*, *главы*, вселенской Церкви с юридической властью над всем Телом»²⁵.

Достоинным учеником и продолжателем многих важных мыслей отца Николая Афанасьева стал протопресвитер Александр Шмеман. «Евхаристическая экклесиология» протоиерея Николая Афанасьева послужила указанием (хотя и не прямым образцом) дальнейшего направления богословского пути отца Александра»²⁶. Исходный пункт рассуждений отца Александра такой же, как и у отца Николая Афанасьева: «Литургический кризис состоит, прежде всего, в неправильном понимании функции и места богослужения в Церкви»²⁷.

Говоря о генезисе воззрений самого отца Александра, необходимо также указать и на влияние со стороны известного католического ученого Романо Гвардини. Его книга «О Духе Литургии» стала квинтэссенцией литургического движения. Отношения Шмемана с литургическим движением и степень влияния на него Гвардини требуют более подробного и широкого осмысления и вряд ли могут быть изложены в столь малом объеме. Свое отношение к литургическому движению Шмеман выразил в работе «Литургическое возрождение и Православная Церковь»²⁸. Отношение православной богословской мысли к «Литургическому движению» также важно, так как, по замечанию Кунцлера, «Папа Пий XII в энци-

²⁰ Агапов О. А., *прот.* Христианство как Евхаристия в богословии протопресвитера Александра Шмемана [Электронный ресурс]. URL: <http://ktds.org.ua/-/media/files/1/4/1459801349-oleg-agapovxristyanstvo-kak-evxarystyya-v-bogoslovyy-protopresvytera-aleksandra-shmemana.pdf> (дата обращения: 18.10.2017).

²¹ Там же.

²² Кунцлер М. Литургия Церкви. Т. 1. М.: Христианская Россия, 2001. С. 106–108.

²³ Там же. С. 108–115.

²⁴ Афанасьев Н., *протопресв.* Апостол Петр и Римский епископ (По поводу книги О. Кульманна «Св. Петр») // Православная мысль. 1955. № 10. С. 7–32.

²⁵ Евдокимов П. Н. Православие. М.: ББИ, 2012. С. 188.

²⁶ Мейендорф И., *прот.* Жизнь с избытком // Шмеман А., *протопресв.* Дневники. 1973–1983. М.: Русский путь, 2005. С. 655.

²⁷ Шмеман А., *протопресв.* Литургическое богословие о. Александра Шмемана. СПб.: Библиополис, 2006. С. 29.

²⁸ Он же. Литургическое возрождение и Православная Церковь // Богословие и богослужение. М.: Гранат, 2017. С. 118–167.

кликке Mediator Dei от 20 ноября 1947 г. также весьма поддержал Движение. Идеалы Движения подтверждены в Конституции о священной Литургии на II Ватиканском Соборе и полностью учтены в Римском Мисале 1970 г.»²⁹.

Гвардини оказал огромное влияние на Католическую Церковь XX в. и документ Sacrosanctum Concilium. «Уже в первых статьях данного документа, сразу после рассуждений о важности, центральности Литургии в жизни Церкви, содержатся указания на необходимость живого и сознательного участия всех верных в этом главном богослужении»³⁰.

Протоиерей Олег Агапов отмечает, что «Гвардини в своей книге дал образец именно такого богословия — близкого по форме и содержанию к искусству»³¹. Это особенно примечательно в контексте работ Ю. В. Балакшиной «Поэтика «Дневников» протопресвитера Александра Шмемана. Лирические истоки литургического богословия»³² и других ее трудов.

Также большое влияние на Шмемана оказал Луи Буйе³³.

Шмеман оказал большое влияние на современного исследователя русского литургического богословия Микаэля Хельма, а также на его труд «Освобождение Церкви: незавершенный проект литургического богословия»³⁴. «Общий тон рассуждений современных богословов, в отдельных аспектах близких к Шмеману, связан с осознанием того, что бытие Церкви вырастает из Евхаристии и ярче всего проявляет себя в ней»³⁵.

На труды Шмемана ссылаются многие католические литургисты, в том числе отец Мигель Арранц, не раз цитировавший шмемановское «Введение в литургическое богословие» в своей работе «Око церковное»³⁶. Также, говоря об истории типикона, Арранц ссылается на историческую теорию его развития, предложенную именно отцом Александром Шмеманом³⁷. Однако сложно говорить о каком-то особом влиянии отца Александра Шмемана на отца Мигеля Арранца. В своих трудах (пятитомник «Избранные сочинения по литургике»³⁸, «Евхаристия Востока и Запада»³⁹ и «Как молились Богу древние византийцы»⁴⁰ и другие труды) отец Мигель практически не цитирует Шмемана и из православных авторов, как правило, ссылается на других литургистов: выпускника Казанской духовной академии А. И. Алмазова, К. С. Кекелидзе и нашего современника А. М. Пентковского.

²⁹ Кунцлер М. Литургия Церкви. Т. 2. М.: Христианская Россия, 2001. С. 71.

³⁰ Агапов О. А., прот. Христианство как Евхаристия в богословии протопресвитера Александра Шмемана.

³¹ Там же.

³² Балакшина Ю. В. Поэтика «Дневников» протопресвитера Александра Шмемана. Лирические истоки литургического богословия. М.: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2015. 200 с.; Она же. Искусство как воскрешение времени: литургические аспекты интерпретации русской поэзии в дневниках протоиерея Александра Шмемана // Научные труды Санкт-Петербургского государственного академического института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина. Вып. 28. Проблемы развития отечественного искусства. 2014. Январь — март. С. 236–244.

³³ См. Агапов О. А., прот. Христианство как Евхаристия в богословии протопресвитера Александра Шмемана.

³⁴ Шмеман А., протопресв. Литургическое возрождение и Православная Церковь. С. 118–167.

³⁵ Агапов О. А., протоиерей. Христианство как Евхаристия в богословии протопресвитера Александра Шмемана.

³⁶ Арранц М. Око церковное. [Электронный ресурс]. URL: http://miguel-arranz.net/files/oko_tcerkovnoe.pdf (дата обращения: 12.11.2017).

³⁷ Там же.

³⁸ Она же. Избранные сочинения по литургике. В 5 тт. Рим, М.: Изд-во Института философии, теологии и истории св. Фомы, 2003; 2006.

³⁹ Она же. Евхаристия Востока и Запада М., 1999.

⁴⁰ Она же. Как молились Богу древние византийцы. Л.: Изд-во Ленинградской духовной академии, 1979.

Традиционно Арранца позиционируют как ученика и продолжателя дела профессора А. А. Дмитриевского⁴¹.

Особого внимания заслуживает отец Роберт Тафт. Были проанализированы следующие его труды: «Византийский церковный обряд. Краткий очерк»⁴², «21 ответ на вопросы по литургике и не только»⁴³, «Богословские построения IV века в византийской анафоре святителя Иоанна Златоуста»⁴⁴, а также многочисленные статьи и исследования⁴⁵.

Отец Роберт «не описывает византийское богослужение как нечто однажды и сразу возникшее и застывшее и неизменное. Напротив, он предлагает читателю спуститься вместе с ним вглубь веков и посмотреть, как складывается этот обряд»⁴⁶.

Практически с первых страниц данного труда отец Роберт ссылается на Шмемана. При этом Тафт дает оценку Шмеману и его работе «Введение в литургическое богословие» как попытке «дать подобный исторический очерк»⁴⁷, однако замечая, что «ныне мы располагаем и более современными очерками», и ссылаясь на труды отца Мигеля Арранца. Тафт неоднократно ссылается на исследования Арранца. Например, говоря об исследованиях Евхология, он ссылается на исследования его «коллеги Мигеля Арранца и его студентов-докторантов»⁴⁸, а также на исследования Дмитриевского.

Упомянув Тафта и о его учителя Хуане Матеоса⁴⁹, можно говорить о целой школе литургистов. «В трудах этой школы воскресли идеи и методы работы русских литургистов, получив при этом, как и должно быть при подлинном воскресении, качественно новое бытие»⁵⁰. Совместным трудом отцов Роберта Тафта и Хуана Матеоса является труд «Развитие византийской Литургии»⁵¹.

Сам Тафт в своих воспоминаниях давал Шмеману следующую оценку: «Отец Александр был харизматичный и очень красивый человек, очень выразительный. Резонанс, который по сей день вызывают его немногочисленные работы, я назвал бы «феноменом Шмемана». В наши дни практически невозможно услышать лекцию о Литургии или о современной жизни без единой цитаты из Шмемана»⁵².

Православный богослов и профессор Свято-Сергиевского богословского института Павел Николаевич Евдокимов (1901–1970) также оказал значительное влияние на католическую мысль XX в. Его работа «Православие»⁵³ многократно

⁴¹ Там же. С. 7.

⁴² Тафт Р. Византийский церковный обряд. Краткий очерк. СПб.: Алетейя, 2000.

⁴³ Он же. 21 ответ на вопросы по литургике и не только. Омск: Амфора, 2013.

⁴⁴ Он же. Богословские построения IV века в византийской анафоре святителя Иоанна Златоуста. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mhzh.ru/ru/author/89/Taft> (дата обращения: 12.11.2017).

⁴⁵ Он же. Статьи. Т. 1. Омск: Голованов, 2010.; Он же. Статьи. Т. 2. Омск: Голованов, 2011.

⁴⁶ Он же. Византийский церковный обряд. С. 8.

⁴⁷ Там же. С. 11.

⁴⁸ Там же. С. 64.

⁴⁹ См.: Матеос Х. Служение Слова в византийской литургии. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sergeyvgolovanov.narod.ru/projects/mateos1sample.pdf> (дата обращения: 15.11.2017).

⁵⁰ Лурье В. М. Послесловие редактора русского перевода / Р. Тафт // Византийский церковный обряд. СПб.: Алетейя. С. 108.

⁵¹ Матеос Х., Тафт Р. Развитие византийской литургии. Киев: Куда идешь?, 2009.

⁵² Тафт Р. Ты являешься частью проблемы или частью решения? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bogoslov.ru/text/3590491.html> (дата обращения: 12.10.2017).

⁵³ Евдокимов П. Н. Православие. М.: ББИ, 2012.

цитировалась в трехтомной «Литургии Церкви» католического литургиста Михаэля Кунцлера. В трех томах 29 раз отец Михаэль ссылается на православного профессора (27 раз в первом томе, 2 — во втором и ни разу в третьем томе, полностью посвященном католической литургии). Показательно, что абсолютное большинство цитат приходится на первый том, посвященный общему пониманию Литургии.

В трудах Евдокимова получает свое дальнейшее развитие идея «евхаристической экклесиологии», в том числе, как было показано выше, и в полемическом антикатолическом ключе.

В дальнейшем идеи «евхаристической экклесиологии» повлияли как на православных авторов (митрополит Антоний Сурожский, Оливье Клеман), так и на многих других представителей католической и отчасти протестантской богословской мысли XX в.

XX в. — это особое время для истории как Православной Церкви, так и Католической. Русские эмигранты не только не утратили свою православную культуру, но и смогли многое привнести в жизнь Запада. «Евхаристическая экклесиология», «царственное священство» всех верных — эти и многие интуиции русского богословия оказали существенное влияние на многих западных богословов.

Однако было бы неверным утверждать, что аналогичные идеи, явно прослеживающиеся в документах II Ватиканского Собора, имели только «православное происхождение». Они были также и результатом целого ряда внутренних процессов, которые повлекли пересмотр литургической жизни «тридентского благочестия».

Таким образом, именно в русской эмиграции произошла та долгожданная «встреча Востока и Запада», взаимно обогатившая представителей обеих сторон.

Источники и литература

1. *Агапов О. А., прот.* Христианство как Евхаристия в богословии протопресвитера Александра Шмемана [Электронный ресурс]. URL: <http://ktds.org.ua/-/media/files/1/4/1459801349-oleg-agarovxristyanstvo-kak-evxarystyya-v-bogoslovyy-protopresvytera-aleksandra-shmemana.pdf> (дата обращения: 18.10.2017).
2. *Арранц М.* Евхаристия Востока и Запада М., 1999.
3. *Арранц М.* Избранные сочинения по литургии. В 5 тт. Рим; М.: Изд-во Института философии, теологии и истории св. Фомы, 2003; 2006.
4. *Арранц М.* Как молились Богу древние византийцы. Л.: Изд-во Ленинградской духовной академии, 1979. 310 с.
5. *Арранц М.* Око церковное. [Электронный ресурс]. URL: http://miguel-arranz.net/files/oko_tserkovnoe.pdf (дата обращения: 12.11.2017).
6. *Афанасьев Н., протопресв.* Апостол Петр и Римский епископ (По поводу книги О. Кулльманна «Св. Петр») // Православная мысль. 1955. № 10. С. 7–32.
7. *Балакшина Ю. В.* Искусство как воскрешение времени: литургические аспекты интерпретации русской поэзии в дневниках протоиерея Александра Шмемана // Научные труды Санкт-Петербургского государственного академического института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина. Вып. 28. Проблемы развития отечественного искусства. 2014. Январь — март. С. 236–244.
8. *Балакшина Ю. В.* Поэтика «Дневников» протопресвитера Александра Шмемана. Лирические истоки литургического богословия. М.: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2015.

9. *Дестивель И.* Встреча православной русской экклесиологии с католической экклесиологией в XIX–XX вв. [Электронный ресурс]. URL: <http://pandia.ru/text/77/344/60026.php> (дата обращения: 20.10.2017).
10. Духовные задачи русской эмиграции // Путь. 1925. № 1. С. 3–8.
11. *Евдокимов П. Н.* Православие. М.: ББИ, 2012.
12. *Зайцев А. А.* Границы Церкви // Православная энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravenc.ru/text/166375.html> (дата обращения: 18.10.2017).
13. *Кунцлер М.* Литургия Церкви. В 2 т. М.: Христианская Россия, 2001.
14. *Лурье В. М.* Послесловие редактора русского перевода / Р. Тафт // Византийский церковный обряд. СПб.: Алетейя, С. 105–110.
15. *Матеос Х.* Служение Слова в византийской литургии. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sergeyvgolovanov.narod.ru/projects/mateos1sample.pdf> (дата обращения: 15.11.2017).
16. *Матеос Х., Тафт Р.* Развитие византийской литургии. Киев: Куда идешь?, 2009.
17. *Мейендорф И., прот.* Жизнь с избытком / протопресв. Шмеман А. // Дневники. 1973–1983. М.: Русский путь, 2005. С. 655.
18. *Михайлов П. Б.* Конгар Ив Мари-Жозеф. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bogoslov.ru/persons/277794/> (дата обращения: 18.10.2017).
19. Современное католическое богословие: хрестоматия / под ред. М. А. Хейз, Л. Джирон. [Электронный ресурс]. URL: <http://esxatos.com/sovremennoe-katolicheskoe-bogoslovie> (дата обращения: 18.10.2017).
20. *Тафт Р.* 21 ответ на вопросы по литургике и не только. Омск: Амфора, 2013.
21. *Тафт Р.* Богословские построения IV века в византийской анафоре святителя Иоанна Златоуста. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mhzh.ru/ru/author/89/Taft> (дата обращения: 12.11.2017).
22. *Тафт Р.* Византийский церковный обряд. Краткий очерк. СПб.: Алетейя, 2000.
23. *Тафт Р.* Статьи. В 2 т. Омск: Голованов, 2010.
24. *Тафт Р.* Ты являешься частью проблемы или частью решения? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bogoslov.ru/text/3590491.html> (дата обращения: 12.10.2017).
25. *Ткаченко А. А.* Бредшоу // Православная энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravenc.ru/text/153517.html> (дата обращения: 18.10.2017).
26. *Шмеман А., протопресв.* Литургическое богословие о. Александра Шмемана. СПб.: Библиополис, 2006.
27. *Шмеман А., протопресв.* Литургическое возрождение и Православная Церковь // Богословие и богослужение. М.: Гранат, 2017. С. 118–167.

ВЫСОТА, ВЕЛИЧИЕ И ВАЖНОСТЬ ПАСТЫРСКОГО СЛУЖЕНИЯ

Шевчук Дмитрий Юрьевич

магистрант 1-го курса Казанской православной духовной семинарии

E-mail: nexusseven1994@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена разбору важности пастырского служения по учению святителей Григория Богослова и Иоанна Златоуста.

Ключевые слова: православие; святитель Григорий Богослов; святитель Иоанн Златоуст; пастырское служение

THE HEIGHT, GRANDEUR AND IMPORTANCE OF PASTORAL MINISTRY

Abstract: The article is devoted to the analysis of the importance of pastoral ministry according to the teachings of Saints Gregory the Theologian and John Chrysostom.

Keywords: orthodoxy; Saint Gregory the Theologian; Saint John Chrysostom; pastoral ministry

Shevchuk Dmitrij Yur'evich, 1st year master's student of the Kazan Orthodox Theological Seminary

Вселенские учителя святители Григорий Богослов и Иоанн Златоуст весьма высоко смотрели на пастырское служение. Высота священнического служения открывается уже из того, что оно учреждено Самим Господом Иисусом Христом¹. Господь окружает принимающих это служение особенными дарами, уделяет им часть той власти, которая дана Ему на небе и на земле (Мф. 28, 18–19; Ин. 20, 21–23; Мф. 16, 19), и обещает быть с ними во все дни, до скончания века (Мф. 28, 20).

Неудивительно поэтому, что достойный деятель на ниве Христовой в Священном Писании именуется словами великой чести. Истинный пастырь людей Божиих называется «Человеком Божиим» (Нав. 14, 6), верным рабом (Чис. 12, 7), богом Фараона (Исх. 7, 1), мужем желаний (Дан. 10, 11), человеком, который написан на руках Господних (Исх. 49, 16) и который является державным достоянием Господним (Пс. 15, 6).

Духовные наставники и руководители также именуется зваными святыми (Рим. 1, 7), людьми избранными (Тит. 2, 14), «царственным священством, народом святым» (1 Пет. 2, 9), столпами и утверждением истины (1 Тим. 3, 15), светом в мире, людьми, содержащими слово жизни (Флп. 2, 15–16) и мужами о Христе (Еф. 4, 13).

«Я, — говорит св. Григорий Богослов, — не так мало разумею и Божие величие и человеческую низость, чтобы для всякого сотворенного естества не признавать великим — хотя сколько-нибудь приближаться к Богу, Который един всего светозарнее, всего славнее и превосходит чистотою всякую вещественную и невещественную природу»².

Если признается «великим делом хоть сколько-нибудь приближаться к Богу», то быть «тайноводителем в жизнь светлую и нескончаемую»³, «воссоздать соз-

¹ См.: Григорий Богослов, свт. Творения. Кн. III. М., 1888. С. 106; Иоанн Златоуст, свт. Творения. Т. III. С. 417.

² См.: Григорий Богослов, свт. Творения. Кн. I. М., 1888. С. 14–15.

³ Там же. Кн. VI. С. 67.

дание, воссоздать образ Божий, творить для горняго мира»⁴, «приводить в землю обетования... входить во Святая Святых, не единожды в год, но многократно и ежедневно, и оттуда открывать Святую Троицу»,⁵ «возводить горе и делать таинниками небеснаго»⁶, «имея пред очами царющаго в горних Бога, своими молитвами приводить в общение смертных с Бессмертным»⁷ — дело высокое, величественное, важное и славное.

Служение пастыря, по словам Златоуста, так высоко, что он не находит возможным ставить его в параллель с каким-либо другим служением, ибо оно «настолько превосходнее всякого служения, сколько небо превосходнее земли»⁸. «Какая власть может быть больше?» — продолжает святитель. «Отец суд весь даде Сынови (Ин. 5, 22); а я вижу, что Сын весь этот суд вручил священникам. Они возведены на такую степень власти, как бы уже переселились на небеса, превзошли человеческую природу и освободились от наших страстей»⁹.

Христианское священство выше священства ветхозаветного. «Священники иудейские имели власть очищать тело от проказы, или лучше, не очищать, а только свидетельствовать очищенных (Лев. 14)... А наши (священники) получили власть не свидетельствовать только очищение, но совершенно очищать не проказу телесную, но нечистоту душевную»¹⁰. Святитель еще одним ярким свидетельством доказывает высоту пастырского служения. «Представь пред очами своими Илию, — говорит св. отец, — и стоящее вокруг бесчисленное множество народа, и лежащую на камнях жертву; все другие соблюдают тишину и глубокое молчание, один только пророк молится, и за тем внезапно пламень ниспадает с небес на жертву (3 Цар. 18, 30–38); все это дивно и исполнено ужаса. Теперь перейди отсюда к совершаемому ныне, и ты увидишь не только дивное, но и превосходящее всякий ужас. Предстоит священник, низводя не огонь, но Святаго Духа; совершает продолжительное моление не о том, чтобы огонь ниспал свыше и попалил предложенное, но чтобы Благодать, нисшедши на Жертву, воспламенила чрез нее души всех и соделала их светлейшими очищенного огнем серебра»¹¹.

Отцы духовные выше даже самых близких к нам людей — отцов по плоти. Последние рождают «нас от крове и от плоти плотския (Ин. 1, 13), а пастыри — духовные отцы являются «виновниками нашего рождения от Бога, блаженного пакибытия, истинной свободы и благодатнаго усыновления»¹².

Соответственно своему служению на земле пастырь имеет исключительные также и полномочия духовного (благодатного) возрождения и приобщения Христу через вкушение Его Плоти и Крови, необходимое для вечной жизни (Ин. 3, 5; 6, 54), отпущение грехов и вообще все таинства, приводящие в жизнь вечную, — «все это совершается не кем иным, как только этими священными руками, т. е. руками священника»¹³. Священники в своей деятельности являются непосредственными продолжателями дела Иисуса Христа, Его служения спа-

⁴ Там же. Кн. I. С. 49.

⁵ Там же. Кн. IV. С. 106.

⁶ Там же. С. 276.

⁷ Там же. С. 284.

⁸ Иоанн Златоуст, свт. Творения. Т. I. С. 418.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 417.

¹² Там же. С. 418.

¹³ Там же.

сению рода человеческого¹⁴. Как Божественный Пастыреначальник однажды навсегда совершил спасение всего рода человеческого, так его преемники — пастыри имеют задачей приводить ко спасению души отдельных людей, вверенных их попечению.

Разве может быть что выше и важнее на земле для человека, как то, что приносит ему священник. Он, «восприняв власть над народами, чистыми и великими жертвами, примиряет Христа с земнородными»¹⁵. И действительно, быть «близ сея Жертвы... сей таинственной Трапезы»¹⁶, совершать «бескровную Жертву, через которую делаемся участниками со Христом в страданиях и Божестве»¹⁷, приносить ее Богу и «умилостивлять Бога за грехи всех, не только живых, но и умерших»¹⁸ — что может быть величественнее такой обязанности на земле. Всякий раз, когда исполняет ее священнослужитель чистыми руками и высоким очищенным умом, он «стоит с Ангелами, славословит с Архангелами, возносит жертвы на горний жертвенник, священнодействует со Христом»¹⁹.

Питаюсь в жизнь вечную от бескровной Жертвы сам и насыщая «души божественною пищею»²⁰ пасомых, священник естественно и неотъемлемо оказывается «посредником между Богом и человеками»²¹ и, будучи сам посвящен в небесные таинства, приобщает всех желающих получить этот бессмертный дар.

Важно и похвально пастырское служение тем, что носители его «с высоты престолов осиявают спасительным учением»²², являются «громозвучными вестниками истины»²³ и ее постоянными и твердыми защитниками. Как солнце для земли посредством лучей несет ей блага, так пастыри «перстом Божиим на сердцах людей вписывают новое десятословие сокращенного спасения»²⁴.

Велик и славен пастырь и в повседневном трудном подвиге нравственного совершенствования, в подвиге ревнителя благочестия и искоренителя всякого зла, порока и беззакония.

«Великое дело, — призывает св. Григорий, — воспрепятствовать убийству, наказать прелюбодеяние, обуздать хищничество; несравненно выше внушить благочестивое и преподать здоровое учение»²⁵.

Не менее важно и славно дело «очищать людей не на время установленными кроплениями, но вечными очищениями»²⁶, посредством чистоты души, «светлостью ума, светильниками, озаряющими все тело Церкви, т.е. божественными созерцаниями и размышлениями, возносимыми на священный свещник и освещающими всю вселенную»²⁷.

---

¹⁴ См.: Иоанн Златоуст, *свт.* Беседа на II Коринфянам. М., 1843. С. 258–262.

¹⁵ Григорий Богослов, *свт.* Творения. Кн. IV. С. 224.

¹⁶ Там же. Кн. II. С. 219.

¹⁷ Там же. Кн. I. С. 93–94.

¹⁸ Нечаев П. И. Практическое руководство для священнослужителей. СПб., 1910. С. 74.

¹⁹ Григорий Богослов, *свт.* Творения. Кн. I. С. 49.

²⁰ Там же. Кн. VI. С. 6.

²¹ Там же. Кн. I. С. 56.

²² Там же. Кн. VI. С. 49.

²³ Там же. Кн. V. С. 317.

²⁴ Там же. Кн. III. С. 263.

²⁵ Там же. С. 192.

²⁶ Там же. Кн. IV. С. 106.

²⁷ Там же. Кн. I. С. 169.

Поскольку пастырское служение является продуктом не человеческого ума, а Божественного и ставит своей целью возратить ветхого Адама в райское блаженство, уподобить людей Христу Спасителю, сделать их богами — все это показывает, что это служение величественное, важно и выше всех земных целей по сущности и по дерзновению, обширнее и глубже по объему деятельности, полнее удовлетворяет духовные запросы человека, несравненно прекраснее и обильнее по плодам, славнее и досточтимее по доставляемым благам, потому что они не материальны, временны и скоротечны, а духовны, божественны и вечны.

Что касается вышесказанного, то с этой точки зрения священство представляется стоящим на такой высоте, к которой страшно приблизиться человеческой слабости и греховной нечистоте. Но если мы отвлечемся от этой таинственной, вышестественной стороны в священническом служении, для которой требуется и ниспосылается особая благодать Духа, и будем судить о священнике и его служении по взгляду чисто человеческого в его отношении к людям, то и тогда нельзя не видеть высокой важности священнического призвания. Священник — духовный руководитель народа. Он носит, сеет и распространяет семена чистого, небесного учения. Он возбуждает и укрепляет в людях или в среде, вверенной его пастырскому водительству, святые, возвышенные мысли, которые должны управлять нашей жизнью и приближать нас к нашему высокому предназначению. Как учитель веры и нравственности пастырь по примеру святого апостола Павла должен воззвать вверенной его смотрению пастве всю волю Божию, раскрывая пред нею все то, во что должно веровать, что делать и для чего удаляться всякому христианину для получения вечного блаженства.

Достойной важности и похвалы заслуживает труд пастыря и его деятельность как борца за мир и благоденствие, за порядок и благочиние в обществе верующих и во всем мире. Ратуя за мир, пастырь особенно всецело выступает за великое дело Христово, за «дар, который отходя отселе», говорит св. Григорий, «оставил Он нам» (Ин. 14, 17)²⁸. Пастырь Христова стада «молится за весь город, — что я (св. Иоанн Златоуст. — *Прим. Д. Ш.*) говорю за город? — за всю вселенную»²⁹. Воодушевляет пастыря молиться «о мире всего мира» и выступать за мир то, что он прекрасен делом и именем³⁰. Он выше и благодатнее даже похвальной брани³¹, а в законе и учении он считается всего полезнее и превосходнее³². Те люди и пастыри, которые всячески стараются проповедовать мир и всем сердцем любят его, близки к «ангельским и небесным существам, которым ничто так не свойственно, как мир и безмятежие»³³. За ревностное отстаивание дела мира как великого дара Божиего для людей предстоятелей церквей св. Григорий заслуженно величает «великим наследием Божиим»³⁴, «основанием мира, христоносцами»³⁵ и широко-вещательными проповедниками «всем мира»³⁶.

Отмечая высоту, величие и важность пастырского служения и прославления его деятелей, надо заметить, что эти качества относятся только к тем служителям,

²⁸ Там же. С. 199.

²⁹ *Иоанн Златоуст, свят.* Творения. Кн. VI. С. 462.

³⁰ *Григорий Богослов, свят.* Творения. Кн. II. С. 186.

³¹ Там же. С. 198.

³² Там же. Кн. III. С. 111.

³³ Там же. Кн. I. С. 186.

³⁴ Там же. С. 162.

³⁵ Там же. Кн. VI. С. 67.

³⁶ Там же. С. 49.

которые преемственно получили его от Господа и святых апостолов, и слава возносится не наемникам и славолюбцам, и себялюбцам, а таким, как Василий Великий, у которого «красотою была добродетель, величием — богословие, шестви-ем — непрестанное стремление и восхождение к Богу, силою — сеяние и разда-ние слова»³⁷.

Перечисляя наиболее характерные нравственные и пастырские качества вселенского святителя, св. Григорий Богослов считает вполне достойным поступком, если и мы будем хвалить «святого и общего нашего Отца, эту опору веры, это правило истины и образец в Церкви, эту седину, исполненную благоразумия, этого Мужа, превзошедшего веру в жизни человеческой и добродетелей, этого верного Служителя и великого Архиерея, посредника между Богом и человеком, эту обитель Духа»³⁸. «Люблю, — говорит святой Димитрий Ростовский, — одну старую книгу за то, что в ней написаны следующие слова: «Павловы уста — Христовы уста, Златоустовы уста...»³⁹ Также и святой Иоанн указывает образец истинно пастырской деятельности в жизни св. ап. Павла. Приведя его слова: «Кто изнемогает... и не изнемогаю? Кто соблазняется, и аз не разжизаюся? (2 Кор. 11, 29)» — Св. Златоуст замечает: «Таков должен быть священник»⁴⁰. Таким и был святитель в своей пастырской деятельности.

Как видим, пастырь своим служением поставляется в непосредственное соприкосновение с самыми великими, важными вопросами и с самыми серьезными и трогательными явлениями в жизни человека. Церковь или, по ее полномочию, священник встречает каждого из нас, неся благословение свыше, когда мы являемся на свет. Пастырь дает благословение и благодатное укрепление, когда в брачном союзе люди начинают самостоятельную жизнь; священник молитвами и небесными утешениями провожает умершего в могилу или иной мир, нами ожидаемый. Кто нужнее священника в такие минуты нашего существования? Безусловно, он как непосредственный продолжатель дела Господа нашего Иисуса Христа и Его служения спасению рода человеческого⁴¹.

Итак, пастырскому служению и самому лицу пастыря свв. Григорий Богослов и Иоанн Златоуст приписывают такие черты и свойства, благодаря которым то и другое (пастырство и лицо пастыря) выделяются по своему высокому и важному назначению из всех мирских служений. Пастырство — это не служба и не должность, но всецелое посвящение себя Христу и человечеству в евангельском смысле. С другой стороны, и пастырь не есть должностное лицо в общепринятом значении этого слова. Облеченный Божественной властью для прохождения своего высокого служения, он стоит неизмеримо выше всех служений мира. Словом, пастырь, по словам Златоуста, является «небесным посланником на земле»⁴², хотя и плотским, но уполномоченным от Самого Бога, посредником между Ним и грешным человеком, притом посредником, всецело ответственным перед Богом в принятом на себя высоком, важном и в то же время ответственным служении.

---

³⁷ Там же. Кн. IV. С. 100.

³⁸ Там же. Кн. VI. С. 166.

³⁹ Борис, иеромон. Путь пастырской жизни. Зарайск, Б. г. С. 4.

⁴⁰ Иоанн Златоуст, свт. Творения. Кн. III. С. 420.

⁴¹ Он же. Беседа на II Коринфянам. С. 259–262.

⁴² Он же. Беседа на II Тимофею. СПб., 1859. С. 26.

Источники и литература

1. *Борис, иером.* Путь пастырской жизни. Зарайск, Б. г.
2. *Григорий Богослов, свят.* Творения. Кн. I–VI. М., 1888.
3. *Иоанн Златоуст, свят.* Беседы на II Коринфянам. М., 1843.
4. *Иоанн Златоуст, свят.* Беседы на II Тимофею. СПб., 1859.
5. *Иоанн Златоуст, свят.* Творения. Т. I–IV. СПб., 1895–1898.
6. *Нечаев П. И.* Практическое руководство для священнослужителей. СПб., 1910.

МИССИОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ МИССИИ

**ПРОФЕССОР КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ
МИХАИЛ ГРИГОРЬЕВИЧ ИВАНОВ (1884–1937):
МИССИОНЕР И ИСЛАМОВЕД**

Ерундов Николай Александрович

*магистр богословия, секретарь кафедры общей и церковной истории
Казанской православной духовной семинарии*

E-mail: gerundivN-K@yandex.ru

Аннотация: В статье освещается биография профессора Казанской духовной академии Михаила Григорьевича Иванова. Особое внимание уделяется его миссионерской и научно-педагогической деятельности.

Ключевые слова: Казанская духовная академия; исламоведение; миссионерство

**PROFESSOR OF KAZAN THEOLOGICAL ACADEMY MIKHAIL IVANOV (1884–1937):
MISSIONARY AND ISLAMIC SCHOLAR**

Abstract: The article is devoted to the biography of the professor of the Kazan Theological Academy — Mikhail Grigorievich Ivanov. Particular attention is paid to his missionary, scientific and pedagogical activities.

Keywords: Kazan Theological Academy; islamic studies; missionary work

Erundov Nikolaj Aleksandrovich, master of theology, Secretary at the Department of General and Church History of the Kazan Orthodox Theological Seminary

Одним из главных направлений научной деятельности Казанской духовной академии было изучение ислама. Именно здесь в середине XIX в. сформировалось особое направление в исламоведении, которое светские востоковеды называли миссионерским. Суть этого направления заключалась в изучении ислама для ведения среди инородцев Среднего Поволжья активной миссионерской деятельности. Стены Казанской академии дали научному миру и, прежде всего, Русской Церкви целую плеяду миссионеров и исламоведов, таких как Н. И. Ильминский, Г. С. Саблуков, М. А. Машанов, Е. А. Малов, Н. П. Остроумов. Наследие многих из них уже охвачено научным вниманием, однако есть и такие, чей вклад в развитие исламоведения еще ждет своего изучения. В их числе миссионер и исламовед, профессор кафедры арабского языка истории и обличения магометанства Казанской духовной академии Михаил Григорьевич Иванов.

М. Г. Иванов родился 11 ноября 1884 г. в селе Секиners Мамадышского уезда Казанской губернии в семье крестьянина и фельдшера при Мамадышской земской больнице Григория Ивановича Иванова¹. Окончив по первому разряду Чистопольское духовное училище (1900)² и Казанскую духовную семинарию (1906)³, М. Г. Иванов в 1906 г. поступает на миссионерское отделение Казанской духовной академии. Своим усердием к миссионерским предметам он сразу же обра-

¹ Протоколы заседания Совета Казанской духовной академии за 1914 г. // Православный собеседник. 1917. Ч. 1. Январь — февраль. С. 461.

² Разрядный список учеников Чистопольского духовного училища за 1899/1900 // Известия по Казанской епархии за 1900 г. С. 638.

³ Разрядный список учеников Казанской духовной семинарии за 1905/1906 уч. г. // Известия по Казанской епархии за 1906 г. С. 803.

щает на себя внимание профессора кафедры арабского языка, истории и обличения магометанства М. А. Машанова. Между ними завязывается общение, которое, как увидим далее, сыграет ключевую роль в судьбе М. Г. Иванова.

В апреле 1910 г. духовные академии переходят на новый устав, одна из задач которого — уменьшение роли светских преподавателей за счет кандидатов из числа священнослужителей и монашествующих. На практике это приводит к уходу из академии многих выдающихся профессоров⁴. Под негативное влияние нового устава попадает и М. А. Машанов. Вынужденно оставляя кафедру, М. А. Машанов 19 мая 1910 г. официально уведомляет Совет Академии о своем желании оставить вместо себя М. Г. Иванова «как очень усердного студента по миссионерским предметам, любящего миссионерское дело и отчасти знакомого с инородцами Казанского края»⁵. При этом М. А. Машанов просит Совет оставить М. Г. Иванова на год в Академии в качестве стипендиата «для более основательной подготовки к преподаванию миссионерских предметов»⁶. Поскольку штат так называемых профессорских стипендиатов был весьма ограничен (по уставу 1910 г. полагалось всего две вакансии и те для монашествующих, с отличием окончивших Академию)⁷, М. А. Машанов соглашается даже на утверждение М. Г. Иванова в качестве стипендиата без денежных дотаций. Вероятно, он уже был осведомлен о желании Казанского архиепископа Никанора (Каменского) назначить М. Г. Иванова на должность епархиального противомусульманского миссионера и потому не беспокоился о денежном содержании своего подопечного. Действительно, 22 мая 1910 г. М. Г. Иванов назначается на должность епархиального противомусульманского миссионера. Однако прошение М. А. Машанова об утверждении М. Г. Иванова стипендиатом остается без удовлетворения.

Итак, с 22 мая 1910 г. начинается новый, хотя непродолжительный, но весьма бурный, этап жизни М. Г. Иванова. В должности епархиального противомусульманского миссионера он будет состоять чуть больше года — с 22 мая 1910 г. по 16 августа 1911 г.⁸ В этот период времени М. Г. Иванов официально оканчивает Академию и за сочинение «Изложение и разбор мусульманского учения о святых» удостоивается степени кандидата богословия. Авторы отзывов профессор-протоиерей Е. А. Малов и профессор М. А. Машанов признают его сочинение «вполне удовлетворительным», последний даже рекомендует представленное сочинение к соисканию степени магистра богословия⁹.

В июне 1910 г. М. Г. Иванов под руководством М. А. Машанова принимает участие в подготовке к Всероссийскому миссионерскому съезду в Казани (13–26 июня 1910 г.)¹⁰. Во время работы съезда, 22 июня 1910 г., на секции по вопросам язычества и борьбы с ним он выступает с докладом «О количестве язычников в Поволжье и их религиозно-нравственном состоянии». В нем автор приводит статистические данные о распространении язычников в Поволжье, говорит о влиянии на язычников ислама, об отношении язычников к православному духовенству. Особо отмечается роль христианского воспитания детей как эффек-

⁴ Журавский А. В. Казанская духовная академия на переломе эпох. 1884–1921 гг. М., 1999. Л. 70.

⁵ Протоколы заседания Совета Казанской духовной академии за 1910 г. С. 85.

⁶ Там же.

⁷ Устав православных духовных академий, Высочайше утвержденный 2 апреля 1910 г. Казань, 1911. С. 16.

⁸ Протоколы заседания Совета Казанской духовной академии за 1914 г. С. 462.

⁹ Отзывы о курсовых сочинениях студентов 51-го курса // Православный собеседник. 1912. Май. С. 182–193.

¹⁰ Иванов М. Г. Краткие сведения о религиозном состоянии инородцев Казанской епархии в 1910 г. // Известия по Казанской епархии за 1911 г. С. 884–885.

тивного средства просвещения инородцев¹¹. Выдержки из этого доклада входят в общую резолюцию по церковно-миссионерскому отделу¹². За труды в организации и проведении Миссионерского съезда в августе 1912 г. награждается Библией, «от Святейшего Синода выдаваемой»¹³.

Для ознакомления с положением миссионерского дела в Казанской епархии М.Г. Иванов посещает различные инородческие села Казанской епархии. В августе он посещает Казанский и Мамадышский уезды, в сентябре присутствует при освящении храма в селе Баймурзино Тетюшского уезда¹⁴, в ноябре посещает Царевококшайский уезд, в декабре — Тетюшский. Во всех населенных пунктах М.Г. Иванов проводит с крещеными татарами миссионерские беседы.

Итогом деятельности М.Г. Иванова в качестве епархиального миссионера становится отчет о положении миссионерского дела в Казанской епархии за 1910 г. под заглавием «Краткие сведения о религиозном состоянии инородцев Казанской епархии»¹⁵. Распределив инородцев по четырем группам: язычники, крещенные инородцы, отпавшие в мусульманство, крещенные татары и татары-мусульмане, автор предлагает разные пути к решению проблем миссии в каждой из вышеназванных групп. Так, важное значение для просвещения язычников, по мнению М.Г. Иванова, имеют школы; для утверждения в христианстве крещеных инородцев необходимо увеличить штат книгонош-миссионеров¹⁶; для отпавших в ислам создавать различные мастерские с целью предотвращения ухода инородцев на заработки в среду мусульман. Главной задачей для миссии среди татар-мусульман является знакомство последних с христианским учением и критика мусульманских доктрин¹⁷.

Таким образом, М.Г. Иванов сумел в короткий срок реализовать себя в качестве епархиального миссионера. При этом он сознавал временность своего положения, помня, что профессор М.А. Машанов готовит для него иную стезю — стезю научно-педагогической работы в стенах Казанской академии.

Действительно, прошение М.А. Машанова, поданное им Совету Академии еще в 1910 г., не было удовлетворено, и поэтому 28 мая 1911 г. М.А. Машанов подает вторичное прошение о рассмотрении кандидатуры М.Г. Иванова в качестве преподавателя кафедры арабского языка, истории и обличения магометанства. Совет Академии принимает во внимание это прошение и объявляет конкурс на замещение освободившейся преподавательской ставки. Учреждается специальная комиссия из 24 членов под председательством Е.А. Малова с участием М.А. Машанова и иеромонаха Гурия (Степанова). В комиссию подаются четыре заявки, среди них помощник директора Казанской учительской семинарии Д. Богданов, инспектор народных училищ Казанского уезда Я.Д. Коблов, лектор французского языка и сверхштатный практикант арабского языка при Академии П.К. Жузе и епархиальный противомусульманский миссионер М.Г. Иванов. После рассмо-

¹¹ Миссионерский съезд в городе Казани 13–26 июня 1910 г. Казань, 1910. С. 668–672.

¹² См.: *Иванов М.Г.* О количестве язычников в Поволжье и об их религиозном состоянии // Православный соборник. 1911. Ч. 1. С. 813–826.

¹³ Памятная книжка Императорской Казанской духовной академии 1916–1917 академический год. Казань, 1917. С. 27.

¹⁴ Торжественное освящение храма в селе Баймурзино // Известия по Казанской епархии за 1910 г. С. 1076–1089.

¹⁵ См.: *Иванов М.Г.* Краткие сведения о религиозном состоянии инородцев Казанской епархии в 1910 г. С. 824–833, 884–892.

¹⁶ Миссионеры-книгоноши — помощники епархиальных миссионеров из мирян, распространявшие среди инородцев миссионерскую литературу.

¹⁷ См.: *Иванов М.Г.* Краткие сведения о религиозном состоянии инородцев Казанской епархии в 1910 г. С. 824–833, 884–892.

тения заслуг каждого кандидата Совет Академии переходит к открытому обсуждению конкурсантов. После обсуждения Совет перешел к открытому голосованию. В пользу кандидата М. Г. Иванова отдают свой голос 13 человек, в пользу П. К. Жузе — 12, в пользу Я. Д. Коблова — 14. По результатам голосования новым преподавателем кафедры арабского языка, истории и обличения магометанства становится Я. Д. Коблов¹⁸. Однако решение Совета Академии утверждает Св. Синод. Синод же, имея перед собой рекомендацию М. А. Машанова, отклоняет кандидатуру Я. Д. Коблова и утверждает М. Г. Иванова (16 августа 1911 г.)¹⁹. Как видим, благодаря профессору М. А. Машанову М. Г. Иванов становится штатным преподавателем кафедры и входит в научное сообщество преподавателей и профессоров Казанской духовной академии.

Основным занятием М. Г. Иванова в стенах Академии становится преподавание миссионерских предметов и арабского языка. М. Г. Иванов преподает студентам первого курса арабский язык, историю и обличение мухаммеданства. На занятиях по арабскому языку М. Г. Иванов излагает краткие сведения по грамматике и переводит со студентами с 100-й по 114-ю суры Корана; на лекциях по обличению мухаммеданства проводит сравнительный анализ мусульманского и христианского вероучения, параллельно излагает историю и практику мусульманских обрядов²⁰.

Не забывает М. Г. Иванов и о научной деятельности. Только за период с 1910 по 1915 г. им было опубликовано около 30 статей и библиографических заметок.

Важнейшее место в творчестве М. Г. Иванова, наряду с миссионерством, занимает изучение ислама. Область научных интересов М. Г. Иванова — вероучительная и обрядовая сторона ислама, а именно вопрос почитания святых в исламе. Этой проблеме посвящены практически все работы М. Г. Иванова и в первую очередь его магистерская диссертация «О почитании святых в исламе с точки зрения православного богослова: богословско-полемическое исследование»²¹.

Своей магистерской диссертацией М. Г. Иванов начинает вплотную заниматься с 1913 г. В сентябре 1913 г. он сдает дополнительные испытания и получает звание магистранта. Летом 1914 г. М. Г. Иванов отправляется в научную командировку в Среднюю Азию. Он посещает Ташкент, Бухару, Самарканд, где наблюдает за обычаями и религиозными обрядами местных мусульман, ведет беседы с исламским духовенством.

21 декабря 1914 г. в стенах Академии проходит защита магистерской диссертации М. Г. Иванова. В качестве официальных оппонентов Совет Академии назначает профессора М. А. Машанова и доцента Академии Н. Ф. Катанова. Неофициальным оппонентом выступает П. К. Жузе²². Если официальные оппоненты признают сочинение М. Г. Иванова «удовлетворительным», то П. К. Жузе выступает с разгромным критическим отзывом, который публикуется в журнале «Православный собеседник» в виде библиографической заметки²³. П. К. Жузе характеризует труд Иванова как «мертворожденный», не удовлетворяющий ни научным требованиям, ни требованиям «практическо-миссионерским»²⁴.

¹⁸ Протоколы заседания Совета Казанской духовной академии за 1911 г. С. 50–51.

¹⁹ НА РТ. Ф. 10. ОП. 1. Д. 11048. Л. 30.

²⁰ Годичный акт в Казанской духовной академии 8 ноября 1912. С. 42.

²¹ См.: Миссионерский противомусульманский сборник. Вып. 24. Казань: Типо-литогр. Каз. Имп. ун-та, 1914.

²² Протоколы заседания Совета Казанской духовной академии за 1914 г. С. 461.

²³ См.: Жузе П. К. Библиографическая заметка // Православный собеседник. 1915. Июль — август. С. 43–462; Сентябрь. С. 141–154.

²⁴ Там же. С. 154.

Несмотря на «острый» отзыв П. К. Жузе, М. Г. Иванов удостоивается степени магистра богословия (10 февраля 1915 г.)²⁵. Критический отзыв П. К. Жузе требует со стороны М. Г. Иванова ответа, и он появляется на страницах «Православного собеседника» под заглавием «Ответ нашему критику»²⁶. Завязывается полемика, красной нитью которой становится вопрос о месте практического, т. е. полемического, элемента в научных работах по исламоведению. П. К. Жузе смущает, что на миссионерском отделении установилась традиция, согласно которой каждое выпускное сочинение преследует две противоположные задачи — теоретическую и практическую, соединение которых он считает вредным²⁷. Такой критический взгляд на деятельность миссионерского отделения связан, прежде всего, с изменением методологии исламоведческих взглядов самого П. К. Жузе. Научная командировка на Ближний Восток в 1909–1910 гг., знакомство с академиком И. Ю. Крачковским постепенно приводят ученого к отказу от принципов и методов миссионерского исламоведения и переходу на позиции академического востоковедения²⁸.

Критический отзыв П. К. Жузе — это еще и яркий пример противостояния между миссионерской, полемической школой в Казанской академии и зарождающейся научно-этнографической школой. Указы о веротерпимости 1905 г., нанесшие сокрушительный удар по миссионерству, уход из Казанской академии Евфимия Малова (1910 г.) и приход Н. Ф. Катанова заставляют поменять ориентиры с полемических на этнографические²⁹. Миссионерское отделение, конечно, не прекращает свое существование, оно теперь пытается приспособиться к новым условиям, где главная задача не столько практическая, сколько научная. В этих новых условиях приходится работать и М. Г. Иванову.

Через год после защиты магистерской диссертации, 14 марта 1916 г., М. Г. Иванов удостоивается звания штатного экстраординарного профессора³⁰.

М. Г. Иванов преподавал в Академии до самого ее закрытия в 1921 г. Далее следы М. Г. Иванова теряются на целых 15 лет. Только в 1937 г. он объявляется в Томске, где преподает в медицинском институте латинский язык. В этом же году его арестовывают, обвиняют в антисоветской деятельности и расстреливают³¹.

Так завершается жизнь миссионера и ислаоведа, профессора кафедры арабского языка истории и обличения магометанства Казанской духовной академии М. Г. Иванова. Один из виднейших воспитанников Казанской духовной академии, он, стараниями профессора М. А. Машанова, воспринял лучшие традиции миссионерского исламоведения Казанской духовной академии и стал одним из известных специалистов в области миссионерства и изучения ислама. Революционные события, закрытие Академии не позволили ему в полной мере реализовать свой научный потенциал, но, безусловно, то научное наследие, которое он успел для нас оставить, нуждается в изучении и еще ждет своего исследователя.

²⁵ НА РТ. Ф. 1. Д. 11169. Л. 41.

²⁶ См.: Иванов М. Г. Ответ нашему критику // Православный собеседник. 1915. Октябрь. С. 276–292. Ноябрь. С. 446–486.

²⁷ Иванов М. Г. Ответ нашему критику // Православный собеседник. 1915. Ноябрь. С. 482.

²⁸ Кострюнов М. А. Жузе Пантелеймон Крестович (1870–1942 гг.). Казань, 2010. С. 13.

²⁹ Журавский А. В. Казанская духовная академия на переломе эпох. 1884–1921 г. М., 1999. Л. 163–164.

³⁰ Памятная книжка Императорской Казанской духовной академии 1916–1917 академический год. Казань. 1917. С. 27.

³¹ Фаст М. В., Фаст Н. П., Нарымская Голгофа: Материалы к истории церковных репрессий в Томской области в советский период. Томск; М., 2004. С. 201.

Источники и литература

1. Годичный акт в Казанской духовной академии 8 ноября 1912. Казань, 1912.
2. Жузе П. К. Библиографическая заметка // Православный собеседник. 1915. Июль — август. С. 431–462; Сентябрь. С. 141–154.
3. Журавский А. В. Казанская духовная академия на переломе эпох. 1884–1921 гг. М., 1999.
4. Иванов М. Г. О количестве язычников в Поволжье и об их религиозном состоянии // Православный собеседник. Ч. 1. 1911.
5. Иванов М. Г. Краткие сведения о религиозном состоянии инородцев Казанской епархии в 1910 году // Известия по Казанской епархии. 1911. Казань, 1911.
6. Иванов М. Г. К 50-летию Казанской центральной крещено-татарской школы и просвещение инородцев по системе Н. И. Ильминского // Православный благовестник. 1914. № 5–6.
7. Иванов М. Г. Памяти Н. И. Ильминского, воспитанника и профессора Казанской духовной академии // Православный благовестник. 1914. № 5–6.
8. Иванов М. Г. Ответ нашему критику // Православный собеседник. 1915. Октябрь — ноябрь.
9. Иванов М. Г. О почитании святых в исламе с точки зрения православного богослова: богословско-полемическое исследование // Миссионерский противомусульманский сборник. Вып. 24. Казань, 1914.
10. Кострюков М. А. Жузе Пантелеймон Крестович: научно-педагогическая и общественная деятельность. Казань, 2010.
11. Миссионерский съезд в городе Казани 13–26 июня 1910 г. Казань, 1910.
12. Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ) Ф. 10. Оп. 1. Д. 11048, 11118, 11280, 11375, 11169.
13. Отзывы о курсовых сочинениях студентов 51-го курса // Православный собеседник. 1912. Май.
14. Памятная книжка императорской Казанской духовной академии 1916–1917 академический год. Казань, 1917.
15. Протоколы заседания Совета Казанской духовной академии за 1910 г. Казань, 1911.
16. Протоколы заседания Совета Казанской духовной академии за 1911 г. Казань, 1912.
17. Протоколы заседания Совета Казанской духовной академии за 1912 г. Казань, 1913.
18. Протоколы заседания Совета Казанской духовной академии за 1914 г. // Православный собеседник. 1917. Ч. 1. Январь — февраль.
19. Разрядный список учеников Чистопольского духовного училища за 1899/1900 // Известия по Казанской епархии за 1900 г. Казань, 1900.
20. Разрядный список учеников Казанской духовной семинарии за 1905/1906 уч. г. // Известия по Казанской епархии за 1906 год. Казань, 1906.
21. Торжественное освящение храма в селе Баймурзино // Известия по Казанской епархии за 1910 год. Казань, 1910.
22. Устав православных духовных академий, Высочайше утвержденный 2 апреля 1910 г. Казань, 1911.
23. Фаст М. В., Фаст Н. П. Нарымская Голгофа: Материалы к истории церковных репрессий в Томской области в советский период. Томск; М.: Водолей Publishers, 2004.

«МИССИОНЕРСКАЯ НАУКА» В ДНЕВНИКАХ Е. А. МАЛОВА

Крестьянинов Артем Валентинович

к. и. н., доцент Казанского инновационного университета им. В.Г. Тимирязова

E-mail: artkres@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена автобиографическим текстам Е. А. Малова, миссионера и преподавателя Казанской духовной академии во второй половине XIX — начале XX в. Данный период времени характеризовался массовым отступничеством православных новокрещеных и старокрещеных «инородцев» в ислам или язычество в Казанской губернии. Тексты написаны в форме дневника с описанием размышлений о реализации миссионерской деятельности среди мусульман и православных «инородцев» и бесед с шакирдами и муллами Казанской губернии. Дневники Е. А. Малова непосредственно связаны с его миссионерской деятельностью, в которой он активно участвовал на протяжении жизни. Автор дневников в своих текстах формулировал принципы «миссионерской науки», методы опровержения язычества и исламской религии.

Ключевые слова: Е. А. Малов; конфессиональная политика; автобиография; миссионерские дневники; крещеные «инородцы»; православная миссия

“MISSIONARY DISCIPLINE” IN DIARIES OF E. A . MALOV

Abstract: The article is devoted to the autobiographical texts of E.A. Malov, the missionary and the teacher of the Kazan Theological Academy in the second half of the 19th — beginning of 20th centuries. This period was characterized by the mass apostasy of Orthodox newly baptized and old-baptized “inorodtsy” to Islam or the paganism of the Kazan province. The texts were written in the form of a diary with a description of the reflection on the realization of missionary activity among Muslims and Orthodox “inorodtsy” and conversations with the shakirds and mullahs of the Kazan province. The diaries of E.A. Malov are directly related to his missionary activity, in which he actively participated throughout his life. The author of the diaries in his texts formulated the principles of “missionary science”, methods of refuting paganism and Islamic religion.

Keywords: E.A. Malov; confessional politics; autobiography; missionary diaries; Christianized “inorodtsy”; Orthodox mission

Krest'yaninov Artem Valentinovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Kazan Innovation University named after V. G. Timiryasova

Евфимий Александрович Малов (1835–1918) являлся одним из активных миссионеров Казанской епархии в период массовых «отпадений» крещеных «инородцев» в ислам или совершения ими языческих ритуалов. Его можно рассматривать как идеальный тип современного миссионера-ученого, который знал основы мусульманского богословия, христианской апологетики, мог донести «истины христианской веры» на татарском языке и читать исламские книги на арабском языке. Е. А. Малов не был и «кабинетным ученым», так как он отправлялся в различные приходы для «увещевания уклонившихся от православия»¹.

На протяжении своей жизни Е. А. Малов писал миссионерские заметки, или дневники, большинство из которых не были им опубликованы. «Миссио-

¹ Дело об увольнении бакалавра Е. А. Малова в деревню Елышево // НА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 2557.

нерские дневники» не раз привлекались российскими и зарубежными исследователями для анализа конфессиональной политики российских властей в Казанской губернии или в Поволжье². Дневники являются частью его трудов, посвященных миссионерским путешествиям по Казанской епархии во второй половине XIX — начале XX в. В этих описаниях путешествий автор раскрывал цели своих поездок, впечатления и миссионерские беседы как с православными «инородцами», так и с мусульманами. Начало ведения дневников можно отнести к 1864 г., когда он был отправлен Казанской духовной академией и Духовной консисторией в д. Елышево Казанской епархии для миссионерской деятельности среди «отпавших от православия» в ислам³.

Автобиографические тексты казанского миссионера позволяют по-новому взглянуть на специфику деятельности православных священнослужителей в условиях модернизации империи и конфессионального и национального многообразия в отдельных регионах государства. «Миссионерские заметки» хронологически совпали с ростом популярности автобиографического жанра среди представителей «духовного чина». Как показала Л. Манчестер, дневники, мемуары, принадлежавшие самим священнослужителям и их детям, являлись важными лоскутами памяти их социальной группы, формой выражения поиска концепта «национальной культуры»⁴. Однако «миссионерские дневники» представляют собой иной пример интеллектуального типа письма священнослужителя. В «миссионерских заметках» практически не отражены события из частной жизни, взаимоотношения внутри семьи, вопросы здоровья и дружеских отношений. Содержание и представление материала дневников Е. А. Малова подчинены главной цели — рефлексии миссионерской практики в Казанской епархии, а именно размышлениям о миссионерстве, описанию встреч со священниками и миссионерами и крещений представителей «инородцев» епархии и беседам с мусульманами о вере.

«Миссионерские заметки», действительно, были написаны протоиереем Е. А. Маловым. Первоначальное духовное образование он получил в Симбирской духовной семинарии (1852–1858), а затем в Казанской духовной академии (1858–1862). Период его обучения совпал с институционализацией миссионерского образования в Казанской духовной академии. «Массовые отпадения» православных новокрещенных в ислам в 1820-х годах, которые в дальнейшем стали характерным признаком религиозной ситуации в Казанской епархии⁵, спровоцировали изменения в стратегиях конфессиональной политики российских властей в регионе. Эти изменения отразились в появлении первых миссионерских кафедр в 1854 г. в Казанской духовной академии: противораскольнической, противомусульманской и противобуддийской⁶. Сильное влияние на духовное образование казанского миссионера оказал профессор академии Г. С. Саблуков, известный в тот период времени исламовед, который требовал от своих учеников обязательного зна-

² Джераси Р. Окно на Восток: империя, ориентализм, нация и религия в России. М., 2013; Исхаков Р. Р. Миссионерство и мусульмане Волго-Камья. Казань, 2011; Werth P. W. At the Margins of Orthodoxy: Mission, Governance, and Confessional Politics in Russia's Volga-Kama Region, 1827–1905. Ithaca, London, 2002.

³ Малов Е. А. Очерк религиозного состояния крещеных татар, подвергшихся влиянию магометанства. Казань, 1872.

⁴ Манчестер Л. Поповичи в миру: духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России. М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 19.

⁵ Werth P. W. At the Margins of Orthodoxy: Mission, Governance, and Confessional Politics in Russia's Volga-Kama Region, 1827–1905. P. 137.

⁶ Знаменский П. В. История Казанской духовной академии за первый (дореформенный) период ее существования (1842–1970). Вып. 1. Казань, 1891. С. 372.

ния татарского и арабского языков, исламской теологической литературы и навыков переводов православной богослужебной литературы на татарский язык⁷. Сам Е. А. Малов читал студентам Академии курс по истории миссионерской деятельности православной церкви среди мусульман Поволжья⁸. О специфике духовного образования в Казанской духовной академии в дальнейшем он указывал как в своих дневниках, так и в публикациях, являясь уже преподавателем духовной академии. В 1869 г. Е. А. Малов записал следующую информацию о необходимости духовной академии для региона:

«Казанская академия должна уяснить заблуждения, какие коренятся в обитателях-инородцах Казанского края, она должна показать всю нелепость и ложность разных языческих религий, какими довольствуются инородцы некрещенные и отчасти крещенные, также должно взять на себя труд обличения религии магометанской, которую исповедует громадная масса магометан Казанской и других, соседних губерний»⁹.

В статье, опубликованной после издания закона о веротерпимости 1905 г. в Российской империи, Е. А. Малов описал цель открытия миссионерских кафедр в Академии более осторожно, избегая резких суждений и высказываний как о языке, так и об исламе: «Желание властей научно осветить сложный инородческий вопрос в России и выработать рациональные методы к сближению многомиллионного инородческого мира с коренным населением империи на почве религии и культуры»¹⁰.

Несмотря на открытие миссионерских кафедр в Казанской духовной академии, приходские священники и сами миссионеры отмечали во второй половине XIX в. нехватку полемической литературы. В результате Е. А. Малов был одним из первых российских миссионеров, кто стал публиковать автобиографические травелоги с описанием собственной миссионерской деятельности в различных приходах Казанской епархии.

Миссионер во многом осознавал недостатки собственной «профессии или науки», поэтому в дневниках он пытался для самого себя сформулировать дисциплинарные границы «миссионерской науки» со своими методами, подходами и источниками. Миссионерство для Е. А. Малова — это не столько распространение христианства среди народов, сколько «научная» возможность в определении истинности и ложности религиозных откровений и заблуждений.

В духе европейского ориентализма Е. А. Малов отстаивал необходимость развития миссионерских образовательных программ в духовной академии:

«Мы думаем, что Государь Император более желает того, чтобы вера Христова распространялась между подданными, чтобы устав содействовал, а не противодействовал. А как в самом деле необходимо радикальное усиление учения о магометанах и местных языков, то в этом всякий убедится, если мы скажем, что отпадения крещеных татар в магометанство все еще продолжается»¹¹.

⁷ Там же. С. 418–419.

⁸ Дело о внутренних испытаниях студентов Академии обоих курсов в декабре 1863 г. // НА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 2263. Л. 42–42 об.

⁹ Миссионерские заметки священника г. Казани церкви Богоявления Господня Ефимия Малова. Ч. 2. 1869–1871 // ОРРК НБЛ. Ф. 7. Ед. хр. 14. Л. 1 об.

¹⁰ Малов Е. А. Миссионерское отделение при Казанской духовной академии и внутренняя миссия в России // Церковно-общественная жизнь. 1906. № 18. С. 634.

¹¹ Миссионерские заметки священника г. Казани церкви Богоявления Господня Ефимия Малова. Ч. 2. 1869–1871. Л. 158.

Поэтому неудивительно, что он видел в самих миссионерах не только священнослужителей, но агентов имперской власти: «Вот при этих обстоятельствах и видна положительная и крайняя необходимость установить миссионерство где-либо в России, если не в Казани, как можно прочнее и шире, чтобы воспитанники бы («бы» в тексте зачеркнуто. — Прим. А. К.) миссионерские могли быть сколько миссионерами, столько же и разумными администраторами восточной половины России»¹². Обстоятельства, на которые указывает автор, связаны с татарско-мусульманским населением, проживавшим в Казанской губернии в непосредственной близости с крещеными «инородцами».

Целью деятельности миссионеров, как и самой Академии, по мнению Е. А. Малова, было опровержение «заблуждений» и «ложных» религий. «Заблуждениям» подвержены, как полагал казанский миссионер, не только язычники и мусульмане, но и православные крестьяне, и церковные иерархи. Он с определенной долей скептицизма относился к «обрядовой стороне» православных крестьян. Во время своей поездки в д. Елышево Казанской епархии в 1864 г. он записал рассказ крещеного татарина Кондратия Филипова о чудесах Иисуса Христа в русских селениях¹³. Е. А. Малов отмечает, что крестьянин-рассказчик «имеет твердую веру», но в то же время сразу добавляет, «а с другой стороны можно видеть его крайнее неведение истин и чудес Евангельских»¹⁴. В другом своем неопубликованном путешествии в Буинский уезд Казанской епархии в 1865–1866 гг. Е. А. Малов зафиксировал свой разговор с православной крестьянкой, которая убеждала его не кушать вместе с татарами-мусульманами:

«Стала [крестьянка] собирать ужинать нам, то я видел, что она достала с полки особую чашку и ложки для татар («для татар» в тексте зачеркнуто. — Прим. А. К.). Ну а тебе чего дать, обратилась она ко мне? Чего? Да ведь я спрашивал у тебя молока, и ты подала. Больше ничего не надо мне. Но ведь молоко-то, чай, будут есть татары, а ты с ними не станешь; тебе разве принести капуски! Нет, не надо; я буду с татарами («с татарами» в тексте зачеркнуто. — Прим. А. К.) есть также молоко есть. Ну так я тебе подам вот чашечку. Да зачем же, ведь здесь есть чашечка и одной нам будет; я буду есть вместе с татарами. Я вижу, что ты думаешь, что вместе с татарами грех есть. Да, родимый. Нет, не грех. Евангельский закон не запрещает этого, особенно если душа принимает. Только за все надобно благодарить Бога»¹⁵.

Однако особый дисциплинарный статус Е. А. Малов хотел придать «миссионерской науке против мухаммеданства», которая требует особой образовательной подготовки: знания языков (татарского, арабского), теологии и христианской апологетики, методов ведения полемических бесед. Действительно, он сделал многое для изучения мусульманской теологии. Е. А. Малов занимался переводами, публикациями своих бесед с мусульманами об истинах религии. Однако все эти публикации имели цель поиска противоречий в исламской теологии. Роберт Джераси, изучавший полемический дискурс Е. А. Малова в его автобиографических дневниках, выявил следующие стратегии бесед с шакирдами, т. е. учениками медресе, и учеными муллами: поиск логических несоответствий в Коране и других исламских книгах, неправильное толкование оппонентами исламских книг и доказа-

¹² Там же. Л. 145.

¹³ Малов Е. А. Очерк религиозного состояния крещеных татар, подвергшихся влиянию магометанства. Казань, 1872. С. 41.

¹⁴ Там же. С. 42.

¹⁵ Крещеные татары Буинского уезда (путевые заметки Е. Малова) // ОРРК НБЛ. Ф. 7. Ед. хр. 2. Л. 81 об.

тельства безнравственности мусульманского вероучения¹⁶. Миссионер в своих беседах практически постоянно отсылал своих оппонентов к Евангелию или Корану для поиска ответов на полемические вопросы. Обращение к непосредственному историческому источнику должно было, по его мнению, сформировать объективное мнение о религии. Так, в одной записи дневника Е. А. Малова содержится следующая программа полемического изучения ислама:

«Пора теперь приступить к научно-критическому изданию арабского текста Корана. На первый раз можно бы сделать в Коране: а) указания на все те места, которые взяты из Библии или буквально, или по мысли; б) указания на некоторые места, которые взяты из Талмудических источников; в) указания на противоречия в Коране, наконец, г) на места, которые относятся к иудейству или христианству, но искажены в Коране, по невежественности Мухаммеда»¹⁷.

Данные полемические беседы, записанные в его автобиографических дневниках, Е. А. Малов рассматривал как будущие учебные пособия для миссионеров и священников. В 1885 г. он оставил следующую запись:

«Потом я показал Николаю Ивановичу [Ильминскому] рукопись — беседы мои с ученым мухаммеданином Гиреем Ахмеровым об Адаме. Николай Иванович Ильминский взял мою рукопись прочитать, причем заявил, что ее непременно следует в мае же напечатать...»¹⁸

В том числе Е. А. Малов оставил критические замечания на некомпетентность казанских священнослужителей в области «миссионерской науки». В 1871 г. он записал следующие замечания о системе преподавания в духовной академии:

«Удивительное дело! Как смотрят наши питерцы на миссионерство. Они думают, что если б только тысяча крещеных татар, так для них не стоит изучать язык или преподавать в семинариях. А разве надобно («надобно» в тексте зачеркнуто. — Прим. А. К.) можно забывать, что в Казанской епархии, кроме крещеных татар, 400 000 магометан¹⁹? Для 15,000 не стоит изучать и преподавать татар. язык, не для кого готовиться... А для кого будут все семинаристы готовиться, употребляя больше 20 уроков на латинский язык. Ужели Казанская епархия наполнена латинами-схизматиками, папистами?..»²⁰

Так, Е. А. Малов в своих рассуждениях, которыми он не мог открыто делиться со своими коллегами, постоянно настаивал на необходимости увеличения часов преподавания миссионерских наук и негативно оценивал их уменьшение. Помимо таких замечаний, Е. А. Малов записывал для себя и критические отзывы на сочинения других авторов, которые касались миссионерских полемических бесед. Так, он раскритиковал черновую статью казанского епископа преосвященного Викторина (Любимова) о методах миссионерской деятельности. По его мнению, в этой работе не хватало «основательности». Под основательностью Е. А. Малов понимал глубокое знание мусульманского вероучения, его канонов, обрядов и ритуалов.

«Вот что значит, не зная дела, братья за него. У нас все представляют, что доказать превосходство Христианской веры пред Магометанскою — это так легко, что ничего не стоит; сел, взял перо да и навалял множество опровержений, так

¹⁶ Джераси Р. Окно на Восток: империя, ориентализм, нация и религия в России. С. 132–133.

¹⁷ Миссионерские заметки (1885–1888) // ОРК НБЛ. Ф. 7. Ед. хр. 17. Л. 34–34 об.

¹⁸ Там же. Л. 7.

¹⁹ Подчеркнуто самим миссионером.

²⁰ Миссионерские заметки священника г. Казани церкви Богоявления Господня Ефимия Малова. Ч. 2. 1869–1871. Л. 147.

что другому остается только сказать их магометанину, как этот последний останется безответным»²¹.

Помимо таких критических отзывов, казанский миссионер часто писал о встречах со священниками, которым рассказывал о полемических книгах, необходимых для миссионерской деятельности.

Таким образом, автобиографический текст Е. А. Малова является непосредственным продолжением его активной миссионерской деятельности. В условиях формирования современного общества миссионерство воспринимается им с профессиональной точки зрения. Поэтому неудивительно, что Е. А. Малов рассматривал ислам и язычество не как религию, а как совокупность знаний, заблуждений, которые можно опровергнуть, обратившись непосредственно к источнику знаний. Рассматривая себя как действительно профессионала в своей области, он в своих дневниках критически отзывался о тех, кто не имел ни образовательной, ни научной подготовки к миссионерской деятельности.

Источники и литература

1. Дело о внутренних испытаниях студентов Академии обоих курсов в декабре 1863 г. // НА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 2263.
2. Дело об увольнении бакалавра Е. А. Малова в деревню Елышево // НА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 2557.
3. Джераси Р. Окно на Восток: империя, ориентализм, нация и религия в России. М.: Новое литературное обозрение, 2013.
4. Знаменский П. В. История Казанской духовной академии за первый период ее существования (1842–1870). Вып. 2. Казань, 1892.
5. Крещенные татары Буинского уезда (путевые заметки Е. Малова) // ОРРК НБЛ. Ф. 7. Ед. хр. 2.
6. Малов Е. А. Миссионерское отделение при Казанской духовной академии и внутренняя миссия в России // Церковно-общественная жизнь. 1906. № 18.
7. Малов Е. А. Очерк религиозного состояния крещеных татар, подвергшихся влиянию магометанства. Казань, 1872.
8. Манчестер Л. Поповичи в миру: духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России. М.: Новое литературное обозрение, 2015.
9. Миссионерские беседы с мухаммеданами и другие материалы. 1903–1905 // ОРРК НБЛ. Ф. 7. Ед. хр. 8.
10. Миссионерские заметки (1885–1888) // ОРРК НБЛ. Ф. 7. Ед. хр. 17.
11. Миссионерские заметки священника г. Казани церкви Богоявления Господня Ефимия Малова. Ч. 2. 1869–1871 // ОРРК НБЛ. Ф. 7. Ед. хр. 14.
12. О командировании приват-доцента Машанова в деревню Никифорова Мамадышского уезда с миссионерской целью и протоиерея Малова в село Апазово Казанского уезда с той же целью // НА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 7473.
13. Werth P. W. At the Margins of Orthodoxy: Mission, Governance, and Confessional Politics in Russia's Volga-Kama Region, 1827–1905. Ithaca, London, 2002.

²¹ Там же. Л. 101–101 об.

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

ПОСЕЩЕНИЯ КАЗАНИ ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИЦЕЙ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНЕЙ ЕЛИСАВЕТОЙ ФЕОДОРОВНОЙ

Елдашев Анатолий Михайлович

*доцент Казанской православной духовной семинарии,
член Императорского Православного Палестинского общества*

E-mail: eldashevam@mail.ru

Аннотация: В статье раскрываются детали пребывания Великой княгини Елисаветы Феодоровны в Казанском крае в 1910, 1913, 1914 и 1915 гг. Предпринимается попытка реконструировать ее последнее предвоенное плавание в 1914 г. из Нижнего Новгорода в Николо-Березовский женский миссионерский монастырь. Высказывается предположение о ее пребывании в Казани летом 1914 г., где она, в частности, приложилась к почитаемому ею образу — иконе Божией Матери «Скоропослушница».

Ключевые слова: преподобномученица Великая княгиня Елисавета Феодоровна; казенный пароход «Межень»; Николо-Березовский женский миссионерский монастырь; икона Божией Матери «Скоропослушница»; Михаило-Архангельская церковь Казанской духовной академии; святой праведный протоиерей Иоанн Кронштадтский; Ольга Андриановна Стахеева; Святой Ключ

VISITS TO KAZAN BY THE MONK MARTYR GRAND DUCHESS ELISAVETA FEODOROVNA

Abstract: The article describes the details of the stay of the Grand Duchess Elisaveta Feodorovna in the Kazan province in 1910, 1913, 1914 and 1915. An attempts is made to reconstruct her last prewar voyage in 1914 from Nizhny Novgorod to Nikolo-Berezovskiy women's missionary monastery. An assumption is made about her stay in Kazan in the summer of 1914, where, in particular, she venerated her venerated image of the icon of the Mother of God "Quick to Hear".

Keywords: Grand Duchess Elisaveta Feodorovna; state steamer "Mezen"; St. Nicholas female missionary monastery; the icon of the Mother of God "Skoroposlushnitsa"; Michael the Archangel Church of the Kazan Theological Academy; St. righteous Archpriest John of Kronstadt; Olga Andrianovna Stakheeva; the Sviatoy Kluch

Eldashev Anatolij Mihajlovich, Associate Professor of the Kazan Orthodox Theological Seminary, member of the Imperial Orthodox Palestinian society

Среди дореволюционных и современных историков и краеведов, изучающих пребывание Великой княгини Елисаветы Феодоровны в Казанском крае в 1910 и 1914 гг., полностью выпало исследование ее плавания по Волге и Каме на казенном пароходе «Межень». А ведь высокая паломница трижды проплыла Казанскую губернию от Козьмодемьянска и до Соколок (место впадения Вятки в Каму).

***

Впервые Великая княгиня посетила Нижний Новгород, Казанскую и Уфимскую губернии в 1910 г. Пятого июля в 9:40 она прибыла из Москвы в Нижний Нов-

город по железной дороге¹. В поездке ее сопровождали Валентина Сергеевна Гордеева², управляющий Двором Ее Императорского Высочества Елисаветы Феодоровны Аркадий Петрович Корнилов и несколько сестер Марфо-Мариинской обители милосердия. С вокзала Ее Императорское Высочество в экипаже проследовала в Архирейский дом, где посетила Высокопреосвященного Назария (Кириллова), архиепископа Нижегородского и Арзамасского³. В тот же день вечером она отбыла в Уфимскую губернию на юбилейные торжества в Николо-Березовский монастырь⁴. В обитель на Каме она прибыла 8 июля в 16 часов, где находилась до 11 июля⁵.

Из Николо-Березовки высокая паломница отплыла 11 июля в 22 часа и прибыла в Казань 13 июля в 9 часов утра, т. е. находилась в пути 35 часов. Если реконструировать маршрут плавания, то получается следующее. 12 июля в полдень она проплыла мимо Елабуги. У нас нет сведений, что Великая княгиня посетила храмы этого города. Хотя на посещение Елабуги надо было потратить не менее трех часов. В 19 часов этого же дня «Межень» проплывает мимо Чистополя. И обычно расписание движения составлялось так, чтобы в 9–10 часов утра быть в конечном пункте назначения. Так было в Казани (13 июля 1910 г. в 9 часов) и в Николо-Березовке (10 июля 1914 г. в 9 часов).

Это был первый ее визит в наш город⁶. Вечером того же дня Великая княгиня пароходом отплыла в Нижний Новгород, куда прибыла вечером 14 июля, т. е. находилась в пути 24 часа. На следующий день, 15 июля, в газете «Волгарь» в разделе «Хроника» была напечатана небольшая заметка: «Вчера вечером (т. е. 14 июля) на казенном пароходе «Межень» прибыла в Н. Новгород Ее Императорское Высочество, Великая княгиня Елисавета Феодоровна и по московско-нижегородской железной дороге выехала из Н. Новгорода»⁷.

¹ Тихон (Затекин), архим. Основатель Православного Палестинского общества, Его Императорское Высочество, Великий Князь Сергей Александрович и Ее Императорское Высочество, Великая Княгиня Елисавета Феодоровна на Нижегородской земле // Нижегородская старина. Краеведческо-историческое издание. 2014. Вып. 41–42. С. 121.

² Валентина Сергеевна Гордеева (1863–1931) была духовно близким Елисавете Феодоровне человеком. Она сопровождала ее довольно часто в подобных путешествиях, в частности в Свято-Троицкую Сергиеву лавру (7 июля 1909), на освящение Константино-Михайловской церкви в Вильно (13 мая 1913), в Соловецкий монастырь (23–30 июля 1913). После ареста и смерти матушки Елисаветы Гордеева возглавила Марфо-Мариинскую обитель милосердия вплоть до ее закрытия в 1928 году. См.: Куликова Л. В. Летопись жизни и деятельности Благоверной Великой Княгини Елисаветы Феодоровны. М., 2014. С. 560–590.

³ Назарий (Кириллов) (1850–1928), архиепископ Нижегородский и Арзамасский (1901–13 августа 1910).

⁴ Путешествие Великой Княгини Елисаветы Феодоровны // Нижегородский Церковно-общественный вестник. 1910. № 30. Стб. 734; Тихон (Затекин), архим. Основатель Православного Палестинского общества, Его Императорское Высочество, Великий Князь Сергей Александрович и Ее Императорское Высочество, Великая Княгиня Елисавета Феодоровна на Нижегородской земле. С. 121.

⁵ Автор преднамеренно не отражает ее пребывания в Николо-Березовском монастыре в 1910 и 1914 гг., описанные детально как в дореволюционной, так и в современной литературе. См.: Тюнин И. П. К посещению Ее Императорским Величеством Великой Княгиней Елисаветой Феодоровной села Николо-Березовки Бирского уезда в 1908 и 1914 г. Уфа, 1915. С. 31–33; Паломничество Великой княгини Елисаветы Феодоровны в Уфимскую губернию в 1908, 1910 и 1914 гг. Нижний Новгород: Издательский отдел Нижегородской епархии при Вознесенском Печерском монастыре, 2014. 112 с. Приходится сожалеть, что в столь солидное издание вкралась ошибка — Великая княгиня не посещала Николо-Березовку в 1908 году. Ибо в июле-августе 1908 года она находилась на излечении в Эстонии (Гапсаль) и Крыму (Кореиз). См.: Великая княгиня Елисавета Феодоровна и император Николай II. Документы и материалы. (1884–1909 гг.). СПб.: Алетей, 2009. С. 804–808; Куликова Л. В. Летопись жизни и деятельности Благоверной Великой Княгини Елисаветы Феодоровны. М., 2014. С. 140–161, 291–294. Эта ошибка появилась в 1915 г. в издании И. П. Тюнина.

⁶ Подробнее о визите Великой княгини в Казань 11 июля 1910 г. см.: Известия по Казанской епархии, издаваемые при Казанской духовной академии, за 1910 год. Казань: Центральная типография, 1910. С. 797; Елдашев А. М. Православная культура в Казанском крае (XVI–XX вв.): очерки истории. Казань: Центр инновационных технологий, 2013. С. 273–285.

⁷ Приезд Великой княгини Елисаветы Феодоровны // Волгарь. 1910. № 193. 15 июля. С. 3.

***

Лето 1914 г. Более насыщенной и малоизученной оказалась ее последняя предвоенная поездка по Нижегородской, Казанской, Уфимской и Пермской губерниям (ее пребывание в Пермском крае автор не рассматривает).

5 июля 1914 г., в субботу, в 23 часа Великая княгиня Елисавета Феодоровна вместе со старшей сестрой, принцессой Баттенбергской Викторией Феодоровной, и ее дочерью, принцессой Луизой, в сопровождении гофмейстера Высочайшего Двора Аркадия Петровича Корнилова, управляющего конторой Двора Ее Императорского Высочества Елисаветы Феодоровны, генерал-майора Александра Александровича Зурова, фрейлины, казначеи Марфо-Мариинской обители Валентины Сергеевны Гордеевой и двух сестер обители Варвары Алексеевны Яковлевой⁸ и Анны Ивановны (ее фамилия автору не известна) отбыла поездом из Москвы в Нижний Новгород⁹.

6 июля, в воскресенье, в 9:40 высокие гости прибыли в Нижний Новгород. На вокзале их встретили Нижегородский вице-губернатор флигель-адъютант А. Н. Мандрыка и полицмейстер А. Комендантский. Принцесса Виктория Баттенбергская с дочерью Луизой сразу же отправились отдохнуть от дороги на путевую пристань, где их уже ждал пароход «Межень», а Великая княгиня направилась на подворье Серафимо-Дивеевского женского монастыря, находившееся на Ковалихинской улице.

Когда Великая княгиня прибыла на подворье, она была встречена его начальницей и служащим священником. В часовне высокая гостя молилась за Божественной литургией, после которой потрапезничала с начальницей подворья, а затем отбыла на путевую пристань, любуясь из экипажа видами Волги и Заволжья. Прибыв на пристань, Великая княгиня проследовала на пароход, на котором высокие паломницы отбыли в 13 часов¹⁰.

Вряд ли мы можем согласиться с известным исследователем жизни и деятельности Великой княгини Л. В. Куликовой, утверждающей без ссылок на исторические источники о ее посещении в эти июльские дни 1914 г. Сарова и Дивеево¹¹. Великая княгиня в течение суток-полутора свободного времени это не смогла бы сделать физически. Это вполне возможно при современной инфраструктуре дорог и современном автотранспорте, и то будет все проведено в большой спешке. Где уж тут молитвенная тишина и благодать Божия при посещении святых мест, связанных со старцем Серафимом!

Известно, что от Нижнего Новгорода до Казани суда такого класса, как «Межень», шли 24–26 часов, да 36 часов от Казани до Николо-Березовки, то получается, что путешественники должны быть в пути не менее 60 часов, или двое с половиной суток. А на деле оказалось 92 (!) часа, ибо в Николо-Березовку они прибыли 10 июля в 9 часов утра.

Учитывая скорость парохода, зная время в пути, можно примерно рассчитать, какие и когда населенные пункты они проплывали. Козьмодемьянск про-

⁸ Яковлева Варвара Алексеевна (ок. 1850 — 5 (18) июля 1918). Одна из первых сестер Марфо-Мариинской обители милосердия, келейница Великой княгини Елисаветы Феодоровны. Погибла вместе с ней. 4 ноября 1992 г. на Архиерейском Соборе РПЦ прославлена в лике святых.

⁹ Куликова Л. В. Летопись жизни и деятельности Благоверной Великой Княгини Елисаветы Феодоровны. С. 291.

¹⁰ Приезд Великой княгини Елисаветы Феодоровны // Волгарь. 1914. № 182. 7 июля. С. 3; см.: Тихон (Затенин), архим. Основатель Православного Палестинского общества, Его Императорское Высочество, Великий Князь Сергей Александрович и Его Императорское Высочество, Великая Княгиня Елисавета Феодоровна на Нижегородской земле. С. 123.

¹¹ Куликова Л. В. Летопись жизни и деятельности Благоверной Великой Княгини Елисаветы Феодоровны. С. 291.

плыли 7 июля в час ночи. В Казани были в полдень. Великая княгиня вспомнила о своем посещении Казани летом 1910 г. и о своем участии в освящении храма во имя Рождества Пресвятой Богородицы часовни на месте явления Казанской чудотворной иконы Божией Матери в память трехсотлетия царствования дома Романовых в Казанско-Богородицком монастыре 20 апреля 1913 г.¹² Если учесть большой запас времени, резонно предположить, что они могли посетить Казань и Раифскую пустынь, но в нашем распоряжении отсутствуют источники, доказывающие это. Хотя до нас дошли воспоминания лиц, сопровождавших Великую княгиню в этой поездке¹³.

Седмиезерная пустынь отпадает. Вряд ли она могла посетить ее после известного скандала, когда братия буквально изгнала ее духовного отца, своего настоятеля старца Гавриила, и он в это время, с лета 1908 г., проживал в Спасо-Елеазаровом мужском монастыре.

На пароходе была походная церковь, служил священник, но и присутствовала настоятельная необходимость помолиться по пути в монастыре или в храме. Проплывали ведь мимо монастырей и церквей Свяяжска, монастырей: мужского Вознесенского Макариевского, женских — Лаишевского Свято-Троицкого, Чистопольского Успенского, Елабужского Казанско-Богородицкого. Конечно, многое бы в этом плавании мог объяснить вахтенный журнал. Но он никогда не подвергался научному исследованию.

Уместно упомянуть, что, проплывая по Волге летом 1902 г., святой праведный протоиерей Иоанн Кронштадтский специально сделал небольшой крюк, поднявшись вверх по Свияге три версты, и 7 июля отслужил в церкви Макарьевской пустыни. Он проплыл мимо Казани¹⁴. Тогда монастырь находился на правом берегу Свияги. С середины 1950-х гг., ввиду подъема уровня Волги, вызванного строительством Куйбышевской ГЭС, монастырь оказался на правом берегу уже Волги.

Поэтому автор полагает, что паломническая группа, вполне возможно, сошла на берег в Чистополе, ввиду того, что Никольский храм находился напротив пристани на взгорье. О посещении Чистополя Великой княгиней у горожан остались смутные воспоминания, но никто из краеведов не может привести убедительных исторических источников. В частности, «Известия по Казанской епархии», издаваемые Казанской духовной академией, не отметили пребывание в Казанском крае в 1914 г. Елисаветы Феодоровны.

От Чистополя до Елабуги почти восемь часов хода. Проплыли мимо Святого Ключа, полюбовались на дачи Стахеевых на фоне девственного хвойного леса. Несомненно, кто-то из сопровождающих мог сказать Великой княгине, что сюда шесть лет назад, т. е. 1–2 июля 1908 г., по приглашению Ольги Андриановны Стахеевой (1847–1912) приплывал на службу святой праведный протоиерей Иоанн Кронштадтский. Вполне уместно считать, что они могли остановиться и в Святом Ключе, и в Елабуге. Время позволяло. Из-за отсутствия убедительных источников это только авторская реконструкция водного путешествия июля 1914 г. Но и она имеет право на существование.

---

¹² См.: Зеленецкий А. Ф., *прот.* Освящение храма во имя Рождества Пресвятой Богородицы и часовни на месте явления Казанской чудотворной иконы Божией Матери в память трехсотлетия царствования Дома Романовых. Казань: Центральная типография, 1914. 35 с.

¹³ Известный московский исследователь подвижнической жизни Великой княгини Елисаветы Феодоровны Е. Ю. Ковальская имеет на этот счет архивные материалы, которые планирует опубликовать в текущем году.

¹⁴ Известия по Казанской епархии, издаваемые при Казанской духовной академии, за 1902 год. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1902. С. 682–683.

И только 10 июля, в четверг, в 9 часов утра прибыли в Николо-Березовский женский монастырь Уфимской епархии, где их встречал епископ Уфимский Андрей (Ухтомский)¹⁵.

Группа проплыла вниз по Волге и поднялась вверх по Каме (до Николо-Березовки), преодолев на пароходе расстояние почти 1000 км¹⁶.

12 июля, в субботу, в 17:30 группа прибыла в Пермь, где ее встречал в кафедральном соборе епископ Пермский и Соликамский Палладий (Благонравов) (1865–1922), возглавлявший Пермскую кафедру с 28 ноября 1908 г. по 30 июля 1914 г.¹⁷

Великая княгиня Елисавета Феодоровна и икона Божией Матери «Скоропослушница»

В 1914 г. Великая княгиня отправлялась в Пермский край, где конечным пунктом должен был явиться Алапаевск. Надуманным кажется утверждение некоторых исследователей, полагающих, что она ехала туда, чтобы увещевать местных рабочих. Мы полагаем, что более убедительным основанием служит идея, выдвинутая в последнее время известным алапаевским исследователем Л. Л. Юговой, — Великая княгиня ехала в Алапаевск, чтобы приложиться к почитаемому ею образу Божией Матери «Скоропослушница». Икона находилась тогда в Бобровской Алексеевской женской общине, находящейся в таежной глуши в 150 верстах от Алапаевска (монастырем община стала в 1915 г.).

Эта икона была писана в Афонском Пантелеимоновом монастыре и привезена в Россию в 1904 г. К приезду Великой княгини ее должны были доставить крестным ходом, но начавшаяся мировая война и телеграмма, полученная в связи с этим печальным событием, нарушили все планы Великой княгини. Ныне икона находится в Алапаевском Свято-Екатерининском храме. Последняя настоятельница монастыря игуменья Татьяна, пережив разорение обители, долгое время скрывала от поругания святой Образ. И только перед самой смертью, в 1954 г., передала икону верующим храма.

Как известно, Елисавета Феодоровна особо почитала эту икону. Ее Петербургский список («Невская Скоропослушница») отличается по иконографии от афонского прообраза. Он изображает Божию Матерь без Богомладенца, с молитвенно простертой десницей, которая имеет подчеркнута большие размеры, словно символизирует Божественную помощь.

Петербургский список иконы, принесенный из Русского Пантелеимонова монастыря на Афоне, хранился в часовне на углу Мытнинской и 2-й Рождественской улиц, близ Старо-Александровского рынка, освященной в 1879 г. В 1885 г. часовня сгорела, но список иконы «Скоропослушница» чудесным образом уцелел. Восстановленная часовня с иконой, получившей известность после этого случая, перешла в ведение Императорского Православного Палестинского общества.

В 1913 г. на этом месте в присутствии Великой княгини Елисаветы Феодоровны, председательницы общества, был заложен Николо-Барградский храм.

Образ прославился чудотворениями и стал весьма почитаем петербурж-

¹⁵ Ссылка на: Паломничество Великой княгини Елисаветы Феодоровны в Уфимскую губернию в 1908, 1910 и 1914 годах. Нижний Новгород: Вознесенский Печерский мужской монастырь, 2014. С. 19.

¹⁶ Для сравнения: епископ Чистопольский Арсений для освящения Никольского храма в г. Чистополе выехал из Казани на пароходе «Теньки» 14 октября 1902 г. в 15 часов и прибыл в Чистополь 15 октября в 16 часов, т. е. пробыл в дороге 25 часов. Столь долгое время можно объяснить маломощностью судна. О плавании епископа Арсения см.: Известия по Казанской епархии, издаваемые при Казанской духовной академии за 1902 год. Казань: Типолиитография Императорского университета, 1902. С. 1007.

¹⁷ Пермские епархиальные ведомости. 1914 год. Пермь: Типолиитография Губернского Правления, 1914. С. 413.

цами. Он весьма почитался императором Николаем II и его семьей, которые заочно возносили свои молитвы к святой иконе до последних дней своей жизни. С 1958 г. Образ находится в Свято-Троицком соборе Александро-Невской лавры.

Но дело в том, что список с этой чтимой иконы с 1884 г. находился в Казани. Его автором является монахиня Мария (Мандрыка) (1841–1920), бывшая около двадцати лет старшей в живописной мастерской Казанско-Богородицкого женского монастыря¹⁸.

В ноябре 1884 г. по рекомендации епископа Саратовского и Царицынского Павла (Вильчинского), хорошо знавшего ее еще по Казани, монахиню Марию переводят настоятельницей Балашовского Покровского женского монастыря. На прощание она преподнесла в дар эту икону инспектору Казанской духовной академии, архимандриту Антонию (Вадковскому), на что у того невольно вырвалось: «Почему мне такая большая? Что я с ней буду делать?»¹⁹

Летом 1885 г. архимандрита Антония (Вадковского) переводят инспектором в Санкт-Петербургскую духовную академию. Уезжая, он дарит икону в Михаило-Архангельскую церковь Казанской духовной академии, где она оставалась до закрытия академии в 1918 г.²⁰ До 1939 г. она находилась в Петропавловском соборе. Десять лет судьба ее местонахождения была неизвестна. Можно предположить, что прихожане собора спасли ее, скрывая у себя дома, и уже после окончания войны, в 1948 г., она появилась в единственном не закрывавшемся все годы советской власти казанском храме — в церкви Ярославских чудотворцев, что на Арском городском кладбище.

Великая княгиня Елисавета Феодоровна в апреле 1913 г. впервые посетила академию и в домовый церкви приложилась к иконе. В сентябре 1915 г. приняла участие в прощании и отпевании своего духовного отца старца Гавриила в академической церкви. Также приложилась к иконе.

Можно предположить, что в июле 1914 г., находясь полтора дня в Казани, Великая княгиня вряд ли могла упустить такой шанс — не встретиться со столь дорогим ее сердцу Образом.

Поэтому 1914 г. резонно внести в перечень лет, когда высокочтимая паломница посещала Казанский край. До последнего времени этот год выпадал из этого списка.

Таким образом, исходя из первоисточников, следует утверждать, что Великая княгиня Елисавета Феодоровна пребывала в Казани и Казанской губернии четыре раза — в 1910, 1913, 1914 и 1915 гг. По рекам Волге и Каме она трижды пересекла Казанскую губернию в 1910 и 1914 гг.²¹

¹⁸ Подробнее о жизни и деятельности монахини Марии см.: *Елдашев А. М.* Незатерявшийся след... (О настоятельнице Балашовского Покровского женского монастыря игуменье Марии (Мандрыке) // Православие и современность, 2013. № 25 (41). С. 86–91; *Он же.* Игуменья Мария Балашовская // Клио. Журнал для ученых. 2014. № 2 (86). С. 102–109; *Он же.* Авторство одного портрета // Мир музея. 2014. № 4. С. 30–32; *Кузеванов Л. И.* Настоятельница Балашовского Покровского женского монастыря игуменья Мария. М., 2014. 232 с.

¹⁹ Действительно, икона размером 100 × 150 см. Написана маслом с золотым чеканом — методом ювелирно освоенным в монастырской иконописной мастерской.

²⁰ Подробнее о жизни и деятельности митрополита Антония (Вадковского) см.: *Елдашев А. М.* «Бог создал человека для радости...»: К 100-летию со дня кончины митрополита Антония (Вадковского) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2013. Вып. 1 (5). С. 150–162; *Он же.* Митрополит Антоний (Вадковский) (Казанский период). К 100-летию со дня кончины // Клио. Журнал для ученых. 2013. № 3 (75). С. 102–113.

²¹ О пребывании Великой княгини Елисаветы Феодоровны в Казанском крае см.: *Елдашев А. М.* Православная культура в Казанском крае (XVI–XX вв.): очерки истории. Казань: Татарское книжное издательство, 2013. С. 273–285; *Он же.* Как ангел, ты тиха, чиста и совершенна... Великая княгиня Елисавета Феодоровна в Казанском крае. Казань: Центр инновационных технологий, 2016. 88 с.

1910 г. 6 июля²² она проплыла мимо Казани по пути на торжества, связанные с чудотворной иконой Николая святителя в Николо-Березовском женском миссионерском монастыре (Уфимская губерния). 13 июля в 9 часов вернулась в Казань и провела весь день в городе. Она посетила Казанско-Богородицкий женский монастырь, кафедральный Благовещенский собор, келию свт. Гурия Казанского, архиерейский дом в Кремле, Спасо-Преображенский монастырь²³.

1913 г. 19 апреля, пятница, — прибыла из Москвы скорым поездом. С вокзала поехала в кафедральный Благовещенский собор, затем в Спасо-Преображенский монастырь и Казанско-Богородицкий женский монастырь²⁴. Заночевала в монастырской гостинице.

20 апреля, суббота, — приняла участие в освящении новосозданного храма часовни на месте явления чудотворной Казанской иконы Божией Матери в память трехсотлетия царствования на российском престоле дома Романовых. По окончании освящения и крестного хода в монастыре состоялся торжественный обед с участием духовенства и почетных гостей²⁵.

После обеда Великая княгиня в сопровождении губернатора и полицмейстера прибыла в Императорскую Казанскую духовную академию, где в церкви во имя Архангела Михаила было отслужено пасхальное молебное пение о здравии государя императора и всего царствующего дома Романовых.

Затем ей была представлена профессорская корпорация. В библиотеке ректор академии Анастасий (Александров), будущий епископ Ямбургский²⁶, продемонстрировал Великой княгине редкие издания, книги и некоторые рукописи из библиотеки Соловецкого монастыря. Здесь Елисавета Феодоровна расписалась в книге почетных посетителей, подписавшись: «Елисавета. 20 апреля 1913 г.». Около четырех часов вечера высокая гостья посетила Кизический Свято-Введенский мужской монастырь²⁷. Заночевала в гостинице Казанско-Богородицкого женского монастыря.

Решением ученого совета Императорской Казанской духовной академии в июле 1913 г. Великая княгиня была утверждена в звании почетного члена академии вместе с бывшим ее ректором, а в то время ректором Санкт-Петербургской академии епископом Ямбургским Анастасием (Александровым)²⁸.

11 мая 1913 г. в Москве состоялись торжества прославления св. Гермогена. Великая княгиня лично сшила драгоценный покров на гробницу святителя²⁹.

А 16 мая 1913 г. она переслала академии икону патриарха Гермогена³⁰.

21 апреля, воскресенье, — из монастыря после молебна на обратное путешествие отбыла на пароходе «Екатерина» в Свияжск, где посетила монастыри:

²² Здесь и далее даты приведены по старому стилю. — А. Е.

²³ Известия по Казанской епархии, издаваемые при Казанской духовной академии, за 1910 год. Казань: Центральная типография, 1910. С. 797.

²⁴ Казанский телеграф. 1913. № 5981. 20 апреля.

²⁵ Казанский телеграф. 1913. № 5982. 21 апреля.

²⁶ Епископ Анастасий (Александров) находился на посту ректора Казанской духовной академии с 4 марта 1912 г. по 30 мая 1913 г.

²⁷ Казанский телеграф. 1913. № 5983. 23 апреля.

²⁸ Известия по Казанской епархии, издаваемые при Императорской Казанской духовной академии, за 1913 год. Казань: Центральная типография, 1913. С. 925.

²⁹ Известия по Казанской епархии, издаваемые при Императорской Казанской духовной академии, за 1913 год. Казань: Центральная типография, 1913. С. 643–644.

³⁰ Известия по Казанской епархии, издаваемые при Императорской Казанской духовной академии, за 1913 год. Казань: Центральная типография, 1913. С. 627–628.

Свято-Успенский (мужской) и Иоанно-Предтеченский (женский). В 17 часов пароход «Екатерина» увез высокую гостью на станцию Зеленый Дол³¹.

1914 г. 7–8 июля. В это последнее предвоенное путешествие Великая княгиня посетила Казань. Автор пока не располагает деталями ее маршрута в нашем городе, но косвенные источники указывают на ее пребывание и ночлег в Казанско-Богородицком монастыре и посещение Раифской пустыни. Думается, об этой обители ей много рассказывал старец Гавриил во время многочасовых бесед в Спасо-Елеазаровом монастыре. Ей самой захотелось там побывать, приложиться к чудотворному образу Грузинской иконы Божией Матери и показать уединенное благолепие обители старшей сестре Виктории и племяннице Луизе. Имея конечную цель в посещении Пермского края — Алапаевск и возможность приложиться к иконе Божией Матери «Скоропослушница», Великая княгиня вряд ли не побывала в академии и ее домовою церкви. Мы предполагаем также ее возможные посещения по пути православных святынь Чистополя, Святого Ключа и Елабуги.

1915 г. В ночь на 24 сентября во флигеле Казанской духовной академии упокоился бывший настоятель Седмиезерной пустыни, схимоархимандрит Гавриил (Зырянов)³². 28 сентября, в понедельник, по железной дороге Великая княгиня приехала в Казань на отпевание своего духовного отца. Маршрут ее пребывания предусматривал: литургию в академическом храме, посещение Казанского женского монастыря, Спасо-Преображенского монастыря, встречу тела почившего и литию на Ивановской площади. Заночевала в гостинице Казанско-Богородицкого монастыря.

29 сентября, вторник. Литургия и панихида в «пещерке» Спасо-Преображенского монастыря, посещение центрального лазарета имени Ея Императорского Высочества Великой княгини Елисаветы Феодоровны, земского лазарета в Дворянском собрании, купеческого лазарета, городского лазарета в Шамовской больнице, университетского лазарета. Отъезд на ж.-д. вокзал³³.

Источники и литература

1. Великая княгиня Елисавета Феодоровна и император Николай II. Документы и материалы. (1884–1909 гг.). СПб.: Алетейя, 2009.
2. Елдашев А. М. «Бог создал человека для радости...»: К 100-летию со дня кончины митрополита Антония (Вадковского) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2013. Вып. 1 (5).
3. Елдашев А. М. Авторство одного портрета // Мир музея. 2014. № 4.
4. Елдашев А. М. Игуменья Мария Балашовская // Клио. Журнал для ученых. 2014. № 2 (86).
5. Елдашев А. М. Как ангел, ты тиха, чиста и совершенна... Великая княгиня Елисавета Феодоровна в Казанском крае. Казань: Центр инновационных технологий, 2016.
6. Елдашев А. М. Митрополит Антоний (Вадковский) (Казанский период). К 100-летию со дня кончины // Клио. Журнал для ученых. 2013. № 3 (75).
7. Елдашев А. М. Незатерявшийся след... (О настоятельнице Балашовского Покровского женского монастыря игуменье Марии (Мандрыке) // Православие и современность. 2013. № 25 (41).

³¹ Казанский телеграф. 1913. № 5985. 25 апреля.

³² НА РТ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 6465. Л. 1. 1 об., 4. Казанский телеграф. 26 сентября 1915, суббота. № 6683. Некролог.

³³ НА РТ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 6465. Л. 14. 14 об.

8. Елдашев А. М. Православная культура в Казанском крае (XVI–XX вв.): очерки истории. Казань: Центр инновационных технологий, 2013.

9. Зеленецкий А. Ф., прот. Освящение храма во имя Рождества Пресвятой Богородицы и часовни на месте явления Казанской чудотворной иконы Божией Матери в память трехсотлетия царствования Дома Романовых. Казань: Центральная типография, 1914.

10. Известия по Казанской епархии, издаваемые при Императорской Казанской духовной академии, за 1913 год. Казань: Центральная типография, 1913.

11. Известия по Казанской епархии, издаваемые при Казанской духовной академии, за 1910 год. Казань: Центральная типография, 1910.

12. Казанский телеграф. 1913. №5981. 20 апреля.

13. Казанский телеграф. 1913. №5982. 21 апреля.

14. Казанский телеграф. 1913. №5983. 23 апреля.

15. Кузеванов Л. И. Настоятельница Балашовского Покровского женского монастыря игуменья Мария. М., 2014.

16. Куликова Л. В. Летопись жизни и деятельности Благоверной Великой Княгини Елисаветы Феодоровны. М., 2014.

17. Приезд Великой княгини Елисаветы Феодоровны // Волгарь. 1910. № 193. 15 июля.

18. Путешествие Великой Княгини Елисаветы Феодоровны // Нижегородский церковно-общественный вестник. 1910. № 30.

19. Тихон (Затекин), архим. Основатель Православного Палестинского общества, Его Императорское Высочество, Великий Князь Сергей Александрович и Ее Императорское Высочество, Великая Княгиня Елисавета Феодоровна на Нижегородской земле // Нижегородская старина. Краеведческо-историческое издание. 2014. Вып. 41–42.

20. Тюнин И. П. К посещению Ее Императорским Величеством Великой Княгиней Елисаветой Феодоровной села Николо-Березовки Бирского уезда в 1908 и 1914 гг. Уфа, 1915.

КАЗАНСКИЙ ПЕРИОД И ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА ВАСИЛИЯ (БОГОЯВЛЕНСКОГО), АРХИЕПИСКОПА ЧЕРНИГОВСКОГО И НЕЖИНСКОГО

Лютова Светлана Николаевна

к. филол. н., доцент кафедры философии Московского государственного
института международных отношений (Университета) МИД России

E-mail: samorodinka@yandex.ru

Аннотация: В докладе рассматриваются деяния священномученика Василия (Богоявленского), архиепископа Черниговского и Нежинского, магистра богословия (1867–1918), в казанский период его учебы, научных исследований и пастырского служения (с 1896 по 1908 г.), а также крестный путь, проделанный владыкой в последние полтора года жизни в бытность присутствующим членом Святейшего Правительствующего Синода и Всероссийского Поместного Собора.

Ключевые слова: Собор новомучеников и исповедников Российских; святые отцы Поместного Собора Церкви Русской 1917–1918 гг.; архиепископ Черниговский и Нежинский Василий (Богоявленский); история РПЦ; Казанская епархия РПЦ; Тамбовская епархия РПЦ; Святейший Правительствующий Синод; Всероссийский Поместный Собор

THE KAZAN PERIOD AND THE LAST YEARS OF HIS LIFE THE PRIEST MARTYR BASIL (BOGOYAVLENSKY), ARCHBISHOP OF CHERNIHIN AND NIZHYN

Abstract: The report concerns the activity of Priest-Martyr Vasily (Bogoyavlensky), Archbishop of Chernihiv and Nizhyn, master of theology, (1867–1918) during the Kazan period of his life (from 1896 to 1908) and the way of the cross, which the Saint had done in the last 1,5 years of his life, when he was a present member of the Holy Synod and of the All-Russian Local Council.

Keywords: The Russian New Martyrs and Confessors; the Holy Fathers of the Local Council of the Russian Church (1917–1918); Archbishop of Chernigov and Nezhin the Priest-Martyr Vasily (Bogoyavlensky); history of the ROC; the Kazan diocese of the ROC; the Tambov diocese of the ROC; the Holy Governing Synod; All-Russian Local Council

Lyutova Svetlana Nikolaevna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor at the Department of philosophy of the Moscow state Institute of international relations (University) MFA of Russia

Прославленный в 2000 г. для общецерковного почитания священномученик Василий (Богоявленский), архиепископ Черниговский и Нежинский, магистр богословия (1867–1918), родился в Тамбовской губернии в с. Старосеславино Козловского уезда и был сыном, внуком и правнуком священников местной Архангельской церкви. Богоявленские состояли в родстве с семьей будущего сщмч. Владимира (Богоявленского), митрополита Киевского и Галицкого¹. В родной епархии начиналось служение отца Василия, наиболее же плодотворной оказалась его де-

¹ Как родственница сщмч. Василия автор поделилась сведениями из семейного архива, а также своими исследованиями родословной Богоявленских в статье: Лютова С. Н., Серженко И. И. К вопросу о родословии митрополита Владимира (Богоявленского) и архиепископа Василия (Богоявленского) // Вестник ПСТГУ. Серия II. 2017. Вып. 75. С. 11–21.

тельность в качестве черниговского архипастыря (1911–1917), присутствующего члена Святейшего Правительствующего Синода (1916–1917), члена Всероссийского Поместного Собора (в 1918 г.).

И все же совершенно особое место в жизни сщмч. Василия занимает ее казанский этап: 12 лет — с 1896 по 1908 г. — (с поступления в Казанскую духовную академию до начала иноческого пути). Это было не просто время учебы, научных размышлений и неустанных трудов на благо Казанской епархии, но годы стремительного духовного роста под влиянием выдающихся Учителей, годы раздумий над ролью РПЦ в судьбах Отечества и принятия на себя ответственности за повышение ее авторитета.

Прижизненный биограф Василия (Богоявленского) так писал о начале казанского периода: «Неизлечимая болезнь жены заставила отца Василия подумать о других условиях службы Святой Церкви, побудила его расстаться с родной епархией и переселиться в 1896 г. в Казань для продолжения образования в Казанской духовной академии, которую отец Василий и окончил с отличием, успешно защитив работу на степень кандидата богословия в 1900 году»².

Вопреки распространенной в житийных текстах информации о том, что В.Д. Богоявленский принял постриг в 1908 г., только что овдовев³ (под влиянием горя), документы свидетельствуют: отцу Василию потребовалось не менее пяти лет после смерти жены, чтобы осознать свое иноческое призвание: в клире казанской кладбищенской церкви при Благовещенском соборе (где он служил с 1901 г.) на начало 1904 г. отец Василий Богоявленский указан как «священник <...> 36 л. <...>; вдов, в семействе у него сын 10 лет»⁴.

Вероятно, супруга Василия Дмитриевича, Елизавета Ивановна Богоявленская, скончалась в конце 1902 г. или в 1903 г. в Казани (по клировой ведомости Казанского кафедрального Благовещенского собора за 1902 г., жена отца Василия все еще жива: «В семействе у него жена Елизавета Иванова, 34 лет»⁵).

Участь в Академии, специализируясь в области церковной истории, Василий Дмитриевич выбрал тему, касающуюся церковной демократии, неординарную по тем временам, «Епархиальные съезды духовенства, их деятельность и значение»⁶. При чтении этого труда обращает на себя внимание интерес автора не только к работе съездов, но и к самим проблемам, поднятым на них, — обучение, бытовое обустройство и пенсионное обеспечение духовенства, возможные источники дохода епархий.

«В недалеком будущем <...> вполне возможным является удаление ненормальных явлений, оскорбляющих религиозное чувство христианина, — писал отец Василий. — Разумею выставку (чуть не в одном окне магазина) для продажи икон Спасителя и фигур чертей по 20 коп. за штуку (в магазине Алаторцева в Казани, на Воскресенской улице). <...> И дай Бог, чтобы иконы <...> предлагались из лавок епархиальных — вообще принадлежащих Церкви!»⁷

² Священномученик Василий (Богоявленский), архиепископ Черниговский и Нежинский: Материалы к жизнеописанию. М.: Изд-во ПСТГУ, 2014. С. 256.

³ *Дамаскин (Орловский), игум., Калганов К.* Священномученик Василий (Богоявленский) // Православная энциклопедия. Т. VII. М., 2004. С. 37–38.

⁴ Справочная книга Казанской епархии. Казань: Издание Казанской духовной консистории, 1904. С. 7. [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.calameo.com/read/002055968496073ce917d> (дата обращения: 01.10.2017).

⁵ НА РТ. Ф. 4. Оп. 134. Д. 58. Л. 44 об.

⁶ И кандидатская, и магистерская диссертации Василия (Богоявленского) были опубликованы и в оцифрованном виде доступны теперь для удаленного чтения на сайте РГБ.

⁷ *Богоявленский В.* Епархиальные съезды духовенства: их деятельность и значение. Омск, 1902. С. 134.

Еще тогда (конечно, далекий от мысли, что ему случится управлять епархией) Василий Дмитриевич определил для себя основные направления необходимой модернизации церковной жизни, которым 11 лет спустя последует на Черниговщине. Ценность кандидатской работы В. Д. Богоявленского как научного источника в том, что она до сих пор остается энциклопедией быта русского духовенства последней трети XIX в.

После защиты диссертации отец Василий получил предложение остаться в Казани, служил священником храма Федоровского женского монастыря, казанской кладбищенской церкви и, наконец, назначен был на должность ключаря казанского Благовещенского кафедрального собора.

В эти годы отец Василий преподает Закон Божий в XXI и X городских училищах, в казанском приходском Министерском училище «с правом службы на пенсию»⁸, в пяти учебных командах при пяти батальонах, расположенных в Казани, в учебной команде при интендантском складе, в течение 10 лет — в казанской общине сестер милосердия Красного Креста. Состоял заведующим Спасо-Федоровской церковно-приходской школы в 1901/02 учебном году. Безвозмездно на протяжении многих лет вел религиозно-нравственные собеседования с нижними чинами казанских воинских подразделений.

За время своей службы в Казани отец Василий был награжден набедренником (1900), скуфьей (1903) и камилавкой (1905), первую из этих наград получил «за благолепное совершение Божественных служб в Казанском девичьем монастыре»⁹.

Он также приобретает опыт административной, миссионерской и благотворительной епархиальной работы как член Ревизионного Комитета по проверке отчетов Казанской духовной академии и Казанского епархиального женского училища в 1901–1905 гг., как член-учредитель Братства во имя Пресвятыя Богородицы при казанском кафедральном соборе, в качестве члена Церковного историко-археологического общества. С 18 января 1907 г. 40-летний Богоявленский — внештатный член Казанской духовной консистории.

Очевидно, что 12 лет жизни в Казани имели определяющее значение в расширении личностных горизонтов в недавнем прошлом сельского иерея. Нельзя не отметить роли в становлении его личности — русского аристократа, будущего митрополита Киевского Антония (Храповицкого), по итогам голосования на Поместном Соборе в 1917 г., первого кандидата в Патриархи и будущего главы РПЦЗ. Он был ректором Казанской духовной академии в годы обучения там В. Д. Богоявленского, и они не могли не сделаться друзьями: кроме того, что Антоний всегда был прост и доступен в общении, между студентом и ректором было всего четыре года разницы в возрасте. Именно ректор впервые обратил помыслы отца Василия к иноческому призванию. «Ведь это — Антоний Храповицкий, великий уловитель душ в монашество!»¹⁰ — восклицал архимандрит Киприан (Керн).

Пастырское служение, преподавание и общественная активность в Казанской епархии не помешали В. Д. Богоявленскому продолжить научную работу. В 1907 г. кандидат богословия защищает в альма-матер теперь уже магистерскую диссертацию на тему «Вторая книга Маккавейская: Опыт исагогического ис-

⁸ НА РТ. Ф. 4. Оп. 138. Д. 26. Л. 13 об.

⁹ Там же. Л. 15 об.

¹⁰ Киприан (Керн), архим. Воспоминания о митрополите Антонии (Храповицком) и епископе Гаврииле (Чепуре). М.: Изд-во ПСТГУ, 2012. С. 10.

следования». Проведя сравнительный стилистический анализ, мы можем с уверенностью сказать, что все тексты, подписанные В.Д. Богоявленским, вышли из-под его пера¹¹.

«...Опыт исагогического исследования» отца Василия условно делится на три части:

— историческую, в которой автор доказывает достоверность событий, описанных во Второй книге Маккавейской; здесь В.Д. Богоявленский как исследователь опережает свое время: только сто лет спустя достоверность этих библейских событий стала общепризнанной, труд же отца Василия и в XXI в. даже светские историки продолжают цитировать¹²;

— филологическую часть, которая показывает, что автор был знаком с новейшими исследованиями в области лингвистики, психологии народов и филологии языка, достаточно привести следующую цитату: «Всякий язык есть не только внешнее звуковое выражение мысли, но и внутренняя естественная ее основа <...> в лексическом материале и синтаксисе лежат естественные основы как логического строя и хода мышления, так и самого его содержания»¹³;

— богословскую и нравоучительную часть, которая представляет собой всесторонний анализ подвига семи мучеников Маккавеев, их матери Соломонии и первосвященника старца Елеазара: «Историей мучеников измерялось все значение Второй Маккавейской книги на пространстве всех веков <...>, — пишет автор в своей работе, не ведая о предстоящем ему самому подвиге мученичества. — Святые отцы, очевидно, надеялись, что слова мучеников Маккавеев <...> подействуют на сердца слушателей-христиан и укрепят их мужественно перенести предлежащий многим из них, особенно в первые века христианства, подвиг мученичества»¹⁴.

Новым образцом для подражания, своего рода путеводной звездой видит казанский иерей митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Антония (Вадковского). «Образованным, умным, воспитанным, тонким и элегантным»¹⁵, по праву столичным митрополитом запомнил его протопресвитер Георгий Шавельский. Старше отца Василия на поколение, его земляк и выпускник тех же учебных заведений, будущий митрополит 15 лет провел в Казани после окончания Казанской духовной академии сначала как доцент, затем как инспектор ее.

И впоследствии митрополит Антоний (Вадковский) никогда не порывал связей с альма-матер: способствовал назначению ее ректором Антония (Храповицкого) и присматривался к талантливой академической молодежи — митрополит собирал вокруг себя иноков-интеллектуалов, полагая необходимым замещение представителей ученого монашества академических и административных должностей в РПЦ.

Именно петербургский митрополит Антоний, сам пришедший к иночеству в казанские годы своей жизни через вдовство и утрату близких, укрепил в буду-

¹¹ Черниговский клеветник в 1917 г. приписывал соавторство товарищу архиепископа Василия еще по Казани протоиерею Василию Сокольскому, выпускнику (1902) и магистру (1905) Казанской духовной академии, в 2000 г. также прославленному в лике священномучеников, см. в книге: Священномученик Василий (Богоявленский), архиепископ Черниговский и Нежинский: Материалы к жизнеописанию. М.: Изд-во ПСТГУ, 2014. С. 313.

¹² *Зарапин Р.В.* Становление государственного аппарата в птолемеевском Египте: Кон. IV — нач. II вв. до н. э.: дис. ... канд. ист. наук М.: МПГУ, 2002. С. 337.

¹³ *Богоявленский В., свящ.* Вторая книга Маккавейская: опыт исагогического исследования. Казань, 1907. С. 197.

¹⁴ Там же. С. 245, 264.

¹⁵ *Шавельский Г.И., протопресв.* Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. Изд. 3-е. М.: Издательство Крутицкого подворья, 2010. С. 325–326.

шем священномученике решимость принять постриг. Это значительное событие в жизни В. Д. Богоявленского произошло в Санкт-Петербурге, в Свято-Троицкой Александро-Невской лавре, 14 августа 1908 г., за сим последуют годы святительского служения в Харьковской и Черниговской епархиях¹⁶.

Случайность ли то, что дата ухода от мира отца Василия совпадет с датой его мученической кончины, до которой оставалось ровно 10 лет?

Сразу после отречения Николая II поддержав в своих *определениях и посланиях* Временное правительство, Синод не получил обещанной обер-прокурором В. Н. Львовым от имени нового правительства свободы в управлении церковными делами. И тогда 8 марта 1917 г. ст. ст. было оглашено *Заявление шести членов Св. Синода*, по сути ультиматум обер-прокурору, в котором иерархи Русской Церкви Тихон (Беллавин), Сергей (Страгородский), Василий (Богоявленский) и еще три присутствующих члена Синода объявляли, что «не считают себя вправе <...> брать на себя ответственность за все мероприятия, какие Временное Правительство или единолично г. Обер-Прокурор найдут нужным провести в церковном управлении»¹⁷.

Заявление было написано в резком тоне, слогом лаконичным и стремительным, очень напоминающим слог черниговского архиепископа, что заставляет думать о значительной роли В. Д. Богоявленского в организации этой акции протеста. Тем более заставляет думать, что предсказанное «мероприятие» намечилось в тот же день и прямо касалось архиепископа Василия Черниговского как главы Синодального издательского совета: Временное правительство наметило изъятие у Синода его печатного органа.

Предупреждая сопротивление архиепископа Василия (Богоявленского), обер-прокурор В. Н. Львов на Страстной неделе 1917 г. направил две телеграммы в Чернигов. Одну из них — на имя революционного губернского комиссара: «Возбудите официальную просьбу духовенства и мирян об увольнении Василия Черниговского на покой...»; вторую — на имя председателя только что созданного комитета объединенного духовенства: «Прошу прислать депутацию духовенства и мирян для соответствующего перед Синодом ходатайства, которое поддержу»¹⁸.

За пять лет до этой, предпоследней в его жизни Пасхи владыка Василий обращался к пастве: «Вот в глубокую полночь раздается благовест. Чье сердце не трепетало от радости при звуках этих полночных ударов церковного колокола! <...> Вот наконец после тревожного ожидания наступает величественный, торжественный, дивный момент — слышится радостно-победная весть «Христос Воскресе из мертвых, смертию смерть поправ <...> и сущим во гробех живот даровав». <...> В это время мы чувствуем, что переживаем действительно свое возрождение»¹⁹. Пасха 1917 г. сулила архиепископу Василию поистине крестный путь до возрождения в качестве новомученика Российского...

6 мая 1917 г. уже в новом составе Св. Синод определяет уволить на покой архиепископа Василия и направить настоятелем в заштатный монастырь — в Теребенскую Николаевскую пустынь Тверской епархии. Но уже 11–12 августа 1917 г. приказывает: «...управляющего Николаевскую Теребенскую пустынь Тверской

¹⁶ О Черниговском периоде служения сщмч. Василия см.: *Лютова С. Н. Святой Василий Черниговский // Концепт: философия, религия, культура. 2017. № 3 (3). С. 50–57.*

¹⁷ Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году: материалы и архивные документы по истории Русской Православной Церкви. М.: Индрик, 2006. С. 29–30.

¹⁸ Священномученик Василий (Богоявленский), архиепископ Черниговский и Нежинский: Материалы к жизнеописанию. С. 395.

¹⁹ *Богоявленский В.* Слово Преосвященнейшего Василия, епископа Черниговского и Нежинского, на отдавание Пасхи. Чернигов, 1912. С. 5.

епархии Пресвященного Василия, Архиепископа бывшего Черниговского, назначить управляющим, на правах настоятеля, Московским Заиконоспасским ставропигиальным монастырем»²⁰.

В Синоде, а может быть, и в правительстве были люди, которые давно знали архиепископа, ценили его и считали, что в Москве в качестве члена Предсоборного Совета 50-летний Богоявленский будет более полезен, чем в тверской глуши. Кто еще, кроме двух казанских друзей, членов нового Синода²¹, мог способствовать переводу его в Москву, только предстоит выяснить.

Патриарх Тихон, хорошо знавший архиепископа Василия (Богоявленского) еще по совместной работе в Синоде, в мае 1918 г. назначил архиепископа благочинным ставропигиальных монастырей. В июле владыка Василий был избран членом Всероссийского Поместного Собора и почти сразу назначен главой Соборной комиссии по расследованию обстоятельств убийства в Перми сщмч. архиепископа Андроника (Никольского), в августе комиссия выезжает в красную Пермь, заручившись согласием московских властей.

Член Поместного Собора не мог не сознавать высокую степень риска: волной уже прокатились по России убийства священнослужителей. Очевидно, своей миссией, христианской и архипастырской, воспринял это послушание архиепископ Василий (Богоявленский). Отважный, решительный и в мирное время, он оказался готов к подвигу установления истины и справедливости во время братоубийственной Гражданской войны.

Сам будущий священномученик писал еще в 1907 г.: «Под именем исповедания должно разуметь такое поведение человека в отношении веры, по которому он, вызываемый врагами истины, не только не прикрывает себя обманчивою наружностью для каких-либо земных видов, но и словами, и делами открыто свидетельствует свою веру в Бога и свое упование, хотя бы за это надлежало пожертвовать своими выгодами, благосостоянием и самую жизнь»²².

Собрав все необходимые материалы, Соборная комиссия выехала из Перми, но до Москвы не доехала: 27 августа 1918 г. поезд был остановлен за рекой Камой, членов Соборной комиссии красноармейцы вывели из вагона и расстреляли. Раненных, стонавших, их добились штыками (рассматривались судом и другие, еще более страшные, версии убийства).

На Юбилейном Архиерейском Соборе РПЦ в августе 2000 г. архиепископ Василий (Богоявленский) канонизирован для общецерковного прославления в лике священномучеников, с установлением дней молитвенного поминовения 27 августа, а также 7 февраля и 18 ноября н. ст., — в мае 2017 г. Св. Синодом при Патриархе сщмч. Василий был причислен к сонму святых отцов Поместного Собора Русской Церкви 1917–1918 годов.

²⁰ РГИА. Ф. 796. Оп. 204. Д. 318.

²¹ Самарский епископ Михаил (Богданов), сокурсник В.Д. Богоявленского по Казанской духовной академии в 1896–1900 гг., с 1905 г. ректор Казанской духовной семинарии, с 1907 г. викарий Казанской епархии; протоиерей Александр Смирнов — профессор Казанской духовной академии в 1900-е гг., профессор Петроградского университета, член Государственной Думы. Оба вошли в состав Св. Синода после 14.04.1917.

²² *Богоявленский В., свящ.* Вторая книга Макнавейская. Казань, 1907. С. 323.

Источники и литература

1. *Богоявленский В., свящ.* Вторая книга Маккавейская: опыт исагогического исследования. Казань, 1907.
2. *Богоявленский В.* Епархиальные съезды духовенства: их деятельность и значение. Омск, 1902.
3. *Богоявленский В.* Слово Преосвященнейшего Василия, епископа Черниговского и Нежинского, на отдание Пасхи. Чернигов, 1912.
4. *Дамаскин (Орловский), игум., Калганов К.* Священномученик Василий (Богоявленский) // Православная энциклопедия. Т. VII. М., 2004.
5. *Зарапин Р. В.* Становление государственного аппарата в птолемеевском Египте: Кон. IV — нач. II вв. до н. э.: дис. ... канд. ист. наук. М.: МПГУ, 2002.
6. *Киприан (Керн), архим.* Воспоминания о митрополите Антонии (Храповицком) и епископе Гаврииле (Чепуре). М.: Изд-во ПСТГУ, 2012.
7. *Лютова С. Н.* Святой Василий Черниговский // Концепт: философия, религия, культура. 2017. № 3 (3). С. 50–57.
8. *Лютова С. Н., Серженко И. И.* К вопросу о родословии митрополита Владимира (Богоявленского) и архиепископа Василия (Богоявленского) // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2017. Вып. 75. С. 11–21.
9. Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году: материалы и архивные документы по истории Русской Православной Церкви. М.: Индрик, 2006.
10. Священномученик Василий (Богоявленский), архиепископ Черниговский и Нежинский: материалы к жизнеописанию. М.: Изд-во ПСТГУ, 2014.
11. Справочная книга Казанской епархии. Казань: Издание Казанской духовной консистории, 1904. [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.calameo.com/read/002055968496073ce917d> (дата обращения: 01.10.2017).
12. *Шавельский Г. И., протопресв.* Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. Изд. 3-е. М.: Издательство Крутицкого подворья; Общество любителей церковной истории, 2010.

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА В 1917–1930-Х ГОДАХ НА ПРИМЕРЕ КРЯШЕНСКИХ РЕЛИГИОЗНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Мухамадеева Лилия Абдулахатовна

*к. и. н., старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан*

E-mail: Zgel21@mail.ru

Аннотация: В первые десятилетия советской власти происходило уничтожение идеологических основ дореволюционной России. Закрывались религиозные храмы, арестовывались религиозные деятели. В том числе пострадали два кряшенских монастыря, придомовая Гурьевская церковь при Центральной крещено-татарской школе и др. К началу 1940-х гг. все казанские монастыри были закрыты, не осталось ни одной действующей домовый церкви, а из приходских функционировала лишь кладбищенская церковь.

Ключевые слова: религия; конфессиональные институты кряшен; кряшенские монастыри; Гурьевская церковь

THE CONFSSIONAL POLICY OF THE STATE IN 1917–1930S ON THE EXAMPLE OF KRYASHEN RELIGIOUS INSTITUTIONS

Abstract: In the first decades of Soviet power, the ideological foundations of pre-revolutionary Russia were being destroyed. Religious churches were closed, religious leaders were arrested. In particular, two Kryashen monasteries were damaged, a nearby Guryev church attached to the Central baptized Tatar school and others. By the early 1940s all the Kazan monasteries were closed, no functioning house church remained, and only the Cemetery Church functioned from the parish churches.

Keywords: religion; confessional institutes of Kryashen; Kryashen monasteries; Guryev church

Muhamadeeva Liliya Abdulahatovna, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher Officer of the Institute of history Sh. Mardzhani Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan

27 октября 1917 г. был принят Декрет о земле, согласно которому принадлежавшие Церкви земли переходили «в распоряжение Волостных Земельных Комитетов и Уездных Советов Крестьянских Депутатов». Изданная 2 ноября 1917 г. Советом народных комиссаров (далее СНК) «Декларация прав народов России» провозглашала «отмену всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений». В своем «Докладе о состоянии 3-го благочиния монастырей Казанской епархии» Казанскому епархиальному совету архимандрит Андроник (А.Г. Богословский) отмечал, что «1917 г. был для обитателей всего благочиния весьма печальным... Все обители подверглись разорению со стороны революции... Чтобы исправить их в прежнем виде нужны большие средства, которых не имеется»¹.

В 1917 г. в России насчитывалось 1257 монастырей², в числе которых

¹ Алексеев И.Е. Свидетельства о разорении в 1917–1919 гг. Покровской просветительной крещено-татарской женской общины Мамадышского уезда и Трехсвятительского крещено-татарского монастыря Лаишевского уезда. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.missiakryashen.ru> (дата обращения: 12.05.2017).

² Журавский А.В. Насильственная секуляризация монастырских хозяйств в национальных республиках Поволжья в 1917–1919 годах // Исторический вестник. 2001. № 1 (12). С. 12.

в Казанской губернии действовали две кряшенские монашеские обители, основанные благодаря епископу Андрею (князю А. А. Ухтомскому) и его матери — княгине А. Ф. Ухтомской. Это мужской Трехсвятительский скит при Казанском Спасо-Преображенском монастыре в Лаишевском уезде, основанный в 1905 г. и преобразованный в 1911 г. в отдельный Трехсвятительский крещено-татарский монастырь, и женская Покровская просветительная крещено-татарская община в Мамадышском уезде, основанная в марте 1908 г. и официально учрежденная в феврале 1911 г.³

Декретом СНК Российской Республики, принятым 20 января (2 февраля) 1918 г., «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» церковь была отделена от государства и от государственной школы, лишена прав юридического лица и собственности, а религия объявлялась частным делом граждан. Декрет узаконивал принимавшиеся с декабря 1917 г. распоряжения и акты, упразднявшие функции Русской Православной Церкви (далее РПЦ) как государственного учреждения⁴.

Согласно инструкции «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 24 августа 1918 г. все здания семинарий, церковно-приходских школ были переданы в ведение местных Советов⁵. В связи с этим 3 марта 1918 г. была ликвидирована и домовая Гурьевская церковь при Центральной крещено-татарской школе (далее ЦКТШ), построенная в 1871 г. на средства казанского 1-й гильдии купца П. В. Щетинкина. Демонтирована церковь была в 1921 г.⁶

Помимо постепенного закрытия церквей, начались грабежи и разорения монастырского имущества. К началу 1921 г. было ликвидировано 573 монастыря, а за несколько месяцев того же года еще 40⁷. Не минула данная участь и кряшенские монастыри. Согласно «Отчету о Покровской просветительной крещено-татарской женской общине» Мамадышского уезда Казанской губернии община в начале XX в. имела около 108 десятин земли⁸. К моменту прихода большевиков в данной общине имелся 1 деревянный храм, 4 деревянных одноэтажных дома, 1 гостиница и 1 деревянная одноэтажная школа. В общине числилось 52 человека: настоятельница, 2 рясофорных послушницы, 44 послушницы и 5 «на воспитании»⁹.

5 ноября 1917 г. «начались угрозы, что общину разгромят, вследствие чего 6 ноября ученицы двухклассной школы разъехались по домам и занятия прекратились», а через месяц по распоряжению Ныртинской волостной управы было вывезено из общины двести пудов яровых семян. 2 марта 1918 г. представители той же управы «запечатали все хлеба», отнята земля, «оставив таковую только под постройками, садом и небольшим огородом». 3 сентября (22 августа) 1919 г. общиной было направлено два обращения: временно управляющему Казанской епархией РПЦ епископу Чистопольскому Анатолию (А. Г. Грисюку), второе архимандриту Иоасафу (И. И. Удалову). Однако все они были безрезультатны¹⁰.

³ Алексеев И. Е. Свидетельства о разорении...

⁴ Декрет об отделении // Власть. 2001. 13 февраля.

⁵ Бычков С. Большевики против Русской Церкви. Очерки по истории Русской Церкви (1917–1941 гг.). Т. 2. М.: Изд-во Sam&Sam, 2006. С. 105.

⁶ Республика Татарстан: Православные памятники (середина XVI – XX век). Казань, 1998. С. 49.

⁷ Бычков С. Большевики против Русской Церкви... С. 112, 117, 162.

⁸ Отчет о Покровской просветительной крещено-татарской общине. Казань: Центральная типография, 1910. С. 1–37.

⁹ Алексеев И. Е. Свидетельства о разорении...

¹⁰ Журавский А. В. Насильственная секуляризация... С. 12.

В тот же период в другой кряшенской общине Трехсвятительского крещено-татарского монастыря Лаишевского уезда Казанской губернии имелся 1 деревянный храм, 5 деревянных одноэтажных корпусов и 1 двухэтажный деревянный корпус с деревянными пристройками. В с. Рыбная Слобода монастырю принадлежал дом с деревянными постройками. В общине числилось 30 человек: настоятель, 2 иеромонаха, 2 иеродиакона, 1 монах, 3 рясофорных послушника и 4 «проживающих по паспорту»¹¹.

1 ноября 1917 г. монастырь лишился 1 молотильного и 2 запасных хлебных сараев, деревянного корпуса, 6 строений, бани, дома для рабочих и недостроенной церкви. Следующей большой потерей стало имущество на сумму 14 396 рублей. В мае 1918 г. у монастыря был отнят сельскохозяйственный инвентарь, пожарная машина, некоторые постройки, позже была вывезена библиотека¹². В конце 1918 г. председатель Анатышского волостного Совета со своим отрядом арестовал «всю братию, начиная с Настоятеля Монастыря Игумена Серафима (Семенова) до младших, всего одиннадцать человек» и увез в г. Лаишев. Там их заключили в тюрьму, однако «младших послушников», возрастом моложе 30 лет, отпустили по домам. 6 января 1919 г. (24 декабря 1918 г.) десять человек, кроме настоятеля игумена Серафима, также были выпущены из тюрьмы¹³. 18 марта 1919 г. прибывший комиссар по земельным делам отселил всех монашествующих в одно помещение, а монастырские строения отошли земельному комитету¹⁴.

Первым практическим результатом действия декрета «Об отделении Церкви от государства» было закрытие в 1918 г. духовных учебных заведений, включая епархиальные училища, и храмов при них. Практически с 1918 г. было прекращено духовное образование и научная церковная деятельность, издание христианской литературы стало невозможным¹⁵. Коснулось это и Казанской ЦКТШ, которую в 1918 г. преобразовали в Казанскую крещено-татарскую учительскую семинарию.

Сильный неурожай и голод, охвативший страну в 1921–1922 гг., обрекали многих людей на голодную смерть. Летом 1921 г. был организован Всероссийский церковный комитет помощи голодающим под председательством Патриарха Московского и всея России Тихона (В. И. Беллавина), обратившегося к пастве с «Воззванием» по поводу сильного голода в России. Начался сбор средств в помощь голодающим. Однако большевистские власти это не устраивало. Комитет был распущен, а собранные средства конфискованы. При ВЦИКе большевистским правительством была создана Комиссия, которая и занялась сбором средств в помощь голодающим¹⁶.

В декабре 1921 г. Комиссия обратилась к Патриарху с призывом пожертвования церковных ценностей на нужды голодающих. Патриарх издал новое «Воззвание к пастве», в котором просил жертвовать на нужды голодающих церковные ценности, не имеющие богослужебного употребления. В прессе этот призыв Па-

¹¹ Алексеев И. Е. Из истории создания Трехсвятительского крещено-татарского монастыря Лаишевского уезда Казанской губернии. [Электронный ресурс]. URL: <http://g.efnez.ru> (дата обращения: 11.08.2017).

¹² Алексеев И. Е. Свидетельства о разорении...

¹³ Там же.

¹⁴ Журавский А. В. Насильственная секуляризация монастырских хозяйств в национальных республиках Поволжья в 1917–1919 годах. С. 12.

¹⁵ Дамаскин (Орловский), игум. Гонения на Русскую Православную Церковь в СССР. [Электронный ресурс]. URL: <https://orthodoxy33.wordpress.com> (дата обращения: 23.07.2017).

¹⁶ Иванова Е. В. Святейший Патриарх Тихон и голод 1921–1922 гг. в России. [Электронный ресурс]. URL: <https://azbuka.ru> (дата обращения: 29.07.2017).

триарха был истолкован превратно. Церковь обвинили в неуступчивости и равнодушии к бедам страны, в связи с чем начался повсеместный акт по изъятию всех церковных ценностей¹⁷.

Голод в Поволжье достаточно ловко был использован в борьбе с РПЦ. Организованная Комиссия по изъятию церковных ценностей отправляла в Центр практически все, что, по ее мнению, подлежало изъятию. Лишь усилия Музейной комиссии при Академическом центре Татнаркомпроса под руководством профессора Казанского университета К. В. Харламповича сохранили от изъятия многие раритеты¹⁸. Организация музеев являлась в те годы единственным легальным способом сохранения от окончательного разграбления церковных и художественных ценностей¹⁹. В марте 1922 г. Совнарком ТАССР создал комиссию по учету и изъятию монастырских и церковных ценностей республики в составе А. А. Денисова (председатель), А. П. Галактионова и Г. С. Гордеева²⁰. На основе изъятых церковных ценностей в 1925 г. в губернском музее был открыт отдел древнерусского искусства²¹.

В мае 1929 г. на XIV Всероссийском съезде Советов была принята новая редакция ст. 4 Конституции РСФСР: вместо «свободы религиозной и антирелигиозной пропаганды» признавалась «свобода религиозных исповеданий и антирелигиозной пропаганды». Осенью во многих областных и окружных центрах открылись антирелигиозные факультеты при рабфаках. Повсюду действовали окружные, районные и городские курсы активистов безбожного движения²².

В наступлении на РПЦ большевики прибегли к помощи модернистской схемы обновленцев, преследовавших следующие цели: второбрачие священников-вдовцов, отмена традиционного монашества и в этой связи введение женатого епископата, замена церковнославянской литургии русскоязычной и ее сокращение и др. Большевики поддерживали обновленцев, чтобы расколом ослабить Патриаршую Церковь. На практике это покровительство выражалось в предоставлении обновленцам большей части храмов, причем самых крупных²³. Так, первым обновленческим храмом в Казанской епархии и Казани стала Покровская церковь, построенная в 1883 г. на средства прихожан. О своей «обновленческой позиции» община заявила 8 июня 1923 г. Весной 1929 г. президиум и секретариат ТЦИК протоколом № 32 от 13 марта 1929 г. параграфом 28 по рекомендации НКВД наметил к закрытию Покровскую церковь. К тому периоду данная община уже пришла в упадок, «часовню во дворе храма облюбовали хулиганы, пугая и нападая по ночам на одиноких прохожих». Комиссия по делам культов 27 февраля 1930 г. постановила: «...церковь закрыть, здание передать КГСу под культурно-просветительное учреждение». В 1931 г. Покровская община слилась с другой обновленческой общиной — Пятницкой²⁴. После более чем 70-летнего перерыва,

¹⁷ Стародубцев И. В. Русская Православная Церковь и церковное искусство. 1917–1988 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravoslavie.ru> (дата обращения: 12.06.2017).

¹⁸ Мухин В. История закрытия храмов и монастырей в г. Казани в 20–30-е гг. XX столетия // Православный собеседник. Казань: Изд-во КазДС, 2008. № 1 (16). С. 16.

¹⁹ Ленин В. И., Луначарский А. В. Переписка, доклады, документы. Т. 80. М., 1971. С. 172.

²⁰ НА РТ. Ф. 3682. Оп. 7. Д. 304. Л. 23.

²¹ НА РТ. Ф. 3682. Оп. 7. Д. 334. Л. 19.

²² Антирелигиозный аспект «великого перелома»: нормативная база и правоприменительная практика. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.monographies.ru> (дата обращения: 11.08.2017).

²³ Штриккер Г. Русская православная церковь в Советском государстве. Кн. 1. М.: Пропилеи, 1995. С. 400.

²⁴ Мухин В. История закрытия храмов и монастырей в г. Казани в 20–30-е гг. XX столетия. С. 16.

23 декабря 1989 г., первая Божественная литургия на церковнокряшенском языке была совершена под сводами Покровского храма. В тот же день при Покровском храме был образован кряшенский приход г. Казани.

Напомним, что первая кряшенская литургия была проведена еще 9 марта 1869 г. иеромонахом (впоследствии митрополитом) Макарием (М. А. Парвицким-Невским) в кладбищенской церкви св. блгв. кн. Феодора Смоленского и чад его Давида и Константина, Ярославских чудотворцев, 1796 г. постройки. До постройки домово́й Гурьевской церкви при ЦКТШ, находившейся через дорогу, кряшены посещали данный религиозный храм.

В феврале 1931 г. к общине кладбищенской церкви присоединились общины: Матфеевской и Варваринской церквей. В 1934 г. церковь была передана обновленцам, которым пришлось принять часть прихожан закрываемой Пятницкой церкви. На 1 мая 1937 г. кладбищенская церковь числилась функционирующим молитвенным зданием г. Казани с пометкой «обновл. на поле Ершова»²⁵.

4 августа 1938 г. был арестован обновленческий архиерей Иерофей (Померанцев), арестом которого, по словам исследователя В. Мухина, закончилась фактическая деятельность обновленчества в земле Казанской. Вскоре церковь вновь была отдана староцерковникам. Через месяц члены общины Тихвинской церкви заявили в культкомиссию при ТЦИКе о желании перенести в кладбищенскую церковь предметы религиозного обихода, в том числе иконы и также мощи святителя Гурия на временное пользование. Это была единственная церковь в г. Казани, с тех пор уже не закрывавшаяся и сосредоточившая в себе многие святыни Казанской епархии²⁶.

Кряшенским религиозным храмом в Казани на сегодняшний день является церковь во имя чудотворной Тихвинской иконы Божией Матери, которая была построена в Забулачье во второй половине XVII в.²⁷ На февраль 1927 г. сведения об общине были следующие: община православная, староцерковного течения, верующих 607 человек, возглавляется преосвященным епископом Афанасием Чебоксарским, викарием Казанским. Несмотря на гонения, церковь не была закрыта и считалась действующей до 8 октября 1938 г., пока Президиум Верховного Совета ТАССР не постановил: «...здание Тихвинской церкви передать Горсовету для использования в соответствии с существующими положениями»²⁸. Более полувека спустя Постановлением Кабинета министров РТ № 53 от 29 января 1996 г. здание Тихвинской церкви было передано Казанской епархии РПЦ. С 7 июня 1996 г. здесь начали отправляться кряшенские богослужения.

К 1937 г. количество культовых зданий сократилось на 58% от их дореволюционного количества²⁹. Тактика татарстанских властей по закрытию церквей практически не отличалась от тактики властей по стране в целом. Вначале разными налогами церковная община доводилась до нищеты, затем под предлогом финансовой несостоятельности предлагалось объединиться с близрасположенной церковной общиной. Верующим ничего не оставалось, как соглашаться на предлагаемые условия³⁰.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Республика Татарстан: Православные памятники (середина XVI — XX века). Казань, 1998. С. 64.

²⁸ Выписка из протокола № 4 заседания Президиума Верховного Совета ТАССР от 8 октября 1938 г.

²⁹ Красиков П. А. О некоторых ошибках при проведении в жизнь законодательства о религиозных культурах // Избранные атеистические произведения. М., 1970. С. 238.

³⁰ Там же.

Таким образом, в 1920–1930-е гг. против религии был начат настоящий террор: сотни тысяч людей из числа духовенства и мирян были расстреляны, посажены в тюрьмы или отправлены в ссылку. Большое количество храмов, религиозной литературы и атрибутики было уничтожено. Однако вопреки тотальному давлению властей на конфессиональные институты религиозная ментальность населения Поволжско-Уральского региона, в том числе кряшенского, все еще сохранялась. Особенно это было заметно в сельской местности, чему в первую очередь способствовали силовые методы насаждения атеистического мировоззрения.

Источники и литература

1. *Алексеев И. Е.* Из истории создания Трехсвятительского крещено-татарского монастыря Лаишевского уезда Казанской губернии. [Электронный ресурс]. URL: <http://r.efnez.ru> (дата обращения: 11.08.2017).
2. *Алексеев И. Е.* Свидетельства о разорении в 1917–1919 гг. Покровской просветительной крещено-татарской женской общины Мамадышского уезда и Трехсвятительского крещено-татарского монастыря Лаишевского уезда. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.missiakryashen.ru> (дата обращения: 12.05.2017).
3. Антирелигиозный аспект «великого перелома»: нормативная база и правоприменительная практика. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.monographies.ru> (дата обращения: 11.08.2017).
4. *Бычков С.* Большевики против Русской Церкви. Очерки по истории Русской Церкви (1917–1941 гг.). Т. 2. М.: Изд-во Sam&Sam, 2006.
5. Выписка из протокола № 4 заседания Президиума Верховного Совета ТАССР от 8 октября 1938 г.
6. *Дамаскин (Орловский), игум.* Гонения на Русскую Православную Церковь в СССР. [Электронный ресурс]. URL: <https://orthodoxy33.wordpress.com> (дата обращения: 23.07.2017).
7. Декрет об отделении // *Власть*. 2001. 13 февраля.
8. *Журавский А. В.* Насильственная секуляризация монастырских хозяйств в национальных республиках Поволжья в 1917–1919 годах // *Исторический вестник*. 2001. № 1 (12). С. 10–17.
9. *Иванова Е. В.* Святейший Патриарх Тихон и голод 1921–1922 гг. в России. [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru> (дата обращения: 29.07.2017).
10. *Красиков П. А.* О некоторых ошибках при проведении в жизнь законодательства о религиозных культах // *Избранные атеистические произведения*. М., 1970.
11. *Ленин В. И., Луначарский А. В.* Переписка, доклады, документы. Т. 80. М., 1971.
12. *Мухин В.* История закрытия храмов и монастырей в г. Казани в 20–30-х гг. XX столетия // *Православный собеседник*. 2008. № 1 (16). С. 12–20.
13. НА РТ. Ф. 3682. Оп. 7. Д. 304.
14. НА РТ. Ф. 3682. Оп. 7. Д. 334.
15. Отчет о Покровской просветительной крещено-татарской общине. Казань: Центральная типография, 1910.
16. Республика Татарстан: Православные памятники (середина XVI — XX века). Казань, 1998.
17. *Стародубцев И. В.* Русская православная церковь и церковное искусство. 1917–1988 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravoslavie.ru> (дата обращения: 12.06.2017).
18. *Штриккер Г.* Русская православная церковь в Советском государстве. Кн. 1. М.: Пропилеи, 1995.

ИСТОРИЯ ХРАМОВ И ДУХОВЕНСТВА ГОРОДА СПАССКА В XVIII — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Бурдин Евгений Анатольевич

д. и. н., профессор кафедры философии и культурологии Ульяновского государственного педагогического университета им. И. Н. Ульянова

E-mail: burdin_e@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается история православных храмов и духовенства бывшего уездного города Спасска Казанской губернии в XVIII — начале XX в. На основе неопубликованных письменных источников впервые раскрывается история строительства и функционирования храмов на территории города, а также состав и деятельность приходских священно- и церковнослужителей.

Ключевые слова: духовенство; история Русской Православной Церкви; Спасск; Троицкий собор

HISTORY OF CHURCHES AND CLERGY OF THE CITY OF SPASSK IN 18TH — EARLY 20TH CENTURIES

Abstract: The article deals with the history of Orthodox churches and clergy of the former county town of Spassk in the Kazan province in the 18th and early 20th centuries. Based on unpublished written sources for the first time, the history of the construction and functioning of churches in the city, as well as the composition and activities of parish clergymen and clergymen, is disclosed.

Keywords: clergy; history of the Russian Orthodox Church; Spassk; Trinity Cathedral

Burdin Evgenij Anatol'evich, Doctor of Historical Sciences, Professor at the Department of Philosophy and Cultural Studies of the Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanova

Перед рождением города в селе Спасское (бывшее Никольское) действовало, по-видимому, две небольших деревянных церкви, на месте которых в 1792 г. уже стояла деревянная часовня. По косвенным сведениям, в 1780-е гг. здесь действовала одна церковь.

Новый деревянный храм уже в городе Спасске (преобразован по указу Екатерины II в 1781 г. из села в уездный центр — город) возвели в 1792 г. в честь Живоначальной Троицы с теплым приделом в трапезной. Получается, что в 1780-е гг. в городе была церковь, на месте которой (или рядом?) в 1792 г. построили новый, больший по размерам Троицкий храм. А в другом районе села Спасское до этого времени действовали две (или все-таки одна?) старых церкви, которые затем сломали и возвели часовню.

Начальная история храмов XVIII в. села Спасское и самого раннего города представляется запутанной и туманной. В самом деле, источников почти нет, да и ситуация здесь явно необычная. Как правило, в том или ином поселении, которое не меняло своего местоположения и названия, сооружали первоначально деревянную небольшую церковь, а уже потом, после накопления средств и роста количества сельчан, возводили более-менее значительную по размерам кирпичную. Не так было в Спасском — Спасске. Одна из причин этого — переносы населен-

ного пункта, ставшие судьбой и города, в конце концов уничтожившей исторический Спасск. Но почему в небольшом селе Спасское было как минимум две церкви и новый храм построили в другом месте — большой вопрос.

Собственно говоря, письменная история храмов города и его священно-, церковнослужителей начинается с конца XVIII в. Первый сохранившийся в архиве источник — духовная ведомость — относится к 1786 г.¹ В ней указывалась Николаевская соборная церковь Спасска (вот еще загадка: почему позже соборный храм стали называть Троицким?). Штат ее священно- и церковнослужителей состоял из настоятеля протопопа Льва Федорова, первого и второго священников Никиты Васильева и Егора Васильева, диакона Якова Романова, первого и второго дьячков Вонифатия Петрова и Ильи Егорова, а также первого и второго пономарей Ивана Степанова и Матвея Егорова².

Духовная ведомость ценна еще и тем, что в ней приведены списки горожан, которые приходили исповедоваться и причащаться в храм. Судя по всему, в них перечислены все жители Спасска, причем указаны полные составы семей. В 1786 г. в городе были следующие социальные группы: духовенство (29 человек), военные (овер- и унтер-офицеры и рядовые солдаты — 70 человек), приказные (44), дворовые (40) и поселяне (крестьяне — 1 962 человека). Общая численность населения равнялась 2 145 жителям³.

Помимо имен спасского духовенства, из документа 1786 г. мы узнаем имена и других жителей нового города: городничий премьер-майор Николай Андреевич Татищев, судья уездного суда секунд-майор Василий Андреевич Дмитриев, председатель того же суда поручик Федор Захарьевич Иглин, дворовый человек Ефим Яковлев, его жена Домна Степановна, земский исправник подпоручик Василий Мурзин, его жена Анна Андреевна, Иван Семенов (здесь начинаются крестьяне), его жена Ефимия Феклистова, их дети Василий, Трофим и Анна, вдовец Иван Васильев, его сын Степан и невестка Анастасия и т. д.⁴

В 1796 г., когда Спасск был на время (до 1803) лишен городского статуса, а также было упразднено духовное правление, протоиерея Троицкой церкви перевели в город Лаишев (уездный центр Казанской губернии)⁵. Позже эту должность восстановили. В 1816 г. клир города возглавляли два священника — Алексей Васильев и Андрей Иванов⁶. Первый происходил из необучавшихся наукам (с 1805 г. обучался в академии, видимо, духовной) и был направлен в Троицкий храм в октябре 1797 г., второго после прохождения курса философии определили на данное место в августе 1800 г.

Должность диакона с июля 1807 г. занимал Василий Алексеев, из необучавшихся наукам (все перечисленные далее — тоже). Первым дьячком с января 1809 г. являлся Константин Антипов, вторым — Иван Ильин (с июня 1803 г.). И, наконец, первым пономарем с августа 1784 г. был Матвей Егоров, вторым — Григорий Яковлев (с марта 1808 г.). Троицкая церковь не имела собственной земли, а ее клир ежегодно получал от прихожан 70 четвертей (около 11 000 кг, или 11 тонн) озимого и ярового зерна.

В марте 1829 г. настоятелем Троицкого храма был назначен протоиерей

¹ НА РТ. Ф. 9. Оп. 33. Д. 1. Л. 1.

² Там же. Л. 1–1 об.

³ Там же. Л. 30.

⁴ Там же. Л. 1 об. — 2.

⁵ НА РТ. Ф. 5. Оп. 34. Д. 23. Л. 45 об.

⁶ Там же. Странно, но в клировой ведомости 1817 г. второй священник — Андрей Васильев, произведенный к храму в 1800 г. В обоих документах речь явно идет об одном и том же человеке.

Иван Николаевич Билярский, сын священника, окончивший в 1798 г. Казанскую духовную академию⁷. Он имел солидный послужной список, являлся священником в селе Алексеевское, настоятелем собора в Царевококшайске (уездный город Казанской губернии), благочинным в разных местах, а также по прошению Совета Казанского университета с 1819 по 1824 г. штатным смотрителем Царевококшайского уездного училища. И.Н. Билярский в 1804 г. награждался фиолетовой бархатной скуфьей, в 1816-м — камилавкой, а в 1818-м — наперсным (нагрудным) бронзовым крестом на ленте в память об Отечественной войне 1812 г.

Священником являлся Андрей Сингилеевский, сын диакона, получивший образование в философском классе Казанской духовной академии и с августа 1800 г. служивший здесь⁸. В 1805 г. стал депутатом, видимо, Духовной консистории. В 1818 г. священника наградили наперсным крестом, а в 1825 г. бархатной фиолетовой скуфьей. Клировая ведомость 1833 г. проливает свет на этого человека. В ней приводятся его полные имя, отчество и фамилия — Андрей Иванович Сингилеевский (служил здесь с 1800)⁹. Получается, что Андрей Иванов (1816), Андрей Васильев (1817) и Андрей Сингилеевский (1829) — одно и то же лицо. В 1833 г. в храме уже не было протоиерея, а А.И. Сингилеевский являлся первым священником. В 1832 г. его наградили набедренником. Диаконом оставался все тот же Василий Алексеевич Пальмов. Вторым священником с октября 1832 г. (должность введена заново) стал Петр Александрович Покровский, сын священника, окончивший курс богословских наук в Казанской духовной семинарии¹⁰. В 1833 г. он получил строжайший выговор за отказ крестить слабого младенца.

Должность диакона в 1829 г. занимал уже знакомый нам Василий Алексеевич Пальмов, сын дьячка (с июля 1807 г., учился в Алатырском уездном училище)¹¹. С января 1826 г. он стал депутатом консистории, а с марта 1827 г. — законоучителем в городском уездном училище.

Первым дьячком с 1811 г. был Константин Антипов, сын священника, также упоминавшийся в ведомости 1816 г., вторым — Павел Мальков, сын священника (с июня 1826)¹². Пономарями служили Александр Дмитриевич Предтеченский, сын священника (с июля 1824), и сын умершего пономаря Григория Яковлева Африканова.

Местные священно- и церковнослужители, за исключением вновь прибывшего протоиерея (он же был и благочинным храма), жили в собственных деревянных домах. Их содержание оценивалось как скудное.

Ближайшие к Спасску села Щербеть и Никольское находились, соответственно, в восьми и 12 верстах (8,5 и 12,8 км). Первая опись церковного имущества была сделана в 1805 г.¹³ Также в храме хранились копии метрических книг с 1780 г., исповедные росписи с 1828 г. и другие документы. В 1829 г. в приход входили деревни Косяково, Куралово и Новомордова¹⁴. Жители Спасска и указанных поселений распределялись между протоиереем и священником.

⁷ НА РТ. Ф. 1121. Оп. 1. Д. 5. Л. 2 об.

⁸ Там же.

⁹ НА РТ. Ф. 4. Оп. 65. Д. 24. Л. 27 об.

¹⁰ Там же. Л. 28 об.

¹¹ НА РТ. Ф. 1121. Оп. 1. Д. 5. Л. 2 об.

¹² Там же. Л. 2 об., 3 об.

¹³ Там же. Л. 1.

¹⁴ Там же. Л. 4 об. — 5.

С 31 марта 1830 г. по указу Казанской духовной консистории Троицкую церковь стали называть собором, а протоиерею предоставили такие же права, как и настоятелям других соборов¹⁵.

В 1848 г. первым священником был уже известный нам Петр Александрович Покровский (с октября 1832)¹⁶. В июле 1833 г. он стал членом Спасского оспенного комитета, в апреле 1836 г. законоучителем в уездном училище, а в августе 1843 г. благочинным Троицкого собора. За отличное усердие к должности законоучителя в июне 1841 г. его наградили набедренником, а в июле 1848 г. скуфьей.

Вторым священником с декабря 1842 г. служил Петр Степанович Бетьковский, сын пономаря, окончивший курс богословских наук в Казанской духовной семинарии¹⁷.

Должность диакона продолжал занимать Василий Алексеевич Пальмов, с марта 1827 по апрель 1836 г. являвшийся законоучителем в уездном училище. То же самое касается и дьячков Константина Антипова и Павла Малькова (Мальхова). Пономарем с июля 1834 г. служил Никита Федорович Мудров, сын дьячка, обучавшийся в высшем отделении Казанского уездного училища¹⁸.

Середина XIX в. ознаменовалась таким выдающимся событием в жизни небольшого уездного городка, как сооружение нового кирпичного собора. Вероятно, старое деревянное здание пришло в ветхость — на момент начала строительства ему было 60 лет. К тому же оно явно не вмещало увеличившееся количество православных прихожан.

Возведение нового Троицкого храма с колокольней в Спасске начали 20 июля 1852 г. по Высочайше утвержденному 14 октября 1851 г. плану и фасаду на средства церкви и завершили в июне 1878 г. Престолов в нем было три: главный теплый во имя Пресвятой Троицы (освящен 4 июня 1874 г.), в теплых приделах: с правой стороны — в честь Николая Чудотворца, а с левой — в честь Покрова Пресвятой Богородицы. Вокруг построили деревянную ограду на каменных столбах с западной стороны¹⁹. Иконостас в главном храме был четырехъярусный, а в приделах двухъярусный. Совершенно очевидно, что во время длительного строительного процесса — ни много ни мало 26 лет — служба велась в старой церкви, расположенной, вероятно, рядом. Скорее всего, она началась и в недостроенном новом здании с 1874 г. Увы, кирпичному Троицкому собору — наряду с педучилищем, составлявшим предмет гордости жителей Спасска — Куйбышева, — судьба отвела сравнительно небольшой срок — меньше ста лет (примерно 77), так как его во время переноса города из зоны затопления Куйбышевской ГЭС в 1955 г. взорвали.

В июне 1889 г. был составлен проект каменной (кирпичной) часовни, предполагаемой к постройке крестьянином Абрамом Кузнецовым на Троицкой улице Спасска вместо ветхой деревянной²⁰. Сведений о точном времени реализации данного плана нет, но в середине 1890-х гг. часовня уже работала²¹. Судя по всему, параллельно продолжала функционировать и деревянная часовня. Новая каменная стояла на площади, а старая — на месте бывшего храма. Не зря в этом районе располагались Троицкая улица и Часовенный переулок!

¹⁵ Там же. Л. 12.

¹⁶ Там же. Л. 115 об.

¹⁷ Там же. Л. 116 об.

¹⁸ Там же.

¹⁹ НА РТ. Ф. 869. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

²⁰ НА РТ. Ф. 2. Оп. 14. Д. 301. Б/л.

²¹ См. ниже сведения из клировой ведомости 1896 года.

Согласно клировой ведомости 1896 г., настоятелем Троицкого собора являлся протоиерей Михаил Алексеевич Леонов, сын священника, окончивший курс наук в Орловской духовной семинарии²². Он работал учителем одного из начальных народных училищ в Смоленской губернии, служил священником в селах Куралово и Матаки Спасского уезда. В феврале 1878 г. по прошению прихожан Спасска М. А. Леонов стал помощником настоятеля собора и был рекомендован как благонадежный и способный законоучитель для светских учебных заведений города. Однако с 1886 по 1891 г. он служил священником в с. Пичкассы Спасского уезда. Но в ноябре 1891 г. М. А. Леонова вновь назначили настоятелем городского Троицкого собора, а в октябре 1893 г. возвели в сан протоиерея.

Вызывает уважение список должностей, которые занимал протоиерей в разные годы: законоучитель Кураловского и Матаковского (1871–1878), Пичкасского (1886–1891) начальных народных училищ, заведующий и законоучитель Новославской школы грамоты (с 1891), законоучитель Спасских уездного городского и женского приходского училищ (1878–1886, второго с 1893), законоучитель третьей роты 85-го резервного пехотного батальона (1882–1886), председатель Строительного комитета по возведению нового храма в с. Пичкассы (1886), депутат от епархиального духовенства и окружных съездов (с 1886), благочинный 1-го округа Спасского уезда (с 1891), член Спасского уездного училищного совета (с 1891), директор Спасского уездного тюремного комитета (с 1891), член Спасского отделения общества Красного Креста (с 1891) и т. д.²³

М. А. Леонов имел немало наград за полезную и усердную службу: набедренник (1881), бархатную фиолетовую скуфью (1890), камилавку (1894) и пр. В феврале 1890 г. его удостоили Высочайшей благодарности за пожертвование ценной иконы святого пророка Ильи стоимостью 400 рублей в церковь с. Пичкассы в память избавления императора Александра III и его семьи от гибели при крушении поезда 17 октября 1888 г.²⁴

Должность священника с сентября 1891 г. занимал Иван Петрович Богоявленский, сын священника, окончивший курс в Казанской духовной семинарии²⁵. Интересно, что до этого он был смотрителем школы для приготовления псаломщиков в Казани. И. П. Богоявленский также состоял на многих других должностях, среди которых выделю следующие: законоучитель Спасских городских училищ — мужского (1891) и приходского женского (1891–1893), законоучитель церковно-приходской школы в Спасске (с 1892), помощник благочинного 1-го округа и т. д.²⁶ За открытие и содержание на собственные средства церковно-приходской школы в 1894 г. священника наградили набедренником.

Диакон с октября 1887 г. являлся Александр Викторович Быстрицкий, сын дьячка, бывший военный, обучавшийся в Казанском духовном училище и Казанской учительской семинарии (последнюю не окончил)²⁷. До этого служил псаломщиком, а затем диаконом в Казанском кафедральном соборе. С 1894 г. также работал учителем и помощником законоучителя в Спасской церковно-приходской школе.

²² НА РТ. Ф. 869. Оп. 1. Д. 1. Л. 2 об.

²³ Там же. Л. 2 об., 3 об.

²⁴ Там же. Л. 3 об.

²⁵ Там же. Л. 4 об.

²⁶ Там же. Л. 4 об., 5 об.

²⁷ Там же. Л. 5 об.

Должность первого псаломщика с июня 1895 г. занимал Иван Петрович Попов, сын мещанина, имевший свидетельство на звание сельского учителя²⁸. С этого же года он работал учителем в местной церковно-приходской школе. Вторым псаломщиком с декабря 1882 г. по январь 1886 г. (в 1886–1892 гг. работал в с. Пичкасси) и с мая 1892-го был Степан Алексеевич Несмелов, сын дьячка, окончивший низшее отделение Казанской духовной семинарии. В 1869 г. у него был кризис, в результате которого Несмелова уволили из духовного звания (но в декабре 1882 г. восстановили). Тогда же за нетрезвость и грубость псаломщика отравили в архиерейский дом на две недели под епитимью²⁹.

В 1896 г., как и прежде, у священно- и церковнослужителей собора не было ни пахотной, ни сенокосной, ни усадебной земли. Прихожане (горожане и жители слободы Новославка) ежегодно выделяли им по одной мере ржи и овса с венца (двора) — в указанном году получилось 200 мер ржи и столько же овса, т. е. всего около четырех тонн. Кроме того, источником дохода являлись жертвоприношения за требоисправления — в 1896 г. совершено 223 крещения, 31 венчание, 180 отпеваний, 131 погребение и 460 молебнов на общую сумму 1 000 рублей³⁰. Продажа свечей принесла 301 рубль 72 копейки, кошелевый и кружечный сборы — 288 рублей 98 копеек, а пожертвования деньгами составили 545 рублей.

В целом содержание клира оценивалось как посредственное. Показательно, что в 1906 г. по причине неурожая прихожане не выделили служителям собора натуральный платеж в виде овса и ржи, т. е. он не был стабильным. Зато с 1902 г. они стали получать жалование: протоиерей — 400 рублей, священник — 300, диакон — 150 и псаломщики по 100 рублей³¹. Протоиерей жил в своем доме, а остальные члены причта — на квартирах, получая от городских властей квартирное пособие от 48 до 50 рублей каждый.

При Троицком соборе имелась библиотека из 275 томов и 170 названий, причем она постоянно пополнялась новыми журналами и книгами. Так, в 1896 г. были выписаны следующие журналы: «Известия по Казанской епархии», «Православный собеседник» и «Церковные ведомости»³².

Как и положено крупному храму и селению, здесь работало церковно-приходское попечительство, которое с ноября 1892 г. возглавлял местный купец В. М. Журин. В 1896 г. оно приобрело и израсходовало 200 рублей³³.

Городскому собору принадлежала деревянная пятистенная караульная изба. Также в Спасске в это время действовала домовая церковь во имя Казанской Божией Матери в каменном здании тюремного замка. Она была построена на средства купца В. М. Калсанова (он же стал церковным старостой³⁴), а освящена 4 июля 1885 г.³⁵ Богослужения в ней проводились по воскресным и праздничным дням служителями собора. Кроме того, в городе находилось две часовни — одна каменная, возведенная на площади, а другая деревянная, сооруженная на месте бывшего храма (по данным 1906 г., она уже была каменной, построенной после 1896 г.).

²⁸ Там же. Л. 6 об.

²⁹ Там же. Л. 7.

³⁰ Там же. Л. 1–1 об.

³¹ НА РТ. Ф. 4. Оп. 138. Д. 24. Л. 946.

³² НА РТ. Ф. 869. Оп. 1. Д. 1. Л. 1 об.

³³ Там же. Л. 2.

³⁴ В 1906 году церковным старостой являлся его сын — купец А. В. Калсанов.

³⁵ НА РТ. Ф. 869. Оп. 1. Д. 1. Л. 1 об.

Согласно одной из последних сохранившихся церковных ведомостей (1906) в состав клира входили как уже знакомые нам, так и новые служители. Протоиерей М. А. Леонов после 1896 г. получил еще несколько наград за усердную службу: наперсный крест от Синода ко дню рождения (1900) и орден св. Анны III степени (1906)³⁶. Кроме того, в 1900 г. его избрали в члены Императорского Палестинского общества.

Священником с августа 1904 г. стал Павел Арсеньевич Вишневецкий, сын священника, окончивший курс в Казанской духовной семинарии³⁷. Он работал на многих должностях, но наибольший интерес представляют следующие: законоучитель Спасского городского мужского училища (с октября 1904), заведующий и законоучитель церковно-приходской школы (с октября 1904), член и делопроизводитель Спасского отделения Казанского епархиального училищного Совета (с августа 1904).

Диаконот являлся все тот же А. В. Быстрицкий, а вот псаломщики сменились. Первый (в сане диакона) — Иван Николаевич Болгарский, сын чиновника, из-за болезни не окончил Казанское городское училище, прибыл сюда в ноябре 1904 г.³⁸ У него было свидетельство на звание городского приходского учителя. Должность второго псаломщика с марта 1898 г. занимал Василий Алексеевич Смирнов, сын псаломщика, обучавшийся в Чебоксарском духовном училище.

С 1908 по 1918 г. настоятелем Троицкого собора являлся протоиерей Орест Константинович Александров, окончивший Казанскую духовную семинарию³⁹. Его судьба оказалась трагической. Первого августа 1918 г. перед вступлением в город белых его арестовали и расстреляли красные латышские стрелки...

Источники и литература

1. *Липаков Е. В.* Православные памятники // Спасские сказания. Казань: По городам и весям, 2003. С. 108–116.
2. НА РТ. Ф. 2. Оп. 14. Д. 301.
3. НА РТ. Ф. 4. Оп. 65. Д. 24.
4. НА РТ. Ф. 4. Оп. 138. Д. 24.
5. НА РТ. Ф. 5. Оп. 34. Д. 23.
6. НА РТ. Ф. 9. Оп. 33. Д. 1.
7. НА РТ. Ф. 869. Оп. 1. Д. 1.
8. НА РТ. Ф. 1121. Оп. 1. Д. 5.

---

³⁶ НА РТ. Ф. 4. Оп. 138. Д. 24. Л. 949 об.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. Л. 951 об.

³⁹ *Липаков Е. В.* Православные памятники // Спасские сказания. Казань: По городам и весям, 2003. С. 432.

ОСВЯЩАЯ И ПРОСВЕЩАЯ: КРЕСТОВОЗДВИЖЕНСКАЯ ЦЕРКОВЬ В КОРПОРАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ИМПЕРАТОРСКОГО КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Трегубов Алексей Алексеевич

*главный библиограф Научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского
Казанского (Приволжского) федерального университета*

E-mail: ATregubow@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена Крестовоздвиженской церкви Императорского Казанского университета, ее роли как инструмента по интегрированию корпорации университета в государственную политику России. Рассматривается участие настоятелей церкви как профессоров богословия в образовательном процессе. Затрагивается вопрос разработки учебной программы богословия и его актуальности в российских университетах второй половины XIX в.

Ключевые слова: Казанский университет; корпоративное пространство; университетская церковь; Крестовоздвиженская церковь; преподавание богословия; университеты; история высшего образования

SANCTIFYING AND ENLIGHTENING: HOLY CROSS CHURCH IN THE CORPORATE SPACE OF THE IMPERIAL KAZAN UNIVERSITY

Abstract: The article is dedicated to the Holy cross Church of the Imperial Kazan University, its role as an instrument for integrating the university corporation into the state policy of Russia. The participation of church rectors as professors of theology in the educational process is considered. The issue of developing a curriculum of theology and its relevance in Russian universities of the second half of the 19th century.

Keywords: Kazan University; corporate space; university church; Holy cross Church; teaching theology; universities history of higher education

Tregubov Aleksej Alekseevich, chief bibliographer of the Scientific library named after N. I. Lobachevsky Kazan (Volga) Federal University

При изучении истории Казанского университета рассматривались вопросы, связанные с возникновением и становлением различных подразделений, научных школ, факультетов, отдельных кафедр университета, но роль Крестовоздвиженской церкви и вопросы преподавания богословия долгое время не были предметом специального изучения.

Основными источниками для изучения данной темы являются документы, отложившиеся в Фонде 977 «Казанский университет» Национального архива Республики Татарстан. Важная группа источников — ведомственная документация Министерства народного просвещения, касаемая Казанского университета: постановления, университетские уставы, циркуляры по Казанскому учебному округу, а также университетские годовые отчеты. В отдельную группу источников можно выделить документы, хранящиеся в Отделе редких рукописей и книг Научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского¹.

¹ 1. Метрические книги Крестовоздвиженской церкви при Казанском университете за 1820–1829, 1850–1859, 1872–1882, 18883–1893 гг.; 2. Исходящая книга Императорского Казанского университета священно-церковных служителей, выдаваемых ими метрических выписей и прочих бумаг (с 1890 г.); 3. Копии указов для настоятелей

Вопросами, требующими изучения, являются: религиозное обучение в университете; вопрос о личной религиозности профессоров; связь университета с казанскими епархиальными архиереями и, наконец, вопрос о роли Крестовоздвиженской церкви в корпоративном пространстве Казанского университета. Ключевым моментом является выяснение самого понятия «университетское корпоративное пространство» в понимании профессоров.

С момента основания университета и до 30 мая 1858 г. все казеннокоштные студенты жили в его здании, там же проживали и многие профессора, поэтому стиль общения в университете был семейным. Но к середине XIX в. взгляды профессуры на понимание университетской корпоративности все больше смещаются в сторону замкнутости только на «ученом сословии». В современное понимание «корпоративное пространство университета», кроме «ученого сословия» — профессоров и служащих, входят студенты и университетская культура взаимоотношений, бытовая сторона, университетские торжественные мероприятия, отмечаемые совместно, университетские ритуалы и традиции, собственная его территория.

Церковь в честь Воздвижения Честного Креста Господня была освящена 13 сентября 1825 г. Освящение храма совершал архиепископ Казанский Амвросий (Протасов)². В 1820 г. архитектор П. Г. Пятницкий объединил Тенишевский и Спичарный университетские дома в единое здание. В корпусе находились: актовый зал, где стали проходить публичные собрания, залы Совета и Правления, появилась в нем и университетская церковь, построенная по проекту домово́й церкви князя А. Н. Голицына. На крыше был воздвигнут высокий вызолоченный крест, указывающий на наличие в здании университета церкви.

Долгое время университет в Казани существовал без церкви. Все изменилось с назначением на должность попечителя Казанского учебного округа М. Л. Магницкого. Он сразу же постарался заместить в университете пустовавшую кафедру умозрительного богословия, пригласив на нее ректора Казанской духовной семинарии и настоятеля Спасо-Преображенского монастыря архимандрита Феофана (Александрова). Будучи настоятелем, он не имел времени совершать богослужения для студентов. В 1820 г. для них был назначен особый духовник протоиерей А. И. Нечаев, которому вместе с тем поручено было и преподавание в университете церковно-библейской истории³. По уставу 1804 г. Крестовоздвиженской церкви полагался один священник⁴, т. к. он был еще и ординарным профессором богословия, то имел сан протоиерея. В помощь священнику со временем стало возможным содержать двоих псаломщиков в сане диакона.

Наиболее серьезно религиозному воспитанию уделялось внимание в период попечительства М. Л. Магницкого. Средством воздействия на нравственность студентов стала и церковь. Бывший студент Казанского университета П. Ф. Вистенгоф вспоминал: «Положено было за правило, чтобы все студенты без исключения — как казенные, так и своекоштные — обязательно должны были каждую субботу и накануне больших праздников являться в университетскую церковь ко всенощ-

---

университетской Крестовоздвиженской церкви за 1818–1850 гг.; 4. Исповедные росписи за 1860–1882 гг.; 5. Ведомость, данная причту Казанской Крестовоздвиженской церкви для записи обретающихся при оной церкви в приходе ниже явленных чинов за 1883–1891 гг.; 6. Клировая ведомость за 1820–1905 гг.; 7. Книга исходящих бумаг Крестовоздвиженской церкви, что при Императорском Казанском университете с 1896 по 1901 г.; 8. Материалы о приобретении церковной одежды и утвари Крестовоздвиженской церкви при Казанском университете за 1821–1847 гг.; 9. Переписка ктитора и священника с Правлением университета за 1849–1859 гг.

² Смирнов А. Крестовоздвиженская церковь при Императорском Казанском университете. Казань, 1904. С. 25–26.

³ Там же. С. 4.

⁴ Устав Императорского Казанского университета. СПб., 1804. С. 67.

ной и в самый день праздника — к обедне...»⁵ Инструкция инспектору студентов университета требовала, чтобы студенты ежегодно Страстную неделю Великого поста посвящали говению и причащались Святых Таин в университетской церкви, принадлежавшие к иным христианским вероисповеданиям должны были показывать инспектору свидетельства от своих священников об исполнении ими обрядов их религии. Своекотные студенты и слушатели могли говеть в приходских церквях только с письменного разрешения инспектора, но и они должны были получить свидетельство от причта того прихода, где они причащались⁶.

Разнообразнее была связь Крестовоздвиженской церкви с «ученым сословием». Для них церковь была подлинным домашним храмом. В ней совершались все важные события в жизни университетской корпорации — открытие учебного года, крещение детей профессоров и служителей, отпевание усопших коллег, молебствования по случаю университетских дат, благословения в дни христианских праздников. Среди почивших деятелей просвещения, кого отпевали в церкви, были ректоры университета Н. И. Лобачевский, К. В. Ворошилов и Г. Ф. Дормидонтов, попечители Казанского учебного округа П. Н. Масленников и Н. Г. Потапов, заслуженный ординарный профессор М. Ф. Болдырев и др.⁷

Даже создание профессорами семьи не было их частным событием, в этом принимал участие и университет. Для вступления в брак профессору необходимо было получить от университетского Совета узаконенное свидетельство. Чаще всего браки профессоров оформлялись в университетской церкви. Всякий раз, когда Казанский университет посещали царствующие особы или высокопоставленные лица, их встречали всей университетской корпорацией именно в Крестовоздвиженской церкви молебствием и торжественной службой.

Важной функцией настоятелей являлась регистрация государственных документов. Обязательная их подпись требовалась на свидетельствах, выдаваемых членами педагогического совета о званиях и научных степенях, на метрических выписях о бракосочетании. Настоятели выдавали удостоверения о бытии на исповеди и святом причастии, регистрировали сведения о рождении и крещении, смерти и погребении, заверяли воинские свидетельства. Также они доводили до университетской корпорации важные государственные документы, принимали присягу у профессоров на верность императору.

Характерной особенностью Казанского университета было содружество в нем ученых разных национальностей, но никогда за весь период существования Крестовоздвиженской церкви не были нарушены догматические правила Православной Церкви. В университетской церкви никогда не проводились обряды отпевания по православному чину над неправославными, как это иногда бывало с разрешения первенствующего члена Святейшего Синода митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского Исидора (Никольского) над инославными, особенно над представителями высшей знати и генералитета Петербурга⁸.

Официальным вероисповеданием, поддерживаемым в университете, являлось православие, в задачи Казанского университета входила защита и укрепление его в государстве. Выполнялось это просвещением и утверждением молодых людей на твердых православных основах, воспитанием достойных под-

⁵ Вистенгоф П. Ф. Из моих воспоминаний // Исторический вестник. 1884. Т. XVI. С. 339.

⁶ Инструкция инспектору студентов Императорского Казанского университета. Казань, 1835. С. 6–8.

⁷ Елдашев А. М. К истории Крестовоздвиженской домово́й церкви Казанского университета // Эхо веков. 2008. № 2. С. 266–267.

⁸ Архие́рей синода́льной эпохи: Воспо́минания и письма́ архиеписко́па Никанора (Бровковича). М., 2016. С. 150–153.

данных своего Отечества. Согласно университетскому уставу 1804 г., в университете должно было быть две кафедры: кафедра «Богословия догматической и нравоучительной» и кафедра «Толкования Священного Писания и церковной истории»⁹. Но по разным причинам Священное Писание вообще не преподавалось до 1819 г.

Уставы 1804, 1835, 1863 и 1884 гг. предполагали наличие в университете профессора богословия. За исполнение своей профессорской должности он получал по 2 000 рублей в год (по уставу 1804 г.)¹⁰ и 2 500 рублей (по уставу 1835 г.)¹¹.

По университетскому уставу 1835 г. для догматического и нравоучительного богословия, церковной истории и церковного законовещения была учреждена особая кафедра, обязательная для всех студентов греко-русского вероисповедания.

Устав 1863 г. предполагал наличие на историко-филологическом факультете кафедры церковной истории, на юридическом — церковного законовещения, для православных студентов всех факультетов была учреждена особая кафедра богословия. Положение профессора православного богословия по университетскому уставу 1863 г. упрочилось — в штатах 1863 г. он был поставлен на первое место после ректора, а жалованье было приравнено к жалованью ординарного профессора в 2 400 рублей, 300 рублей столовых и 300 рублей квартирных серебром¹².

Такому улучшению в положении профессоров православного богословия способствовало серьезное обсуждение проекта устава 1863 г. представителями российских университетов и духовными лицами, мнение которых было зафиксировано в «Замечании на проект общего устава российских университетов». Среди многих вопросов обсуждался вопрос о необходимости богословского образования. Крайней точкой мнения может служить мнение члена Главного правления училищ Н. И. Пирогова. Он был категорически против обязательного посещения лекций по богословию для студентов всех факультетов: «Пусть богословие преподается в семинариях и духовных академиях для посвященных. Sancta Sanctis!»¹³ Более умеренно, но близко к мнению Н. И. Пирогова высказывался ординарный профессор Московского университета К. Д. Кавелин. Он говорил, что «догматическое и нравственное богословие едва ли нужно в университетах, эти предметы и без того проходят в гимназиях. Необходимы церковная история и церковное законовещение»¹⁴. Мнение представителей духовенства можно выразить предложением епископа Харьковского Макария (Булгакова) — «преподавание богословия нужно, но не нужно преподавать в университетах всего курса богословия, необходимо ограничиться изложением самых главных и основных истин, разумеется, изложением обширным, основательным профессорским»¹⁵.

Второй проблемой религиозного образования в университетах на протяжении XIX в. был вопрос о неопределенности учебных программ, каждый профессор сам разрабатывал учебный курс и читал то, что считал наиболее важным. В 1865 г.

⁹ Устав Императорского Казанского университета. СПб., 1804. С. 8.

¹⁰ Костина Т. В. Идентичность преподавателей богословия — настоятелей университетской церкви. Казанский университет, 1804–1863 гг. // Православный собеседник. 2006. № 1 (11). С. 162.

¹¹ Там же. С. 162.

¹² Костина Т. В. Идентичность преподавателей богословия — настоятелей университетской церкви. Казанский университет, 1804–1863 гг. С. 162.

¹³ Замечания на проект общего устава императорских российских университетов. Ч. 1. СПб., 1862. С. 6–7.

¹⁴ Там же. С. 89.

¹⁵ Там же. С. 457.

Министерством народного просвещения с целью улучшения устройства преподавания богословия в университетах для совещания с другими профессорами богословия был откомандирован профессор богословия Московского университета протоиерей Н. А. Сергиевский.

Выяснилось, что в Киевском университете на главном месте выступает догматика. В Харьковском и Казанском богословие преподается студентам двух курсов — 1-го и 2-го; в прочих университетах только студентам 1-го курса. В Харьковском к апологетике присоединяется изложение важнейших догматов, в Казанском в курс богословия не вводится нравственное богословие, в Санкт-Петербургском ставят догматику и апологетику как совершенно разные предметы. Но самым важным недостатком в религиозном образовании было признано отсутствие изучения Библии¹⁶.

Устав 1835 г. требовал от профессоров богословия научную степень доктора или, по крайней мере, магистра, и как неудовлетворяющему этим требованиям, бывшему на тот момент в университете профессором богословия протоиерею А. Нечаеву пришлось оставить свою должность¹⁷. До устава 1835 г. со степенью магистра должность профессора богословия недолгое время исполнял только архимандрит Гавриил (Воскресенский)¹⁸. Зато после устава 1835 г. все профессора богословия имели научную степень магистра.

Одними из самых известных профессоров богословия Казанского университета были протоиерей А. П. Владимирский и А. В. Смирнов. Протоиерей А. П. Владимирский, человек уникальный и в масштабе общероссийском, был награжден орденом св. Александра Невского, весьма высокой наградой даже для архиереев. Он один из немногих руководителей — представитель белого духовенства — управлял в качестве ректора духовной академией, не являясь монахом¹⁹. Протоиерей А. В. Смирнов окончил Казанскую духовную академию (1884) со званием кандидата богословия. Был законоучителем Казанского учительского института, Родионовского института благородных девиц, с августа 1896 г. — профессором богословия Казанского университета. В октябре 1912 г. покинул университет, став депутатом IV Государственной думы от партии «Союз 17 октября»²⁰.

Если богословие преподавали в университете священники, то историю церкви и церковное право приглашались преподавать профессора Казанской духовной академии (Ф. А. Курганов, И. С. Бердников) и семинарии (К. В. Харлампович)²¹.

Последним настоятелем Крестовоздвиженской церкви и профессором богословия Казанского университета стал с 1 декабря 1912 г. протоиерей Николай Васильевич Петров²².

Как инструмент государственной политики воздействия на профессоров и студентов Крестовоздвиженская церковь способствовала интегрированию университетской корпорации в общую государственную систему России и способство-

¹⁶ О преподавании богословия в университетах. СПб., 1866.

¹⁷ Костина Т. В. Идентичность преподавателей богословия — настоятелей университетской церкви. Казанский университет, 1804–1863 гг. С. 167–168.

¹⁸ Казарян А. Т. Гавриил (Воскресенский) // Православная энциклопедия. Т. X. М., 2005. С. 213.

¹⁹ Липанов Е. В. Владимирский А. П. // Православная энциклопедия. Т. IX. М., 2005. С. 65.

²⁰ Ермошин А. В. Закон Божий в дореволюционной светской школе: религиозное обучение в средних учебных заведениях Казанского учебного округа. Казань: Бриг, 2017.

²¹ Императорский Казанский университет. Обзорение преподавания в 1900–1901 гг. Казань, 1901.

²² Годичный отчет о состоянии Императорского Казанского университета за 1912 г. Казань, 1913. С. 8.

вала тому, чтобы «быть русским по духу прежде, нежели <...> быть европейцем по образованию».

Крестовоздвиженская церковь была ликвидирована 21 июля 1923 г., а 29 августа Совет университета утвердил протокол совещания по вопросу использования помещения бывшей церкви. Церковные книги были переданы в библиотеку университета, ноты песнопений — в церковь на территории новой клиники (во временное пользование), иконы — в центральный музей Казани, ризница изолировалась от алтаря и все помещение поступало в ведение Правления с тем, чтобы оно использовало эту площадь «под учреждение, которое могло бы обеспечить как иконостасу, так и всему внутреннему виду храма» гарантии от изменений и повреждений²³. Но вопреки этому в сентябре 1929 г. в бывшей университетской церкви была открыта студенческая читальня²⁴, затем устроен спортзал для студентов. 30 ноября 1979 г. бывшая Крестовоздвиженская церковь Казанского университета стала музеем его истории.

Источники и литература

1. Архиерей синодальной эпохи: Воспоминания и письма архиепископа Никанора (Бровковича). М., 2016.
2. *Вистенгоф П. Ф.* Из моих воспоминаний // Исторический вестник. 1884. Т. XVI. С. 329–353.
3. Годичный отчет о состоянии Императорского Казанского университета за 1912 г. Казань, 1913.
4. *Елдашев А. М.* К истории Крестовоздвиженской домово́й церкви Казанского университета // Эхо веков. 2008. № 2. С. 264–269.
5. *Ермошин А. В.* Закон Божий в дореволюционной светской школе: религиозное обучение в средних учебных заведениях Казанского учебного округа. Казань: Бриг, 2017.
6. Замечания на проект общего устава императорских российских университетов. Ч. 1. СПб., 1862.
7. Извлечение из отчета Императорского Казанского университета за 1879 г. Казань, 1880.
8. Императорский Казанский университет. Обзорение преподавания в 1900–1901 гг. Казань, 1901.
9. Инструкция инспектору студентов Императорского Казанского университета. Казань, 1835.
10. *Исаков А. П., Исаков Е. П.* Летопись Казанского государственного университета (история в фактах, подтвержденных документами). Т. 1. Казань, 2004.
11. *Казарян А. Т. Гавриил (Воскресенский)* // Православная энциклопедия. Т. X. М., 2005. С. 213–217.
12. *Костина Т. В.* Идентичность преподавателей богословия — настоятелей университетской церкви. Казанский университет, 1804–1863 гг. // Православный собеседник. 2006. № 1 (11). С. 161–170.
13. *Костина Т. В.* Мир университетского профессора Казани. 1804–1863: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2007.

²³ *Исаков А. П., Исаков Е. П.* Летопись Казанского государственного университета (история в фактах, подтвержденных документами). Т. 1. Казань, 2004. С. 303.

²⁴ Там же. С. 350.

14. *Липаков Е. В.* Владимирский А. П. // Православная энциклопедия. Т. IX. М., 2005. С. 65–66.
15. О преподавании богословия в университетах. СПб., 1866.
16. *Смирнов А.* Крестовоздвиженская церковь при Императорском Казанском университете. Казань, 1904.
17. Устав Императорского Казанского университета. СПб., 1804.

ИСТОРИЯ ЦЕРКОВНО- ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

ВЛАСТЬ И ЦЕРКОВЬ В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ В 1920–1930-Е ГОДЫ: ВОПРОСЫ И ОСНОВНЫЕ МОМЕНТЫ РЕЛИГИОНАЛЬНОЙ ПЕРИОДИЗАЦИИ*

Пашкин Андрей Геннадьевич

к. и. н., член Ульяновского регионального отделения Российского
военно-исторического общества

E-mail: pashkin.ag@mail.ru

Аннотация: Период 1920–1930-х гг. на территории Среднего Поволжья для Русской Православной Церкви — время поиска системы взаимодействия с властью страны. Государство именно в 1920–1930-е гг. применило все имевшиеся в своем распоряжении методы ликвидации православия, в том числе и исходя из местных реалий.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь; религия; исполнительная власть; коммунистическая партия

POWER AND CHURCH IN THE MIDDLE VOLGA REGION IN THE 1920–1930S: ISSUES AND MAIN POINTS OF REGIONAL PERIODIZATION

Abstract: The period of the 1920–1930s on the territory of the Middle Volga region for the Russian Orthodox Church was the time of searching for a system of interaction with the power of the country. The state was in the 1920–1930s applied all available methods of liquidating Orthodoxy, including based on local realities.

Keywords: Russian Orthodox Church; religion; executive power; communist party

Pashkin Andrej Gennad'evich, Candidate of Historical Sciences, member of the Ulyanovsk regional branch of the Russian military historical society

23 января 1918 г. Совет народных комиссаров принял постановление «Об отделении Церкви от государства и образования от Церкви». С данным постановлением Русская Православная Церковь (РПЦ) утратила статус государственного института, потеряла государственное финансирование и вовсе лишилась юридического статуса. Принятие первых декретов советской власти не отразилось на Церкви. Единственное, что потеряла РПЦ, — земли, которые были национализированы согласно «Декрету о земле». В дальнейшем, вплоть до конца января 1918 г., за институтом РПЦ было сохранено государственное финансирование¹.

Одним из первых документов, демонстрирующих отношение советской власти к РПЦ, можно считать письмо Симбирской чрезвычайной комиссии в Симбирскую и Сызранскую епархию. «Вам предлагается (речь идет об архиепископе Симбирском и Сызранском Вениамине. — Прим. А. П.) сделать распоряжение всем священнослужителям под строгой ответственностью о запрещении в церквях вести полемику против советской власти, посягающей якобы на свободу совести и запреща-

* Работа выполнена в рамках проекта «История Христианства в Среднем Поволжье в XVI–XX вв.» при поддержке благотворительного фонда святого мученика Феодора Болгарского (г. Болгар) и автономной некоммерческой организации социальной поддержки граждан «Преображение» (г. Ульяновск).

¹ Соловьев А. В. Государство и Православная Церковь в России. Февраль 1917 — январь 1918: дис. ... доктора ист. наук. СПб., 2015. С. 612–613.

нии ложного толкования декретов народных комиссаров — о свободе совести, вероучения и таинствах»².

В 1919 г. на территории бывшего Спасского женского монастыря в Симбирске был создан первый концентрационный лагерь. В дальнейшем такая участь — размещение пенитенциарных учреждений — постигла и другие монастыри Среднего Поволжья: Жадовскую пустынь, Раифский Богородицкий мужской монастырь, Зилантов монастырь, монастыри в Свяжске. Правда, спустя год все строения Спасского монастыря передали под общежития работников промышленных предприятий³. Здесь следует учитывать и тот факт, что на протяжении всего советского периода местная власть не спешила четко исполнять распоряжения центра, а старалась реализовать свои взгляды. Особенно это касалось взаимодействия с РПЦ. В апреле 1920 г. ВЦИК одобрил просьбу сестер Спасского женского монастыря организовать в его стенах трудовую артель с попечением престарелых и немощных за счет артели. Но местные власти, несмотря на реальную медицинскую и материальную помощь монахинь бойцам Красной армии, выселили сестер за пределы монастыря в трехдневный срок⁴.

С января 1918 г. начались гонения на священнослужителей. Статьей 65 п. «г» Конституции РСФСР служители РПЦ были лишены избирательных прав. События Гражданской войны на территории Среднего Поволжья дали возможность власти применять к негодным священнослужителям не просто репрессивные меры, а суровое военное законодательство, в том числе применение мер физического уничтожения без проведения расследования — проще говоря, массовые расстрелы. Расстрелы священнослужителей на территории Среднего Поволжья начались уже летом 1918 г. 10 сентября 1918 г. без проведения судебно-следственных мероприятий были расстреляны монахи Зилантова монастыря в Казани, которых обвинили в обстреле группы красноармейцев⁵. События Гражданской войны еще более усугубили положение духовенства. В рядах Красной армии формировались специальные подразделения из матросов, истреблявших духовенство, с красноречивым названием «Бей попов»⁶. Чапанное восстание, произошедшее в Симбирской и Самарской губерниях в 1919 г., большевики также отнесли и на счет РПЦ. Причиной этого послужили молебны, проводившиеся среди восставших. При подавлении мятежа негласным распоряжением власти введены расстрелы священнослужителей, служивших в местностях, охваченных восстанием. Власть пользовалась суровым военным законодательством, позволявшим применять высшую меру наказания без проведения следствия. Сейчас до нас дошли лишь обрывочные сведения о произошедшем. Сенгилеевский пункт особого отдела Восточного фронта от 9 сентября 1919 г. сообщал, что постановлением Ревтрибунала 2-го запасного полка 5-й армии священник села Лесное Матюнино Доброхотов приговорен к расстрелу⁷.

С 20 июля 1921 г. Центральный исполнительный комитет провозгласил политику повсеместной антирелигиозной пропаганды. В первые постреволюцион-

² ГАУО Ф. Р-3022. Оп. 1. Д. 24. Л. 68.

³ Беляев О. Храмы и монастыри города Симбирска: история, архитектура, святыни: дис. ... канд. богословия. Сергиев Посад, 2008. С. 28–29.

⁴ Гуркин В. А. Последние годы старейшей обители Симбирска // Московский журнал. 2004. № 10. С. 23–30.

⁵ Рощектаев А. В. История Казанского Зилантова монастыря. [Электронный ресурс]. URL: http://samlib.ru/g/roshektaew_a_w/zilant.shtml (дата обращения: 22.12.2017).

⁶ Симбирская Голгофа, 1917–1938. Ульяновск: Изд-во Симбир. епарх. ведомостей, 1996. С. 10.

⁷ ГАУО. Ф. Р-200. Оп. 2. Д. 208. Л. 109.

ные годы антирелигиозная и антицерковная агитация строилась на «зеркальном отражении». Так, во время церковных праздников партийные структуры пытались организовать такой же, но с добавлением в название слов «красное», «комсомольское», «коммунистическое». Власть пыталась, не меняя у населения восприятие служб праздников и обрядов, подменить их содержание. Так, обряд крещения власть решила заменить «октябринами». Для проведения новых праздников и обрядов выделялись денежные средства как по линии исполнительной власти, так и партийнокомсомольских структур. Но, как следует из отчетов партийных организаций, уже через полгода посетителями псевдопраздников становились лишь представители партийного и комсомольского актива⁸. Кроме того, борьба на идеологическом уровне велась именно с РПЦ. Почти всем прочим религиозным организациям власть по-прежнему разрешала не только существование и деятельность, но и организацию хозяйствующих объединений, и издание периодической литературы. К 1925 г., помимо брошюр антирелигиозного содержания, ВКП(б) приступает к изданию специальных учебников для начальной и средней школы, а также к распространению многостраничных трудов, основанных на анализе догм христианства с точки зрения философии и реальной науки. Ежегодно только в Ульяновскую губернию такой литературы поступало не менее пяти тысяч томов⁹. Охват населения был полный — власть издавала даже антирелигиозную азбуку¹⁰. Также христианскому вероучению власть пыталась противопоставить труды и естественных наук, в том числе астрономии, биологии и химии¹¹.

Но все предпринятые мероприятия не оказали ожидаемого правительством влияния на снижение религиозной активности жителей страны и крах православия. РПЦ было решено уничтожить изнутри. В течение нескольких лет государство выступало в качестве организатора целой серии внутрицерковных расколов. Все представители нового духовенства пользовались расположением и покровительством новой власти, в том числе и финансированием. В Симбирской губернии в 1923–1924 гг., отделившись от обновленчества, действовала независимая Автокефальная Симбирская Церковь, разделявшая взгляды Патриарха, но им не благословленная. Храмы разделились по религиозным направлениям. В Вознесенском соборе Симбирска обосновались обновленцы, в Свято-Троицком кафедральном соборе — григорианцы. Кафедральным собором Патриаршей Церкви в городе была Германовская (Воскресенская) церковь, вплоть до ее закрытия в 1930-е гг.¹² По данным Спасского кантонного исполнительного комитета, в 1928 г. на территории кантона числилась 31 община тихоновцев и 22 обновленческих, тогда как в 1926 г. там числился 31 обновленческий приход, а тихоновцев было всего 12 приходов. Одной из главных причин перехода является провал обновленцев в Спасском соборе, после возвращения его тихоновцам сельское обновленческое духовенство стало переходить к староцерковникам¹³. Как свидетельствовало в своей записке территориальное управление ОГПУ, «...само обновленчество не проводило разъяснительной

⁸ ГАНИУО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 873. Л. 22.

⁹ *Ильязова Р. В.* Антирелигиозная политика советского правительства в 1920–1930-е гг. по документам местных партийных организаций Ульяновской губернии (округа) // Страницы прошлого листая: 95 лет архивной службе Ульяновской области: сборник материалов межрегиональной историко-архивной конференции, Ульяновск, 30 мая 2014 г. Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала РАНХиГС, 2014. С. 58–59.

¹⁰ УОКМ ГИК. 34952. Э. 52.

¹¹ ГАНИУО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 397. Л. 110.

¹² *Беляев О.* Храмы и монастыри города Симбирска: история, архитектура, святыни. С. 30–31.

¹³ НА РТ. Ф. 2648. Оп. 15. Д. 4. Л. 304.

работы, а уполномоченный КЕУ авторитетом не пользовался, и его как духовенство, так и верующие не любили за грубость и пьянство, а также за слухи, что обновленчество доведет храмы до закрытия. Наиболее авторитетными среди верующих являются староцерковники, так как они, фанатики, безупречны в своем поведении, в отношении выполнения обязательств они более аккуратные, чем обновленцы, так как последние, чувствуя поддержку их со стороны гражданской власти, злоупотребляют этим, в связи с чем за год к уголовной ответственности был привлечен лишь один тихоновец по ст. 124 УК и 9 обновленцев. Также среди обновленцев многие отказываются от сана»¹⁴.

Механизм сноса храмов основывался на почти 20-летней практике запрещения и текущих, и капитальных ремонтов храмовых построек, даже если они уже давно были переведены в статус гражданских зданий и не имели отношения к религии. Троицкий кафедральный собор в г. Ульяновске был закрыт в 1930 г., а в 1932 г. передан под нужды архива, но (!) полностью лишен охраны. В результате поджога бумаги загорелись, в здании произошел пожар. О последствиях пожара свидетельствует тот факт, что пострадавшие в огне документы Государственного архива Ульяновской области и по сей день проходят восстановительную реставрацию, не говоря уже о полностью уничтоженных исторических источниках! Здание собора восстанавливать не стали. Под нужды архива передали здание в мае 1933 г. Германовской церкви¹⁵, а Троицкий собор вплоть до лета 1936 г. ждал своей участи. Длительная переписка с центром так и не привела к восстановительным работам, которые так не хотели проводить местные власти. По решению горисполкома, три года простоявший без кровли и разрушавшийся собор был взорван, а оставшийся от него кирпич вывезли лишь через год¹⁶. К сожалению, и в дальнейшем в деле борьбы с РПЦ власть не гнушалась жертвовать ценнейшими образцами исторического и культурного наследия¹⁷.

Следующий документ наглядно иллюстрирует внутреннюю систему работы партийных структур, органов исполнительной власти и органов государственной безопасности по закрытию действующих церковных зданий, поэтому позволю себе привести его полностью, сохранив и лексику, и грамматику. Документ был составлен начальником управления НКГБ по Куйбышевской области и направлен на имя первого секретаря Куйбышевского обкома ВКП(б) Канунникова 8 марта 1941 г., для информации:

«Исполнительный комитет Куйбышевского горсовета в данное время ставит вопрос о закрытии последней действующей церкви в г. Куйбышеве. Положительная сторона этого мероприятия заключается в том, что этим будет ликвидирован последний религиозный очаг, в котором концентрируются церковники не только города Куйбышева, но и целого ряда районов области (Чапаевский, Сызранский, Радищевский,

¹⁴ Там же. Л. 305, 306.

¹⁵ ГАУО. Ф. Р-634. Оп. 1. Д. 607. Л. 73.

¹⁶ Сивогляс И., Шабалкин А. Сердце города // Ульяновская правда. 2004. 14 января.

¹⁷ См. напр.: Бурдин Е. А. Затопленные святые Симбирского — Ульяновского края. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2017; *Он же*. По следам Спасителя: история христианства в Среднем Поволжье (VII–XV вв.). Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2017; *Он же*. Село-кремль // Всеобщая история. 2015. № 2. С. 11–21; *Он же*. Вознесенская церковь села Головкино: цикл «Затопленные храмы ульяновского левобережья» // Поволжский педагогический поиск. 2015. № 2. С. 7–9; *Он же*. Знаменская церковь села Волостниковна // Вестник УлГТУ. 2015. № 3. С. 7–9; *Он же*. Итоги первого этапа реализации проекта «Культурное наследие зон затопления Куйбышевской и Саратовской ГЭС на территории Ульяновской области» // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: мат-лы XIV Междунар. науч. конф. в 2 ч. Ч. 2. Иваново: Изд-во Иван. гос. ун-та, 2015. С. 33–38; *Он же*. Багрянов и другие: борьба прихожан за сохранение Богоявленского храма (1929–1937) // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: мат-лы XV Междунар. науч. конф. в 2 ч. Ч. 1. Иваново: Изд-во Иван. гос. ун-та, 2016. С. 50–55.

Ново-Девический, Шигонский, Ставропольский, Ново-Спасский, Красноярский, Кинельский, Колдыбанский и др.

С другой стороны, это мероприятие может вызвать нежелательные отрицательные последствия:

1. В 1938 г., в процессе закрытия в г. Куйбышеве второй церкви, со стороны фанатично настроенных верующих имели место прямые попытки устройства массовых волынок. Посылалось ряд ходаков в центральные советские органы с протестами, под которыми собирались до 4000 подписей. В данное время в связи с тем, что действующая церковь объединяет по существу все церковные течения, а антирелигиозная работа за последние 2 года велась слабо, количество протестующих по всем данным увеличивается.

2. В 1938 г. при закрытии церкви имелся веский аргумент, так как здание церкви было деформировано и по техническим условиям совершать религиозные обряды в нем было нельзя, а община не нашла средств для капитального ремонта. В данное время формальных подходов к закрытию этой церкви нет, что может послужить поводом для более настойчивых ходатайств верующих перед центром. Возможная отмена решения горсовета центром может быть использована церковниками в их деятельности по укреплению организованности верующих.

3. Закрытие церкви несомненно повлечет за собой уход в глубокое подполье церковной контрреволюции, так как без того наиболее реакционная часть церковников за последние два года уходит в различные неофициальные религиозные общества в виде «безцерковников», «истинных христиан», «христовых воинов» и т. д., а наша оперативная работа по борьбе с церковной контрреволюцией будет затруднена.

4. Закрытие церкви в данное время, когда происходит избирательная компания, может быть использована церковной контрреволюцией в своих целях»¹⁸.

Для нас любопытна резолюция на документе первого секретаря Куйбышевского обкома партии: «Если есть возможность закрыть, надо сделать. [Канунников]»¹⁹.

На наш взгляд, итог всей антирелигиозной политики советской власти 1920–1930-х гг. можно подвести, приведя результаты переписи 1937 г. На тот момент на территории СССР проживало 98,4 млн человек. Согласно материалам переписи, 41,6 млн причисляли себя к верующим православным христианам²⁰. Но именно непризнанные результаты переписи, возможно, и привели к массовым репрессиям по отношению к священнослужителям РПЦ²¹.

Суровые реалии военного времени отодвинули на второй план тщания власти по ликвидации РПЦ. Но, на наш взгляд, не только влияние военной поры сказалось на приостановке репрессивной политики. К 1941 г. все применяемые властью меры потерпели свой крах и были свернуты либо надолго забыты.

¹⁸ СОГАСПИ (Самарский областной государственный архив социально-политической истории). Ф. 656. Оп. 19. Д. 28. Л. 116, 117.

¹⁹ Там же.

²⁰ Русская Православная Церковь. XX век. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2008. С. 280.

²¹ См. напр.: Духовность и проблемы нравственной культуры современного общества. Новосибирск: Изд-во ЦРНС, 2014; Симбирская Голгофа, 1917–1938. Ульяновск: Изд-во Симбир. епарх. ведомостей, 1996.

Источники и литература

1. *Беляев О.* Храмы и монастыри города Симбирска: история, архитектура, святыни: дис. ... канд. богословия. Сергиев Посад, 2008.
2. *Бурдин Е. А.* Затопленные святыни Симбирского — Ульяновского края. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2017.
3. *Бурдин Е. А.* По следам Спасителя: история христианства в Среднем Поволжье (VII–XV вв.). Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2017.
4. *Бурдин Е. А.* Село-кремень // *Всеобщая история.* 2015. № 2. С. 11–21.
5. *Бурдин Е. А.* Вознесенская церковь села Головкино: (цикл «Затопленные храмы ульяновского левобережья») // *Поволжский педагогический поиск.* 2015. № 2. С. 7–9.
6. *Бурдин Е. А.* Знаменская церковь села Волостниковка // *Вестник УлГТУ.* 2015. № 3. С. 7–9.
7. *Бурдин Е. А.* Итоги первого этапа реализации проекта «Культурное наследие зон затопления Куйбышевской и Саратовской ГЭС на территории Ульяновской области» // *Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: мат-лы XIV Междунар. науч. конф. в 2 ч. Ч. 2.* Иваново: Изд-во Иван. гос. ун-та, 2015. С. 33–38.
8. *Бурдин Е. А.* Багрянов и другие: борьба прихожан за сохранение Богоявленского храма (1929–1937) // *Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: мат-лы XV Междунар. науч. конф. в 2 ч. Ч. 1.* Иваново: Изд-во Иван. гос. ун-та, 2016. С. 50–55.
9. Государственный архив новейшей истории Ульяновской области (ГАНИУО) Ф. 1. Оп. 1. Д. 397, 873. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. Р-200. Оп. 2. Д. 208.
10. ГАУО (Государственный архив Ульяновской области). Ф. Р-634. Оп. 1. Д. 607.
11. ГАУО. Ф. Р-3022. Оп. 1. Д. 24.
12. *Гуркин В. А.* Последние годы старейшей обители Симбирска // *Московский журнал.* 2004. № 10. С. 23–30.
13. *Ильязова Р. В.* Антирелигиозная политика советского правительства в 1920–1930-е гг. по документам местных партийных организаций Ульяновской губернии (округа) // *Страницы прошлого* листовая: 95 лет архивной службе Ульяновской области: сборник материалов межрегиональной историко-архивной конференции, Ульяновск, 30 мая 2014 г. Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала РАНХиГС, 2014. С. 58–59.
14. НА РТ (Национальный архив Республики Татарстан) Ф. 2648. Оп. 15. Д. 4.
15. *Роцектаев А. В.* История Казанского Зилантова монастыря. [Электронный ресурс]. URL: http://samlib.ru/r/roshektaev_a_w/zilant.shtml (дата обращения: 22.12.2017).
16. *Русская Православная Церковь. XX век.* М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2008.
17. *Сиволяс И., Шабалкин А.* Сердце города // *Ульяновская правда.* 2004. 14 января.
18. *Симбирская Голгофа, 1917–1938.* Ульяновск: Изд-во Симбир. епарх. ведомостей, 1996.
19. *Духовность и проблемы нравственной культуры современного общества: монография.* Новосибирск: Издательство ЦРНС, 2014.
20. СОГАСПИ (Самарский областной государственный архив социально-политической истории) Ф. 656. Оп. 19. Д. 28.
21. *Соловьев А. В.* Государство и Православная Церковь в России. Февраль 1917 — январь 1918: дис. ... доктора ист. наук. СПб., 2015.
22. УОКМ (Ульяновский областной краеведческий музей). ГИК 34952. Э. 52.

ОБЗОР РАССМОТРЕНИЯ ВОПРОСОВ ЦЕРКОВНО-ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ ПОМЕСТНЫМ СОБОРОМ 1917–1918 ГОДОВ

диакон Никита Сергеевич Кузнецов

магистр богословия, преподаватель, секретарь кафедры церковно-практических дисциплин Казанской православной духовной семинарии, аспирант Московской духовной академии

E-mail: kuznetsovns@inbox.ru

Аннотация: Данная статья посвящена обзору подготовки к рассмотрению Священным Собором Православной Российской Церкви церковно-государственных отношений и его решений вопросов правового положения Православной Российской Церкви в государстве.

Ключевые слова: Священный Собор Православной Российской Церкви; Поместный Собор 1917–1918 гг.; церковно-государственные отношения; правовое положение Православной Российской Церкви

REVIEW OF CONSIDERATION OF ISSUES OF CHURCH-STATE RELATIONS BY THE LOCAL COUNCIL OF 1917–1918

Abstract: This article is devoted to a review of the background for review by the Holy Council of the Orthodox Russian Church of church-state relations and its decisions on the legal status of the Orthodox Russian Church in the state.

Keywords: Holy Council of the Orthodox Russian Church; the Local Council of 1917–1918; church-state relations; legal status of the Orthodox Russian Church

Deacon Nikita Sergeevich Kuznetsov, master of theology, lecturer, Secretary at the Department of Church-practical disciplines of the Kazan Orthodox Theological Seminary, Postgraduate of the Moscow Theological Academy

Поместный Собор Православной Российской Церкви многими своими решениями опередил весь христианский мир того времени, определил условия существования Русской Церкви в новой эпохе¹. Одним из таких решений были его определения, касающиеся церковно-государственных отношений.

Православная Российская Церковь как часть единой и неделимой, святой, вселенской, неизменной по своей сути, апостольской Церкви впервые столкнулась с таким резким проявлением изменчивости государственного строя². Да, наша Церковь каждое столетие приобретала опыт (иногда и не раз) несения в условиях реформирования государственного строя своей богоустановленной миссии — «идите и научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа» (Мф. 28:19)³. Однако она впервые в земном своем бытии сталкивается с ситуацией, когда отсутствует единоличный правитель, при формальном провозглашении респу-

¹ Шкаровский М. В. Влияние Всероссийского Поместного Собора 1917–1918 гг. в советскую эпоху. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bogoslov.ru/es/text/377332.html> (дата обращения: 21.11.2017).

² Николин А., свящ. Церковь и государство (история правовых отношений). М.: Издание Сретенского монастыря, 1997. С. 140–148.

³ Подробно об истории взаимоотношений писал профессор КазДА И. С. Бердников: Бердников И. С. Краткий курс церковного права Православной Церкви. Казань, 1913. С. 825–933.

блики в стране царит двоевластие, а все надежды возлагаются на Учредительное собрание, которое и должно было решить дальнейшую судьбу России⁴. По этому поводу метко сказал Сергей Николаевич Булгаков: «Божественному Провидению угодно было, чтобы наш Отдел представил на уважение Священного Собора доклад об отношении Церкви к Государству в те трагические минуты русской государственности, когда у всех нас является сомнение на сердце, лежит тяжкая дума: да есть ли еще русская государственность и правительственная власть?»⁵

В этих новых условиях отцам Поместного Собора предстояло решить вопрос о том, какие принципы заложить в основу церковно-государственных отношений. Данная работа проводилась Отделом о правовом положении Церкви в государстве. Стоит также отметить, что при разработке данного определения учитывалась работа, проведенная Предсоборным присутствием 1906 г.⁶, Предсоборным совещанием 1912–1917 гг., Всероссийским съездом духовенства и мирян 1–12 июня 1917 г.⁷, Предсоборным советом 1917 г.⁸

На всех уровнях обсуждение было жарким и интенсивным. Журналы заседаний Восьмого отдела Предсоборного совета «О правовом положении православной Российской Церкви в государстве» даже доносят до нас некоторое увлечение революционными методами пропаганды. Результатом их работы должен был стать законопроект, который предполагалось вынести на рассмотрение Учредительному собранию. И этот проект предлагалось подкрепить неким громким и понятным лозунгом. Профессор Ф. И. Мищенко предлагал взять лозунг «Отделение Церкви от государства», хотя сам с ним не соглашался ввиду того, что при его практической реализации Церковь могла лишиться государственной материальной поддержки. Он говорил, что «с лозунгом отделения приходится мириться лишь по тактическим соображениям, как более популярным»⁹. Также он предлагал лозунги «Верховенство Церкви в государстве», «Свободная Церковь в правовом государстве». Его пыл немного остужают Бенешевич и Высоцкий, которые выступают против употребления такой формы работы¹⁰.

Председатель данного отдела архиепископ Арсений Новгородский рассматривал несколько моделей взаимоотношения церкви и государства:

1. Теократия.
2. Параллельное сосуществование Церкви и государства (ее он не совсем удачно называет католической).
3. Церковь как часть государства.

⁴ Митрофанов Г., прот. История Русской Православной Церкви. 1900–1927. СПб.: Сатисъ, 2002. С. 82–109.

⁵ Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Репринтное воспроизведение издания. Пг.: Издание Соборнаго Совета, 1918. Т. 4. Деяния ХLI–Ll. М.: Издание Новоспасского монастыря, 1996. С. 7.

⁶ В нем принимал деятельное участие профессор И. С. Бердников. См. об этом: Михайлов А. Ю. «Социальная доктрина» Православной Церкви в трудах И. С. Бердникова: дис. ... канд. ист. наук. КГУ. Казань: 2006. С. 143.

⁷ Вопросы церковно-государственных отношений рассматривались на съезде в секции, которой руководил профессор Томского университета П. А. Прокошев, один из учеников Ильи Степановича. Ковырзин К. В. Поместный Собор 1917–1918 годов и поиски принципов церковно-государственных отношений после Февральской революции. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bogoslav.ru/text/352898.html> (дата обращения: 21.11.2017).

⁸ Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 1 (Кн. 2). Предсоборная работа 1917 года. Акты, определявшие порядок созыва и проведения Собора. М.: Изд-во Новоспасского монастыря, 2012. С. 781; Ковырзин К. В. Поместный собор 1917–1918 годов и поиски принципов церковно-государственных отношений после Февральской революции.

⁹ Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 1 (Кн. 2). С. 791.

¹⁰ Там же. С. 792.

4. Церковь как частное общество (ее он называет протестантской, хотя такое наименование подходит и для предыдущей модели).

5. Византийская симфония Церкви и государства.

6. Отделение Церкви от государства¹¹.

За последней моделью он видел будущее, так как она стоит на последней стадии в эволюции взаимоотношений Церкви и государства. Против симфонии он решительно восстает и считает, что Церковь должна быть автономной. Профессор В.З. Завиткевич здесь отмечал, что Церковь в итоге не вошла в симфонию с государством, а вошла в систему государственной власти. Материальную поддержку, которую все боялись потерять, он считал лучшим средством порабощения со стороны государства. Также была отмечена практически пророческая мысль о том, что господство социал-демократии будет означать попытку уничтожения Церкви как ненужного обществу элемента. Итогом работы Восьмого отдела стал проект «Правового положения Православной Церкви в России», который был передан на обсуждение Предсоборного Совета¹².

Непосредственно на Священный Собор был передан проект, уже состоящий из 25 пунктов и предначертания (преамбулы). Совет Священного Собора Православной Российской Церкви 14 ноября 1917 г. под председательством архиепископа Арсения постановил внести доклад Отдела о правовом положении Церкви в государстве на рассмотрение Собора первым, прежде докладов о высшем церковном управлении, о положении Патриарха, о епархиальном управлении, о благоустройении прихода и пр.¹³

Обсуждение представленного доклада осуществлялось на четырех заседаниях — по одному 15 и 16 ноября, два заседания проходили 17 ноября 1917 года (деяния и протоколы 41–44)¹⁴. Окончательно он был принят 2 декабря 1917 года на 58-м заседании, когда было утверждено предначертание к Определению Священного Собора Православной Российской Церкви о правовом положении Православной Российской Церкви¹⁵.

Важность обсуждаемого вопроса иллюстрирует интенсивность его обсуждения. В четырех деяниях суммарно зафиксировано 185 пунктов. По этому показателю он уступает вопросам о епархиальном управлении, о высшем церковном управлении и обязанностях патриарха, о православном приходе, о монастырях и монашестве, о церковном суде¹⁶. В Определении о правовом положении Православной Российской Церкви было внесено на рассмотрение 48 поправок, из которых одобрено было меньше половины — 21¹⁷.

Определение, его обсуждение и поправки к нему охватывают собой очень широкий круг вопросов. В контексте данного доклада представляется возможным лишь кратко остановиться на них.

¹¹ Там же. С. 788.

¹² Там же. С. 836.

¹³ Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 2. Протоколы Соборного Совета. М.: Изд-во Новоспасского монастыря, 2013. С. 153–154.

¹⁴ Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 6. Деяния Собора с 37-го по 65-е. М.: Изд-во Новоспасского монастыря, 2016. С. 14.

¹⁵ Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 3. Протоколы Священного Собора. М.: Изд-во Новоспасского монастыря, 2014. С. 207.

¹⁶ Там же. С. 756–768.

¹⁷ Там же. С. 135–152.

Перед постатейным рассмотрением определения С. Н. Булгаковым был представлен доклад, который предполагалось утвердить в качестве декларации об общих началах церковно-государственных отношений¹⁸. В ней он отмечает, что «Вопрос об отношении Церкви к государству имеет две стороны. Одна — религиозно-вероучительная, догматическая: это те общие положения о природе Церкви, из коих мы исходили при наших работах; другая сторона — практическая, политическая, в известном отношении даже оппортунистическая, в которой Церковь делает попытку в текущих явлениях жизни закрепить свое вечное содержание»¹⁹. Также последовательно отстаивалась мысль о том, что не может быть положено предела духовному влиянию Церкви. Соответственно, отрицательно оценивалась мысль о полном отделении Церкви от государства, «т. е. о не только внешнем, но и внутреннем отторжении всей государственности от всякого влияния церковного». По мнению Булгакова, «такое требование подобно пожеланию, чтобы солнце не светило, а огонь не согревал». Булгаков был убежден в том, что при определении «внутреннего» отношения между Церковью и Государством руководящим началом для христианской совести должно быть «не взаимное отчуждение и расхождение обеих стихий, но, напротив, их наибольшее сближение чрез внутреннее влияние церковной стихии в области государственной, в каких бы внешних формах это ни выражалось». Вместе с тем в документе подчеркивалось, что духовное господство Церкви не может быть достигнуто мерами внешнего принуждения, насильственными советами иноверцев. Князь Трубецкой верно отметил основную мысль документа: «Церковь господствует не по закону, а по благодати»²⁰. Декларация Булгакова так и не была рассмотрена и в условиях общей спешки, в которой проводились все заседания второй части первой сессии Поместного Собора.

Общее положение Православной Российской Церкви в государстве определяется ее статусом величайшей святыни и великой исторической силой, которая создала Российское государство (пункт 1-й Определения). В связи с этим она занимает первенствующее положение и пользуется автономией в своих внутренних делах (2). За актами церковного управления должна признаваться государственная юридическая сила (3). Причем все государственные законы о Церкви должны с ней согласовываться (4). Церковь допускает наблюдение за своей деятельностью со стороны государства, но только в том объеме, в котором необходима проверка соблюдения установленного государством порядка (6)²¹. Данные положения можно охарактеризовать как охранительные меры в условиях свободы совести и вероисповедания.

Среди частных вопросов затронуты проблемы статуса церковных учреждений, священно- и церковнослужителей, вопросы образования, церковного имущества, праздников и связанных с ними массовых мероприятий, вопросы гражданского состояния, а также предписание государству некоторых конфессиональных обязанностей.

Статус церковных учреждений, священно- и церковнослужителей определялся в одном ключе с особым положением Церкви в Российском государстве, а также их каноническим статусом. Церковные учреждения для своего нормаль-

¹⁸ Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 6. С. 157–166.

¹⁹ Там же. С. 158.

²⁰ Ковырзин К. В. Поместный собор 1917–1918 годов и поиски принципов церковно-государственных отношений после Февральской революции.

²¹ Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. С. 6–7.

ного функционирования должны пользоваться правами и статусом юридических лиц (25), которого они не могут быть лишены без согласия церковной власти. Клирики не должны привлекаться к воинской и другим повинностям (21), а все их права и обязанности, которые на них возлагает Церковь, должны быть признаваемы государством в полном объеме²².

Из-за нависшей угрозы конфискации церковного имущества, первой весточкой которого стал декрет о земле, подлежащей полной национализации. Собором была прописана невозможность отобрания собственности Церкви (22). Ввиду характера ее деятельности также не подлежат налогообложению ее доходы, кроме тех, которые она получает путем сдачи в аренду или внаем своего имущества (23). Также государством должны выделяться денежные средства на ее нужды с условием отчетности за них (24)²³.

В деле взаимодействия в области образования предлагалось закрепить равный статус духовных и светских учебных заведений (18). Во всех последних сохранялось обязательное преподавание Закона Божия (19)²⁴.

Господствующее положение Православной Российской Церкви характеризовалось еще тем моментом, что православный календарь признается государственным календарем (9). Все чтимые Православной Церковью дни признаются в государстве неприсутственными днями (10). Должно вводиться уголовное наказание за публичное поругание православной веры, предметов религиозного почитания и священно-, церковнослужителей, осквернение мест богослужения и религиозного почитания, насилие и угрозы для отвлечения из православия (11)²⁵.

Относительно гражданских состояний за всеми церковными установлениями предлагалось сохранить государственный статус. Среди них: условия и последствия заключения брака, само церковное венчание, решения церковных судов по бракоразводным делам, сохранение государственного статуса за церковной метрикой (13–16). Здесь же стоит отметить ограничения в плане добровольного выхода из православия. Он допускался не ранее достижения возраста, установленного для вступления в брак. До этого дети могут оставить православие только по желанию родителей, и притом лишь в случае оставления православия самими родителями, с девятилетнего возраста требуется согласие ребенка (12)²⁶.

Также стоит отметить, что государству предписывались некоторые религиозные обязанности. В обязанность государству вменялось следующее: глава Российского государства, министр исповеданий и министр народного просвещения и товарищи их должны быть православными, а также содержание православного военного духовенства (7)²⁷.

Однако вся проделанная работа так и осталась на тот момент лишь в качестве проекта. Усиление большевиков и роспуск Учредительного собрания 6 (19) января 1918 г. надолго сделали предложенную Собором модель церковно-государственных отношений неактуальной. Декрет о земле 26 октября 1917 г. содержал пункт о социализации церковных и монастырских земель²⁸. 11 декабря вышло по-

---

²² Там же. С. 8.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. С. 7.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Ковырзин К. В. Поместный собор 1917–1918 годов и поиски принципов церковно-государственных отношений после Февральской революции.

становление Наркомпроса о передаче всех духовных учебных заведений в его ведение²⁹. 17 и 18 декабря были изданы декреты о гражданском браке и гражданской метрикации, в соответствии с которыми церковный брак терял свой государственный статус³⁰. 16 (29) января 1918 г. был принят декрет об упразднении института военного духовенства³¹. Принятие Совнаркомом 20 января (2 февраля) декрета об отделении Церкви от государства и школы от Церкви окончательно законодательно закрепила новые неблагоприятные реалии для Церкви³².

Однако как выражение соборного мнения Церкви оно не могло уйти в небытие. Ведь временная не востребованность того или иного соборного определения не означает его ненужность³³. Преамбула Федерального закона Российской Федерации о свободе совести и религиозных объединениях содержит мнение, что за православием признается особая роль в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры³⁴. Нельзя с уверенностью говорить, что это является влиянием именно соборного Определения 1917 г., но это показывает, что оно не лишено жизнеспособности.

Предложения Церкви по своему правовому положению можно в целом охарактеризовать как начало введения принципа отделения Церкви от государства. Церковь стремилась получить автономию в тех вопросах, в которых она была скована механизмом синодальной системы, но сохранить органичную связь с государством, которая, несомненно, в первую очередь необходима последнему.

Источники и литература

1. Бердников И. С. Краткий курс церковного права Православной Церкви. Казань, 1913.
2. Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Репринтное воспроизведение издания. Петроград: Издание Соборного Совета, 1918. Т. 4. Деяния ХLI–LI. М.: Издание Новоспасского монастыря, 1996.
3. Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 1 (Кн. 2). Предсоборная работа 1917 года. Акты, определявшие порядок созыва и проведения Собора. М.: Изд-во Новоспасского монастыря, 2012.
4. Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 2. Протоколы Соборного Совета. М.: Изд-во Новоспасского монастыря, 2013.
5. Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 3. Протоколы Священного Собора. М.: Изд-во Новоспасского монастыря, 2014.
6. Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 6. Деяния Собора с 37-го по 65-е. М.: Изд-во Новоспасского монастыря, 2016.

²⁹ Там же.

³⁰ Митрофанов Г., прот. История Русской Православной Церкви. 1900–1927. С. 123.

³¹ Там же. С. 125

³² Одинцов М. И. От Поместного Собора к декрету об отделении Церкви от государства. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kiev-orthodox.org/site/personalities/1683> (дата обращения: 21.11.2017).

³³ Задорнов А., прот. Рецепция определений Поместных Соборов Русской Церкви XX века. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bogoslov.ru/text/378040.html> (дата обращения: 21.11.2017).

³⁴ Федеральный закон Российской Федерации от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях» (в ред. от 06.04.2015). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=201193&dst=0&rnd=0.8662162515631847#0> (дата обращения: 20.11.2017).

7. *Задорнов А., прот.* Рецепция определений Поместных Соборов Русской Церкви XX века. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bogoslov.ru/text/378040.html> (дата обращения: 21.11.2017).

8. *Ковырзин К. В.* Поместный собор 1917–1918 годов и поиски принципов церковно-государственных отношений после Февральской революции. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bogoslov.ru/text/352898.html> (дата обращения 21.11.2017).

9. *Митрофанов Г., прот.* История Русской Православной Церкви. 1900–1927. СПб.: СатисЪ, 2002.

10. *Михайлов А. Ю.* «Социальная доктрина» Православной Церкви в трудах И. С. Бердникова: дис. ... канд. ист. наук. КГУ. Казань, 2006.

11. *Николин А., свящ.* Церковь и государство (история правовых отношений). М.: Издание Сретенского монастыря, 1997.

12. *Одинцов М. И.* От Поместного Собора к декрету об отделении Церкви от государства. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kiev-orthodox.org/site/personalities/1683> (дата обращения: 21.11.2017).

13. Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Репринтное воспроизведение издания. Вып. 2. М.: Издание Соборного Совета, 1918. М.: Издание Новоспасского монастыря, 1994.

14. Федеральный закон Российской Федерации от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях» (в ред. от 06.04.2015). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=201193&dst=0&rnd=0.8662162515631847#0> (дата обращения: 20.11.2017).

15. *Шкаровский М. В.* Влияние Всероссийского Поместного Собора 1917–1918 гг. в советскую эпоху. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bogoslov.ru/es/text/377332.html> (дата обращения: 21.11.2017).

ИСТОРИЯ ДУХОВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ШКОЛА КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ: ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА

Михайлов Сергей Владимирович

магистрант 1-го курса Казанской православной духовной семинарии

E-mail: mihailov.95129@gmail.com

Аннотация: Церковно-историческая кафедра Казанской духовной академии воспитала множество ярких профессоров, которые изучали различные исторические направления и формировали замечательную школу церковных историков, труды которых актуальны в современную эпоху.

Ключевые слова: Казанская духовная академия; Петр Васильевич Знаменский; церковная история

HISTORICAL SCHOOL OF THE KAZAN THEOLOGICAL ACADEMY: THE HISTORIOGRAPHY OF THE ISSUE

Abstract: The Church History department of the Kazan Theological Academy has brought up many bright professors who studied various historical directions and formed a remarkable school of church historians, whose works are relevant in the modern era.

Keywords: Kazan Theological Academy; Peter Vasilyevich Znamensky; church history

Mihajlov Sergej Vladimirovich, 1st year master's student of the Kazan Orthodox Theological Seminary

К началу XIX в. сеть духовных образовательных учреждений в России была достаточно развитой. Император Павел I повелел открыть на базе Казанской духовной семинарии академию. Прежде всего, это было связано с необходимостью просвещения восточной части России и огромным значением Казанской духовной семинарии, которую многие ставили на один уровень с такими духовными академиями, как Санкт-Петербургская и Московская. К тому же Казанская семинария была одной из крупнейших по количеству учащихся, все эти факторы способствовали появлению академии. «В Казанскую духовную академию, с целью продолжения обучения, направлялись лучшие студенты из Астраханской, Тобольской, Нижегородской, Вятской, Тамбовской и Иркутской духовных семинарий»¹.

К сожалению, «29 июля 1818 г. «старая» КазДА была преобразована в семинарию с оставлением классов, соответствующих только семинарскому курсу. В качестве официального объяснения этому в указах был отмечен пожар, случившийся 3 сентября 1815 г., когда «сгорели кремлевские постройки, кафедральный Благовещенский собор, несколько соборов и монастырей, а также учительские покои, трехэтажный корпус для казеннокоштных студентов на 300 человек и 3 класса, больница, зал собраний, помещения академического правления и прочее»².

В 1842 г. было принято историческое решение: восстановить академию. Город Казань в то время являлся одним из важнейших образовательных центров России, и открытие академии положительно влияло на его статус. К тому же Ка-

¹ Казанская духовная академия // Православная энциклопедия. Т. 29. М., 2012. С. 121.

² Там же. С. 123.

занская духовная академия внесла огромный вклад в развитие церковных наук и быстро заняла одно из ведущих мест в системе духовного образования. Имея вначале чуть более тридцати студентов, она стала крупнейшей академией в России. С каждым годом был заметен рост количества защищаемых работ и получения ученых степеней.

Выпускники академии с большим интересом изучали церковную историю. На их долю выпало описание Соловецкой библиотеки, которая была перевезена в академию в связи с начавшейся Крымской войной и обстрелом английским флотом Соловецкой обители. Наличие таких ценных исторических материалов способствовало увеличению интереса студентов к церковной истории.

Изучалось не только множество исторических проблем, а также готовились кадры преподавательского состава. Церковно-исторические кафедры, как правило, занимали выпускники Казанской духовной академии. В тот период начинает складываться традиция, согласно которой каждую кафедру чаще всего занимал ученик предшествующего профессора. Среди профессоров, оставшихся преподавать в академии, стоит выделить Петра Васильевича Знаменского. Он, бесспорно, принадлежит к числу выдающихся представителей российской церковно-исторической науки второй половины XIX — начала XX столетия. Знаменский прожил долгую и плодотворную жизнь, хотя в его биографии не отмечается особенного разнообразия жизненных обстоятельств. Трудно недооценить тот вклад, который был внесен профессором в церковно-историческую науку. Петром Васильевичем написано очень много трудов, которые актуальны и востребованы до сих пор. Начав прилежно учиться еще в детском возрасте, он продолжает учиться и учить до конца своей жизни³. Этот человек, всю жизнь изучавший историю, воспитал большое число учеников. Знаменский был любимцем студентов, ему доверяла администрация, его ценили и знали во всех семинариях и академиях. Петра Васильевича признавали одним из самых авторитетных церковных историков того времени.

К сожалению, на протяжении десятилетий запрещено было говорить о роли, которую сыграла Казанская духовная академия в деле просвещения в Казанском крае и изучении церковной истории. О ней и ее профессорах предпочитали умалчивать, но сегодня, когда ставится вопрос о восстановлении, нам следует много потрудиться для ее изучения.

Деятельность автора исследования направлена на изучение роли казанских церковных историков, а также выпускников церковно-исторической кафедры, окончивших Казанскую духовную академию, в церковно-исторической науке. Следует отметить, что данной проблематике уделено незначительное внимание. Но опыт, накопленный казанскими церковными историками особенно нужен современной богословской науке. На сегодняшний день Русская Православная Церковь пытается решить вопросы, связанные с ролью Церкви в истории России и стран, которые когда-то были в составе Российской империи. Это, прежде всего, связано с влиянием Церкви на формирование мировоззрения и отношения к ней общества и государства. Светская власть также заинтересована в сохранении нравственного стержня в обществе.

Данная тематика затрагивалась в научной статье Сергея Павловича Бычкова «Черты деятельности сообщества русских церковных историков Казанской духовной академии во второй половине XIX — начале XX века».

В научный оборот впервые вводится большое число архивных материалов,

---

³ Историк Русской Церкви П. В. Знаменский (1836–1917 гг.). [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/istorik-russkoy-tserkvi-p-v-znamenskiy-1836-1917-gg> (дата обращения: 05.09.17).

рассматриваются направления исследований казанских церковных историков и проводится анализ наиболее значимых работ.

Хронологические рамки исследования обусловлены этапами возникновения и развития казанской церковно-исторической школы, функционировавшей на базе Казанской духовной академии в период XIX — начала XX в.

Источниками исследования в данной работе служат:

А) Делопроизводственные документы: 1) Национального архива Республики Татарстан (фонды: № 10 — Казанской духовной академии, № 36 — фонд Петра Васильевича Знаменского, № 977 — Казанского императорского университета). В них содержится различного рода документация, позволяющая выявить более подробную информацию о служащем той или иной организации, студенте и преподавателе учебного заведения, о написанных ими трудах, проследить за их использованием в образовательном процессе и пребыванием профессоров на тех или иных должностях.

Фонд № 10 содержит указы Синода и Духовной консистории. Также в фонде находятся журналы заседаний совета академии и духовно-цензурного комитета. Представлены отчеты о состоянии духовных учебных заведений, программы преподавания, ведомости об экзаменах семинаристов. Также в нем содержатся донесения и записки инспекторов академии о политических настроениях студентов академии на Куртинской панихиде по крестьянам, которые были убиты в селе Бездна Спасского уезда в 1861 г. В описи № 2 этого фонда внесены курсовые сочинения, магистерские и кандидатские работы выпускников академии. Всего в составе фонда собрано 1 186 рукописей XVI–XX вв.

Фонд № 36 включает всю сохранившуюся информацию о профессоре Казанской духовной академии Петре Васильевиче Знаменском. В частности, там содержатся статья Ивана Михайловича Покровского «К кончине П. В. Знаменского», письма частных лиц П. В. Знаменскому по личным вопросам, адреса приветствия П. В. Знаменскому с пятидесятилетием преподавательской деятельности и автобиография П. В. Знаменского.

Фонд № 977 «Казанского императорского университета» содержит личные дела студентов за 1876, 1880–1916 гг. Также в нем имеются формулярные списки профессоров, преподавателей и служащих Казанского университета за 1845–1917 гг.

Б) Также источниками работы служат научные труды профессора П. В. Знаменского:

1) «История Казанской духовной академии», которую в 1892 году Знаменскому поручают написать за период с 1842 по 1870 год, так как в академии отмечали пятидесятилетний юбилей. Петр Васильевич блестяще справился с поручением. Ему удалось описать историю живым, понятным языком, книга лишена протокольной сухости. Перед читателем возникают живые портреты профессоров, преподавателей и ректоров академии. Все аспекты жизни академии изложены на основании архива и воспоминаний студентов и преподавателей. Автор не скрывает своего отношения к деятельности ректоров и некоторых архиереев. Дает научные характеристики трудов профессоров, оценивает их деятельность. В работе также был представлен студенческий быт. Петр Васильевич, помимо воспоминаний живых свидетелей, также пользуется историческими источниками: некрологами, воспоминаниями Н. И. Ильминского, воспоминаниями о Казанской академии 1852–1856 гг. протоиерея А. А. Виноградова, статьями профессора Аристова и письмами студентов.

2) «Руководство к русской церковной истории», в которой Петр Васильевич

впервые в церковной историографии обобщил и дал периодизацию истории Русской Церкви. Этот труд в 1870 г. удостоился Макариевской премии. Он рассматривал историю Церкви в тесной связи с гражданской историей. Знаменский считал географическое положение и экономику очень важными факторами влияния на историю и отказался от позитивного описания событий. Знаменский искал внутреннюю связь между ними, не боялся давать объективную оценку деятельности обер-прокуроров Святейшего Синода и других деятелей Церкви, что не всем нравилось.

3) «Описания рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии». Собрание было разделено на три части. Первая описывала Библию и толкования, творения святых отцов, богословские рукописи. Вторая — церковно-исторические и церковно-правовые рукописи. Третья — описания богослужебных рукописей. Этот труд позволил облегчить работу с Соловецкой библиотекой.

В) Также источниками работы служат периодические издания: «Миссионерское обозрение», «Православный собеседник», «Вера и разум», «Христианское чтение», «Известия по Казанской епархии», «Раифский альманах».

Источники и литература

1. *Знаменский П. В.* История Казанской духовной академии за первый (дореформенный период) ее существования (1842–1870). Вып. 1–3. Казань: Типография Императорского университета, 1892.

2. Историк Русской Церкви П. В. Знаменский (1836–1917 гг.). [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/istorik-russkoy-tserkvi-p-v-znamenskiy-1836-1917-gg> (дата обращения: 05.09.17).

3. Казанская духовная академия // Православная энциклопедия. Т. 29. М., 2012. С. 121–129.

4. *Куницын Б. М.* Нестор-летописец казанской alma mater // Раифский альманах. 2014. № 4. С. 55–64.

5. *Лебедев А. П.* Церковная историография в главных ее представителях с IV века до XX. СПб.: Алетейя, 2000.

6. *Мельков А. С.* Ректор Московской духовной академии А. В. Горский и его вклад в развитие русской церковно-исторической науки. М.: Пашков дом, 2012.

НАУЧНАЯ КОМАНДИРОВКА ДОЦЕНТА КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ СЯЩЕННОМУЧЕНИКА АМФИЛОХИЯ (СКВОРЦОВА) В САНКТ-ПЕТЕРБУРГ В 1910–1911 ГГ.

Павлов Сергей Вячеславович

магистрант 2-го курса Казанской православной духовной семинарии

E-mail: sergey_meister@mail.ru

Аннотация: Статья является биографическим очерком и посвящена научной командировке доцента Казанской духовной академии священномученика Амфилохия (Скворцова) в Санкт-Петербург в 1910–1911 гг.

Ключевые слова: священномученик; Амфилохий (Скворцов); Казанская духовная академия; Санкт-Петербург; научная командировка

SCIENTIFIC VISIT OF PROFESSOR OF THE KAZAN THEOLOGICAL ACADEMY OF ST. AMPHILOCHIUS (SKVORTSOV) IN SAINT-PETERSBURG IN 1910–1911

Abstract: This article is a biographical essay and it's devoted to the scientific mission of the priest-martyr Amphilochius (Skvortsov) of the Kazan Theological Academy to St. Petersburg in 1910–1911.

Keywords: priest-martyr; Amphilochius (Skvortsov); Kazan Theological Academy; St. Petersburg; scientific mission

Pavlov Sergej Vyacheslavovich, 2nd year master's student of the Kazan Orthodox Theological Seminary

Священномученик Амфилохий (в миру Скворцов Александр Яковлевич) родился 17 февраля 1885 г. в семье псаломщика села Норваш Цивильского уезда Казанской губернии¹.

В 1900 г. окончил Чебоксарское духовное училище, затем поступил в Казанскую духовную семинарию, по окончании которой в 1906 г. поступил на миссионерское отделение Казанской духовной академии².

С первого года обучения в академии заявил о себе ревностным прилежанием в изучении миссионерских наук и специальных языков, а именно монгольского и калмыцкого, так что при переходе на второй курс мог уже самостоятельно работать над составлением калмыцко-русского словаря в качестве учебного пособия, каковой словарь и был под его редакцией гектографирован к началу 1907/08 учебного года³.

Будучи студентом первого курса, 23 февраля 1907 г. был пострижен в рясофор. Месяц спустя, 22 марта, Преосвященнейшим Алексием (Дориницыным), ректором академии, пострижен в иноки⁴.

Священномученик Амфилохий пишет в своем прошении: «Ваше Преосвященство, с ранних лет чувствуя неопределенное влечение к иночеству и желая в нем посылно послужить святой Церкви, прошу Вас постричь меня в мантию»⁵.

---

¹ См.: НА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 10732. Л. 8.

² См.: Там же.

³ См.: НА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 11042. Л. 9.

⁴ См.: НА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 10826. Л. 2.

⁵ Цит. по: Там же. Л. 13.

На втором курсе академии, 28 июня 1906 г., был рукоположен в сан иеродиакона правящим архиепископом Казанским и Свияжским Димитрием (Самбикиным)⁶.

Будучи студентом третьего курса, в 1909 г. был командирован на предстоящие летние каникулы в Астраханскую калмыцкую степь для изучения калмыцкого языка и изучения деятельности православной миссии среди калмыков⁷.

Перед окончанием академии, в мае 1910 г., был рукоположен во пресвитеры⁸.

В том же году за сочинение на тему «Религиозно-нравственные переводы на калмыцкий язык как средства миссионерского воздействия» ему были присуждены две премии, и он был удостоен степени кандидата богословия с правом преподавания в семинарии и с правом получения степени магистра без нового испытания⁹.

В 1910/11 учебном году слушал лекции на восточном факультете Санкт-Петербургского университета и Практической восточной академии для изучения монгольского языка¹⁰.

Оставлен при Казанской духовной академии на 1911/12 учебный год профессорским стипендиатом при кафедре истории и обличения ламаизма и монгольского языка¹¹.

С 16 августа 1911 г. — исполняющий должность доцента при названной кафедре¹².

В 1912 г. по его личной просьбе Советом Казанской духовной академии был командирован на один год в Монголию и Забайкалье с целью изучения тибетского языка и богословской литературы ламаизма¹³.

Научная и миссионерская деятельность иеромонаха Амфилохия приносила видимые результаты. 3 ноября 1914 г. в храме Казанской духовной академии состоялось исключительно редкое для Казани торжество — крещение трех китайцев, которые своим просвещением и обращением к Богу были целиком обязаны отцу Амфилохию.

Октябрьский переворот 1917 г. произвел на отца Амфилохия огромное впечатление. Ему были ясны исторические масштабы происшедшего события. Он воспринял это как величайшее несчастье для всего народа России. В 1918 г. он поселяется в Успенском мужском монастыре неподалеку от Красноярска, позже с пятью монахами переезжает на озеро Тиберкуль в Минусинском уезде, где основывает скит. 8 марта 1925 г. Патриарх Тихон хиротонисал его во епископа Красноярского. Свое епископское служение начал с обличения обновленцев, за что в 1926 г. был арестован и приговорен к трем годам заключения в Соловецком концлагере. После освобождения заместитель Патриаршего Местоблюстителя митрополит Сергей (Страгородский) назначил его епископом Мелекесским, викарием Самарской епархии. В 1928 г. епископ Амфилохий подал прошение и был митрополитом Сергием уволен на покой. В июле 1928 г. прибыл в село Анжуй в Хакасии, где в то время жили монахини небольшого Матурского женского монастыря, к этому

⁶ См.: НА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 10826. Л. 2.

⁷ См.: НА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 10978. Л. 21.

⁸ См.: НА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 10826. Л. 2.

⁹ См.: НА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 11042. Л. 24.

¹⁰ См.: НА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 10978. Л. 36.

¹¹ См.: Там же. Л. 36.

¹² См.: НА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 11042. Л. 21.

¹³ См.: Там же. Л. 18.

времени закрытого. И вскоре образовался монастырь из десяти человек во главе с епископом. В апреле 1931 г. епископ Амфилохий арестован и заключен в тюрьму. Был приговорен к пяти годам заключения в концлагере. В 1937 г. окончился срок заключения епископа, но его не освободили, на него было заведено новое дело. 20 сентября 1937 г. тройка УНКВД по Западно-Сибирскому краю приговорила епископа Амфилохия к расстрелу. Святитель был расстрелян 1 октября 1937 г. и погребен в безвестной могиле. Причислен к лику святых новомучеников и исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания¹⁴.

Целью научной командировки доцента Казанской духовной академии священномученика Амфилохия (Скворцова) в Санкт-Петербург в 1910–1911 гг. стало изучение монгольского языка для свободного понимания священных рукописей ламаизма и дальнейшей преподавательской деятельности в Казанской духовной академии. В конце 1909 г. была освобождена кафедра истории и обличения ламаизма, и иеродиакон Амфилохий, тогда студент 4-го курса КазДА, был рекомендован ранее заменяемым профессором той кафедры, ныне прославленным священномучеником Гурием (Степановым). Однако, несмотря на то, что отец Амфилохий был ознакомлен со специальным языком, ламаизмом и миссионерским делом, ввиду его полной способности к самостоятельному научному труду, этого не было достаточно, как он сам считал, для занимания этой кафедры и его преподавательской деятельности в академии. Это и стало причиной его научной поездки в Санкт-Петербург.

Профессорский стипендиат КазДА, иеромонах Амфилохий был уволен академическим начальством в Санкт-Петербург для ученых занятий в Императорском Санкт-Петербургском университете и Императорской академии наук с 6 сентября 1910 г. по 15 августа 1911 г.¹⁵

Как сообщает нам в своем отчете о данной поездке иеромонах Амфилохий, «прибыв в Петербург утром 11 сентября 1910 года, я в тот же день поспешил явиться в Петербургский университет, чтобы предъявить свои документы и получить разрешение на право посещения лекций, каковое мне и было дано. По наведенным мною справкам чтение лекций на Восточном факультете еще не началось. Оно начиналось только с 15 сентября. Этот промежуток мною был употреблен на посещение разных нужных для меня лиц. Я старался узнать от них о том, как наилучшим образом использовать данное мне время для усовершенствования в моих познаниях по монгольскому языку. Между прочим, в это время я познакомился с известным знатоком монгольского языка и его литературы Алексеем Матвеевичем Позднеевым. Это знакомство впоследствии имело для меня важное значение. А. М. Позднеев состоит директором и профессором монгольской словесности при Восточной практической академии. Он с первого же нашего знакомства посоветовал мне поступить в означенную Академию и обещал мне в этом свое содействие, благодаря которому мне и удалось получить разрешение на слушание лекций в означенной Академии без положенного для слушателей взноса. За все это приношу А. М. Позднееву глубокую благодарность».

Таким образом, ему удалось получить возможность посещать лекции двух учебных заведений. Поскольку чтение лекций в Восточной академии совершались

¹⁴ См.: Амфилохий (Скворцов) // Открытая православная энциклопедия Древо [Электронный ресурс]. URL: <http://drevo-info.ru/articles/2348.html> (дата обращения: 20.10.2017).

¹⁵ См.: НА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 10978. Л. 36.

в вечерние часы, то такое расположение занятий не мешало ему слушать лекции в университете.

Иеромонах Амфилохий посещал лекции всех семестров. Та научная подготовка, которую он получил в изучении монгольского и калмыцкого языков в Казанской духовной академии, давала ему возможность быть в курсе читаемых лекций. Но с особенным интересом им посещались лекции первого семестра по «введению в изучение письменности монгольского языка», сведения сообщались на этих лекциях приват-доцентом А. Д. Рудневым. Стоит также отметить, что тут отец Амфилохий проводит некую параллель, сравнивая преподавание данного предмета в Санкт-Петербургском университете и в Казанской духовной академии.

«Руднев не озадачивал никакими особыми целями, для него язык не служит средством проникновения в мировоззрение народа, изучения его быта и нравов, он, как истый лингвист, прежде всего интересуется образованием языка, законами его развития и таких видоизменений в фонетической стороне, которые с неизбежностью являются в каждом языке, по мере его развития. Этот принцип и способ изучения языка совершенно не подходит к миссионерским целям, с какими изучается монгольский язык в нашей духовной академии. Для нас язык прежде всего средство подойти к мировоззрению того или другого народа, мы через язык знакомимся с идеалами народа и, узнав их, стараемся найти способы воздействия, для проведения в их умы христианских идеалов. Поэтому для нас язык важен не постольку, поскольку он дает возможность проникнуть в сокровищницу духовного богатства народа, какового прежде всего у всякого народа является его литература. Разговорный язык мы почитаем также необходимым для изучения, но по совершенно иным целям. Он для нас является средством воздействия на тот или другой народ».

Свои занятия в университете он закончил 10 декабря 1910 г. Во второе полугодие слушать лекции ввиду начавшихся беспорядков в университете ему не пришлось. Этот перерыв им использовался для занятий в архиве.

Что касается Практической восточной академии, отец Амфилохий пишет, что «они для меня были самыми важными и плодотворными». Лекции по монгольской словесности, которые посещал иеромонах Амфилохий, преподавались самим директором, профессором и тайным советником академии Алексеем Матвеевичем Позднеевым.

На лекциях они занимались исключительно буддийскими текстами, профессор знакомил его с буддийской терминологией; давал обширные толкования по разным вопросам ламаизма и буддизма. Иеромонах Амфилохий замечает, что «ввиду всего этого лекции эти для меня были очень полезны. На них же я получал разрешения всех недоумений, какие мне встречались при домашнем переводе разных монгольских рукописей и переводе разных мест из них»¹⁶.

Свою научную командировку отец Амфилохий завершил в марте 1911 г. 27 января 1911 г. в Совет Казанской духовной академии было доставлено экстраординарным профессором иеромонахом Гурием (Степановым) прошение, где было сказано, что «ввиду того, что иеромонах Амфилохий (Скворцов) занимается на восточном факультете Санкт-Петербургского университета и в Практической восточной академии при Обществе востоковедения, не найдет ли возможность Совет академии окончательно его избрать на кафедру истории и обличения ламаизма»¹⁷.

¹⁶ См.: НА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 10978. Л. 88–98.

¹⁷ См.: НА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 11042. Л. 16.

А 27 мая этого же года указом Святейшего Синода и Его Императорского Величества иеромонах Амфилохий (Скворцов) с 16 августа того же года был утвержден в звании доцента при кафедре истории и обличения ламаизма на миссионерском отделении в Казанской духовной академии¹⁸. А 23 сентября 1911 г. иеромонахом Гурием и инспектором академии архимандритом Афанасием было предложено избрать А. М. Позднеева (директора и профессора Практической восточной академии) почетным членом Казанской духовной академии¹⁹.

Источники и литература

1. Амфилохий (Скворцов) // Открытая православная энциклопедия Древо. [Электронный ресурс]. URL: <http://drevo-info.ru/articles/2348.html> (дата обращения: 20.10.2017).
2. НА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 10732.
3. НА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 10826.
4. НА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 10978.
5. НА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 11042.
6. Протоколы заседаний Казанской духовной академии за 1911 год. Казань, 1912.

---

¹⁸ См.: НА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 11042. Л. 21.

¹⁹ См.: Протоколы заседаний Совета Казанской духовной академии за 1911 год. Казань, 1912. С. 280.

ИСТОРИКО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ ЖИЗНИ СЛУЖЕНИЯ ПРОТОИЕРЕЯ АЛЕКСАНДРА ПОЛИКАРПОВИЧА ВЛАДИМИРСКОГО, РЕКТОРА КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ

Ручкин Захар Олегович

магистрант 2-го курса Казанской православной духовной семинарии

E-mail: ruchkin_zahar@rambler.ru

Аннотация: Данная работа посвящена рассмотрению жизни и деятельности протоиерея А. П. Владимирского. Разбирается цепочка событий, происходивших с личностью Владимирского, а также затрагивается вопрос его личной жизни.

Ключевые слова: Казанская духовная академия; ректор; Александр Поликарпович Владимирский; протоиерей; историко-биографическая реконструкция; Нижегородская духовная семинария; архимандрит Иннокентий (Некрасов); Елена Яковлева; Казань; журнал «Православный собеседник»; журнал «Известия по Казанской епархии»; Комитет помощи малоимущим студентам; Братство святителя Гурия

HISTORICAL AND BIOGRAPHICAL RECONSTRUCTION OF THE LIFE OF THE SERVICE OF ARCHPRIEST ALEXANDER POLIKARPOVICH VLADIMIRSKY, RECTOR OF THE KAZAN THEOLOGICAL ACADEMY

Abstract: This work is devoted to the consideration of the life and work of Archpriest A. P. Vladimirsky. The chain of events that took place with the personality of Vladimirsky, which influenced the course of events, is analyzed, and the question of his personal life is also touched upon.

Keywords: Kazan Theological Academy; rector; Alexander Vladimirsky; Archpriest; historical and biographical reconstruction; Nizhny Novgorod Theological Seminary; Archimandrite Innokenty (Nekrasov); Elena Yakovleva; Kazan; the magazine "The Orthodox interlocutor"; the magazine "News of the Kazan diocese"; the Committee of assistance to needy students; the Brotherhood of Saint Guria

Ruchkin Zahar Olegovich, 2nd year master's student of the Kazan Orthodox Theological Seminary

В настоящее время все чаще можно услышать речи о существовавшем образовании в Казани в прошлое время. Мы говорим об ученых, преподавателях, студентах, школах, в которых они учились и преподавали, в связи с этим хочется вспомнить еще одного блюстителя науки — протоиерея А. П. Владимирского, который, кстати говоря, был ректором Казанской духовной академии на протяжении 21 года.

Вся информация, которую нам дают популярные интернет-источники и энциклопедии касательно данной личности, достаточно скудна, несмотря на то, что этот человек возглавлял духовное образование достаточно долгое время.

Мы же постараемся в нашем докладе рассказать об этом человеке больше, чем это известно.

Протоиерей Александр Поликарпович Владимирский, будущий ректор Казанской духовной академии, родился в семье священника Поликарпа Иерофеева,

настоятеля Троицкой церкви села Резоватово Лукояновской округи Нижегородской губернии¹. В свое время окончил Печерское духовное училище, а затем в 1842 г. Нижегородскую духовную семинарию². На момент поступления в духовную семинарию уже не стало отца будущего протоиерея А. П. Владимирского³. Скорее всего, на это время опекуном А. П. Владимирского стал его родственник, также священник, Николай Лебединский, настоятель Знаменской церкви города Ардатово⁴ Нижегородской губернии. Надо отметить, что свою фамилию Александр Поликарпович получил в семинарии. Фамилия его отца — Иерофеев⁵. Можно предположить, что фамилию Владимирский Александру Поликарповичу дали в честь какого-либо святого или в честь празднования Владимирской иконы Божией Матери, возможно даже, что его фамилия как-то связана с городом Владимиром. Вопрос о происхождении его фамилии в настоящий момент можно считать открытым. Одно становится понятным точно, что эту фамилию он получил в годы семинарского обучения, о которых мы поговорим далее.

Несколько слов скажем о жизни Нижегородской семинарии в то время, когда в ней учился А. П. Владимирский. Исторический этап жизни А. П. Владимирского, проведенный в Нижегородской семинарии, можно считать одним из ключевых, определившим его дальнейшую судьбу, связанную с Казанской духовной академией.

В Нижегородскую семинарию будущий ректор КазДА А. П. Владимирский поступил в 1836 г., как раз в то время, когда ректором этой семинарии стал архимандрит Иннокентий (Некрасов)⁶. Как сообщает источник, «его ректорство впоследствии имело весьма неутешительные результаты, а сам этот ректор в истории семинарии получил печальную известность»⁷.

Дело в том, что с определением на должность ректора архимандрита Иннокентия его также назначили настоятелем Благовещенского мужского монастыря⁸. И больше своих сил и внимания архимандрит Иннокентий употреблял на благоустройство монастыря, между тем как в семинарии зрели недостатки и беспорядки. Позже, в 1840 г., проведенная Московской духовной академией ревизия указала на эти минусы в устройстве духовной школы. Одним из ключевых моментов печального положения семинарии являлись экономические дела — задолженности кредиторам семинарии⁹. Как выяснилось позже, дело заключалось по большей части даже отнюдь не в том, что начальство семинарии вовремя не погашало своих долгов в отношении содержания семинарии за счет кредиторов, а в том, что своевременно не вела деятельности по ведению необходимых бумаг по этому делу: каких-то договорных расписок и прочих документов¹⁰. В свою очередь, со стороны кредиторов стали поступать жалобы, что семинария имеет со своей

¹ ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 68. Л. 3.

² Там же.

³ Там же.

⁴ ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 463. Л. 80.

⁵ ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 68. Л. 3.

⁶ Там же.

⁷ *Белянин А. А. Третий период истории (1818–1867) // Нижегородская духовная семинария. Вехи истории. Нижний Новгород: Издательский отдел Нижегородской епархии при Вознесенском Печерском монастыре, 2010. С. 69.*

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 69.

¹⁰ Там же.

стороны большие долги, которые необходимо погашать, руководство семинарии, в свою очередь, никак не могло себя оправдать в отношении подобных заявлений. Скажем также, что это еще не все проблемы, которые стояли перед Нижегородской семинарией. К экономическим проблемам духовной школы также добавились и внешние неблагоприятные факторы — неурожаи 1840–1841 гг., что также повлияло на ход дальнейших событий¹¹.

Надо сказать, что экономические проблемы и недосмотр за жизнью семинарии в целом со стороны ее ректора архимандрита Иннокентия повлекли за собой и другую не менее важную проблему — ухудшение поведения и общую неуспеваемость учащихся духовной школы. В конечном счете все вышеперечисленное привело к тому, что начатая ревизия со стороны Московской духовной академии в 1840 г., о которой мы упоминали выше, привела к тому, что Нижегородская духовная семинария была переведена из ведения Московской духовной академии в подчинение только что открывшейся Казанской духовной академии¹². Но, как гласит русская поговорка: «Нет худа без добра», и смеем предположить, и даже с уверенностью сказать: не будь всех этих событий в судьбе Нижегородской духовной семинарии, возможно, мы бы теперь и не знали протоиерея А. П. Владимирского как ректора Казанской академии. Во всяком случае, история биографии этой личности развернулась бы, вероятно, совсем иначе, чем она нам знакома, да и судьба самой Казанской духовной академии развивалась бы также совсем в ином ключе, и те, кто учился в ней в бытность ректорства А. П. Владимирского, так бы и не узнали о своем любимом, как они его называли, «тятке и папаше»¹³.

После небольшого отступления вернемся к дальнейшему описанию биографии будущего протоиерея А. П. Владимирского. Как мы уже описали, непростым было время для Нижегородской духовной школы, когда в ней обучался А. П. Владимирский, однако все возникшие препятствия никак не помешали ему окончить духовную семинарию с хорошими показателями, ниже представлен аттестат А. П. Владимирского об окончании Нижегородской духовной семинарии:

«Аттестат об окончании Нижегородской ДС Александра Владимирского¹⁴.

Объявить сего: Александр Владимирский, Нижегородской духовной семинарии 1-го класса Богословия Студент, Лукояновской округи, села Резоватова, умершего Священника Поликарпа Иерофеева сын, имеющий от роду 20 лет, поступил в Семинарию в Сентябре месяце 1836 г., где обучался:

При способностях — весьма хороших
Прилежании — прилежном
Поведении — весьма хорошем
Наукам Богословским
Разумению Св. Писания — весьма хорошо;
Философским — весьма хорошо;
Словесным — весьма хорошо;
Гомилетике — весьма хорошо;
Церковной истории — весьма хорошо;
Церковной археологии — весьма хорошо;
Патристике — весьма хорошо;

¹¹ Там же. С. 68.

¹² Там же. С. 72.

¹³ *Никон (Рялицкий), архиеп.* Митрополит Антоний (Храповицкий) и его время 1863–1936. Нижний Новгород: Издание Братства во имя святого князя Александра Невского, 2003. С. 221.

¹⁴ ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 68. Л. 3.

Каноническому праву — весьма хорошо;
Гражданской истории — весьма хорошо;
и Математике — весьма хорошо.

Языкам:

Греческому — очень хорошо;
Латинскому — очень хорошо;
Еврейскому — очень хорошо;
и Французскому — очень хорошо.

Ныне он, вследствие отношения Его Сиятельства Господина Обер-Прокурора Святейшего Синода к Его Преосвященству, Преосвященнейшему Иоанну, Епископу Нижегородскому и Арзамаскому и Кавалеру, Семинарским Правлением, с утверждения Его Преосвященства, избран для поступления в состав 1-го учебного курса вновь открытой духовной академии. В чем Ему, Владимирскому, и дан Аттестат из правления Нижегородской семинарии за надлежащим подписом с приложением казенной печати Августа 31 дня 1842 г.

Подписались:

Ректор архимандрит Иннокентий
Инспектор иеромонах Димитрий
Эконом Иван Городецкий».

По окончании Нижегородской духовной семинарии в 1842 г. Александр Владимирский поступил в только что открывшуюся «новую» Казанскую духовную академию¹⁵, которую окончил в 1846 г. со степенью магистра богословия¹⁶.

Однако и для того, чтобы приступить к описанию биографического этапа, связанного со студенческой жизнью А. П. Владимирского, необходимо уделить также немного внимания тому, как существовала или, лучше сказать, как начала существовать Казанская духовная академия в то время, когда в ней появился А. П. Владимирский.

Только что открывшаяся Казанская духовная академия изначально располагалась в Кремле на территории Спасского монастыря¹⁷ и провела там «целых два года, т. е. пока в ней учился только первый курс студентов»¹⁸. Далее на непродолжительный срок академия перемещается в дом Мельниковых, что на Проломной улице, здесь она нашла себе приют еще на четыре года¹⁹. И лишь только с 1848 г. она стала располагаться на Арском поле, на том месте, как мы знаем, в здании, где сейчас находится 6-я городская больница.

Как студент этой академии А. П. Владимирский застал время ее первого существования. Скажем несколько слов об учебе в ней ее будущего ректора. Как в духовной семинарии, так и обучаясь в духовной академии, А. П. Владимирский показал себя весьма старательным и прилежным учеником. Преподаватели его хвалили, инспекция даже оставила такую записку о его поведении: студент А. П. Владимирский «весьма скромен и тих, склонен к уединению, точен в исполнении обязанностей»²⁰. За свою аккуратность, прилежание и успехи в учебе уже через год после поступления в академию в 1843 г. студент А. П. Владимирский, наря-

¹⁵ Липанов Е. В. Александр Владимирский // Православная энциклопедия. Т. 9. М., 2001. С. 65.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Знаменский П. В. История Казанской духовной академии за первый (дореформенный) период ее существования (1842–1870). Вып. 1. Казань, 1892. С. 21.

¹⁸ Там же. С. 23.

¹⁹ Там же.

²⁰ ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 143. Л. 4.

ду с другими прилежными учащимися, был избран на должность старшего²¹, т. е. стал дежурным помощником инспектора. Больше же характеризует личность будущего протоиерея тот факт, что он окончил Духовную академию в степени магистра богословия и был оставлен при ней преподавателем, но в степени бакалавра²². По окончании академии А. П. Владимирский вступает в брак с Еленой Яковлевой²³, архивные документы нам говорят, что в этом браке впоследствии родилось семеро детей.

Первый ребенок в семье Владимирских появился через несколько лет супружеской жизни — в 1851 г. родился мальчик, которого назвали Николаем. Следующим ребенком в семье Владимирских была девочка, появившаяся на свет в 1854 г., ее назвали Надеждой. В 1856 г. — мальчик Александр, а через два года, в 1858 г., снова девочка — Вера, которую, как сообщает архивный источник, можно было постоянно видеть вместе с ректором академии. В 1861, 1864 и 1867 гг. семью Владимирских пополняют мальчики: Владимир, Георгий и Сергей. Таким образом, как мы видим, А. Владимирский оставил большое потомство — пятерых сыновей и двух дочерей²⁴. К сожалению, на данный момент нет больше сведений о том, какая судьба ожидала его детей. Но, возможно, нам еще удастся найти нить, связывающую наше время с семьей А. П. Владимирского.

Нам известно, что 16 ноября 1847 г. А. П. Владимирский был рукоположен во священника, получив при этом первую награду — магистерский крест²⁵, немного позднее он становится настоятелем Грузинской церкви в Казани²⁶, оставаясь при этом также преподавателем в духовной академии, здесь он до 1849 г. преподавал канонику, а также греческий и немецкий языки²⁷.

А уже с 1850-х гг. в жизни будущего ректора академии начинается новая веха: 3 сентября 1850 г. священник А. П. Владимирский определен на службу в Императорский Казанский университет профессором философии и богословия²⁸, 16 ноября следующего, 1851 г. он стал настоятелем Крестовоздвиженской церкви в университете²⁹. А уже через восемь лет университетской службы будущий протоиерей А. П. Владимирский становится деканом историко-филологического факультета пока только на четыре года, но впоследствии его вновь и вновь будут назначать на эту должность³⁰. Служба в университете в жизни протоиерея А. П. Владимирского — это, можно сказать, один из этапов его ученой карьеры и собственно самой его судьбы. Во время университетской службы священник А. П. Владимирский, помимо преподавательской деятельности в университете, также занимается и другой деятельностью. Так, с 1852 г. он был благочинным Императорского училища девиц духовного звания, также был членом Временного строительного комитета по исправлению зданий этого училища и за исправную службу, каса-

²¹ ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 142. Л. 1.

²² *Знаменский П. В.* История Казанской духовной академии... Вып. 1. С. 35.

²³ ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 6311. Л. 5.

²⁴ ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 6311. Л. 5.

²⁵ Там же. Л. 1.

²⁶ *Липаков Е. В.* Александр Владимирский. С. 65.

²⁷ *Знаменский П. В.* История Казанской духовной академии... Вып. 2. С. 160.

²⁸ *Терновский С. А.* Историческая записка о состоянии Казанской духовной академии после ее преобразования 1870–1892. Казань: Типография Императорского университета, 1892. С. 3.

²⁹ Там же.

³⁰ Библиографический словарь профессоров и преподавателей Императорского университета (1804–1904). Казань: Типография Императорского университета, 1904. С. 1.

тельно данного учебного заведения, был не раз удостоен внимания императорской фамилии³¹. Также за время основной университетской службы священник Александр Поликарпович дважды замещал ректора университета — летом 1861 и 1862 гг.³², был членом испытательного комитета для приема студентов в университет, а также комитета для испытания кандидатов учительства, за что тоже получил благодарность от лица Попечителя Казанского учебного округа и министра народного просвещения³³.

В 1864 г. священник А. П. Владимирский вновь соприкасается с духовной академией, он утвержден в звании действительного члена академической конференции³⁴. Задача данного инструмента академического управления состояла в том, что он обеспечивал контроль образовательного процесса во всем Казанском округе, что касалось духовного образования.

На фоне активной разносторонней деятельности священника А. П. Владимирского в 1867 г. в знак признательности за труды высшее церковное начальство возводит его в сан протоиерея³⁵, были, конечно, и другие награды будущего ректора еще до вступления им в должность начальника духовной академии, о них мы дадим отдельный перечень.

Что же касается дальнейшей деятельности профессора-протоиерея — в том же 1867 г. его избирают в члены правления Казанской духовной семинарии³⁶, но и это не стало пределом его разносторонней занятости. Также в 1867 г. протоиерей Александр Владимирский становится членом Братства святителя Гурия³⁷. Вновь его ставят членом испытательного комитета до 1869 г.³⁸, после же сего вскоре, как мы знаем, в жизни протоиерея А. П. Владимирского начинается третий период его деятельности и собственно его жизни — в 1871 г. он становится ректором Казанской духовной академии³⁹.

Источники доносят до нас сведения и о том, что в академии студенты прозвали его «папашей»⁴⁰. С чем это связано: здесь может быть дана оценка тем, кто наблюдает за всем происходящим, чем занимался протоиерей А. П. Владимирский в бытность своего ректорства. Как мы уже увидели, что и до своей новой должности протоиерей Владимирский был весьма разносторонне занятой личностью. Когда же высшее начальство постановлением Св. Синода освободило его от всех прежде занимаемых должностей, он все свои амбиции и весь свой энтузиазм направил на развитие высшей Казанской духовной школы. В чем это заключалось?

Начнем с того, что ректор взялся за преподавание сразу двух дисциплин: основного богословия и введения в круг богословских наук⁴¹. Наряду с преподавательской деятельностью ректор-протоиерей участвует в ремонте и строительстве академических зданий, которые начались еще в 1870 г., при ректоре-архимандрит-

³¹ ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 6311. Л. 23.

³² Там же. Л. 24.

³³ Там же. Л. 25.

³⁴ Терновский С. А. Историческая записка о состоянии Казанской духовной академии после ее преобразования 1870–1892. Казань: Типография Императорского университета, 1892. С. 5.

³⁵ ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 6311. Л. 16.

³⁶ Знаменский П. В. История Казанской духовной академии... Вып. 2. С. 160.

³⁷ ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 6311. Л. 26.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же. Л. 29.

⁴⁰ Никон (Рклицкий), архиеп. Митрополит Антоний (Храповицкий) и его время 1863–1936. С. 221.

⁴¹ Липаков Е. В. Александр Владимирский. С. 66.

те Никаноре (Бровковиче), и продолжались до 1873 г., уже при ректорстве протоиерея А. П. Владимирского⁴². С 1886 по 1889 г. в академии также проводились ремонтные работы⁴³. Ректор академии протоиерей А. П. Владимирский во все время проведения ремонтных и строительных работ являлся председателем строительного комитета. Коснемся подробнее этой темы.

В 1870–1873 гг. в академии были проведены следующие работы: построен пристройки в два этажа к зданию академии с восточной и с западной сторон. В восточном крыле академии потом располагалось помещение для больницы и помещение для торжественных собраний. Что же касается пристройки с западной стороны, здесь устроили помещение для квартиры ректора академии и помещение для библиотеки. Также в этот период был проведен капитальный ремонт в центральном здании академии. Было устроено амосовское отопление, проведены ремонтные работы во всем центральном корпусе, в студенческих комнатах и аудиториях. Были сделаны значительные переделки в студенческой столовой и в академической церкви, в ней был постелен паркетный пол, а также в столовой и в церкви поставили новые двери⁴⁴.

А с 1886 по 1889 г. было произведено расширение здания академии также с восточной и с западной сторон, по причине увеличения штата студентов. Пристройки теперь выстроили в три этажа. По сути, за 1886 г. были построены внешние стены настоящего здания академии, остальные два года — с 1887 по 1889 г. — производилась отделка вновь построенных помещений, в которых впоследствии селились студенты академии. За время проведения данных строительных и ремонтных работ ректор академии протоиерей Александр Владимирский был также председателем строительного комитета⁴⁵.

За время своего ректорства протоиерей А. Владимирский возглавляет редакцию журнала «Православный собеседник»⁴⁶ и редакцию журнала «Известия по Казанской епархии»⁴⁷. С 1876 по 1882 г. протоиерей-ректор организует комиссию по объяснению непонятных слов и выражений пророческих книг Священного Писания Ветхого Завета⁴⁸, тем самым Казанская духовная академия помогает русскому Библейскому обществу.

В 1883 г. ректор-протоиерей Александр Поликарпович открывает комитет помощи малоимущим студентам в духовной академии⁴⁹. Данное предприятие указывает нам на проявление отеческой заботы о питомцах академии, возможно, именно поэтому, исходя из того, что у многих студентов академии появились некоторые материальные возможности благодаря своему ректору, они и прозвали его «тятькой и папашей», как мы уже не раз говорили.

⁴² Терновский С. А. Историческая записка о состоянии Казанской духовной академии после ее преобразования 1870–1892. С. 16.

⁴³ Там же.

⁴⁴ ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 6387. Л. 1.

⁴⁵ Терновский С. А. Историческая записка о состоянии Казанской духовной академии после ее преобразования 1870–1892. С. 296.

⁴⁶ ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 6461. Л. 1.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Терновский С. А. Историческая записка о состоянии Казанской духовной академии после ее преобразования 1870–1892. С. 17.

⁴⁹ Там же. С. 311.

Наряду с академической деятельностью, А. П. Владимирский с 1885 г. был заместителем председателя Братства святителя Гурия⁵⁰.

И наконец, это можно назвать вершиной академической деятельности ректора-протоиерея Александра Владимирского в 1889 г. в Казанской духовной академии — ректором совместно с его однокурсником, не менее известным Николаем Ивановичем Ильминским, были открыты миссионерские курсы для лиц, не принадлежащих к духовному сословию⁵¹.

Также необходимо предоставить перечень наград протоиерея ректора А. П. Владимирского:

За время университетской службы:

- магистерский наперсный крест (1846);
- набедренник (1849);
- скуфья (1851);
- камилавка (1857);
- бронзовый наперсный крест в память о Крымской войне 1853–1856 (1858);
- золотой наперсный крест (1861);
- орден св. Анны 3-й степени (1863);
- орден св. Анны 2-й степени (1866);
- возведен в сан протоиерея (1867);
- орден св. Анны с короной (1869).

Помимо вышеупомянутых наград, протоиерей А. П. Владимирский не раз удостоивался благодарности от Его Императорского Величества и государственных чиновников за свои усердные труды.

Награды за время его академического служения:

- орден св. Владимира 4-й степени (15 апреля 1872);
- орден св. Владимира 3-й степени (12 апреля 1875);
- митра из кабинета Его Императорского Величества (16 апреля 1878);
- палица — знак Красного Креста с грамотой (27 марта 1880);
- наперсный крест, украшенный драгоценными камнями из кабинета Его Императорского Величества (18 апреля 1881);
- орден св. Анны 1-й степени (24 марта 1885);
- орден св. Владимира 2-й степени (15 мая 1892)⁵².

После окончания служения ректором Казанской академии в 1892 г. А. П. Владимирский был избран в члены учебного комитета⁵³. Скончался он в 1906 году. Похоронен на Арском кладбище⁵⁴.

Источники и литература

1. *Белянин А. А.* Третий период истории (1818–1867) // Нижегородская духовная семинария. Вехи истории. Нижний Новгород: Издательский отдел Нижегородской епархии при Вознесенском Печерском монастыре, 2010.
2. ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 143.
3. ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 68.

⁵⁰ Там же. С. 17.

⁵¹ Там же. С. 371.

⁵² ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 6311. Л. 1.

⁵³ *Липаков Е. В.* Александр Владимирский. С. 67.

⁵⁴ Там же.

4. ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 6387.
5. ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 463.
6. ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 142.
7. ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 6311.
8. ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 6461.
9. Библиографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета (1804–1904). Казань: Типо-литография Императорского университета, 1904.
10. Знаменский П. В. История Казанской духовной академии за первый (дореформенный) период ее существования (1842–1870). Вып. 1–2. Казань, 1892.
11. Липаков Е. В. Александр Владимирский // Православная энциклопедия. Т. 9. М., 2001. С. 65–67.
12. Никон (Рклицкий), архиеп. Митрополит Антоний (Храповицкий) и его время 1863–1936. Нижний Новгород: Издание Братства во имя святого князя Александра Невского, 2003.
13. Терновский С. А. Историческая записка о состоянии Казанской духовной академии после ее преобразования 1870–1892. Казань: Типография Императорского университета, 1892.

В. И. ГРИГОРОВИЧ — ПРЕПОДАВАТЕЛЬ КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ

Георгиев Павел Валентинович

к. и. н., ведущий библиограф Научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского

E-mail: georgiev.pavel@yandex.ru

Аннотация: В 1854 г. в Казанской духовной академии началось преподавание курса славянской палеографии. Для подготовки учащихся к этому предмету в академию был приглашен профессор Казанского университета филолог-славист В. И. Григорович. В статье рассматривается преподавательская деятельность В. И. Григоровича в стенах Казанской духовной академии. Показана роль Григоровича в формировании интереса к славяноведению среди учащихся академии, выявлены основные моменты его педагогической деятельности.

Ключевые слова: В. И. Григорович; Казанская духовная академия; казанские ученые; слависты; славяноведение; история славяноведения; славянская палеография

V. I. GRIGOROVICH — A TEACHER OF THE KAZAN THEOLOGICAL ACADEMY

Abstract: In 1854, the Kazan Theological Academy began teaching the course of Slavic paleography. To prepare students for this subject, a professor of Kazan University, philologist-Slavic scholar V. I. Grigorovich was invited to the academy. The article examines the teaching activity of V. I. Grigorovich within the walls of the Kazan Theological Academy. The role of Grigorovich in the formation of interest in Slavic studies among the students of the Academy is shown, the main points of his pedagogical activity are revealed.

Keywords: V. I. Grigorovich; Kazan Theological Academy; Kazan scientists; Slavists; Slavic studies; history of Slavic studies; Slavic paleography

Georgiev Pavel Valentinovich, Candidate of Historical Sciences, leading bibliographer of the Scientific Library named after N. I. Lobachevsky

Имя Виктора Ивановича Григоровича (1815–1876) — одного из основателей русского славяноведения, филолога-слависта, профессора Казанского, Московского, Новороссийского университетов — хорошо известно. По отзывам современников, это был преданный науке, немного чудаковатый, но удивительно бескорыстный, по-детски наивный человек. Известный историк Русской Церкви, автор фундаментального труда «История Казанской духовной академии» Петр Васильевич Знаменский так характеризовал Григоровича: «Страстный любитель славянства, профессор-идеалист с младенчески чистой душой»¹.

В свою очередь профессор Казанской духовной академии Иван Яковлевич Порфирьев писал в своих воспоминаниях, что «Виктор Иванович принадлежал к числу тех личностей, одно присутствие которых в высшей степени благотворно»². Известно, что Григорович жертвовал много рукописей в дар Троице-Сергиева мо-

¹ Знаменский П. В. История Казанской духовной академии за первый (дореформенный) период ее существования (1842–1870 гг.). Вып. 2. Казань, 1892. С. 384.

² Там же. С. 386.

настыря, в библиотеку Московской духовной академии. Он был знаком с А. В. Горским (1812–1875), историком Церкви, профессором и ректором Московской духовной академии, коему тоже передавал в дар рукописи³. Много очень ценных книг для славяноведения он в разное время пожертвовал и в библиотеку Казанской духовной академии. В. И. Григорович часто встречался со служителями церкви, любил в задушевной беседе потолковать о православных греческих святынях, об Афоне⁴. Огромное значение Григорович придавал церковнославянскому языку: в нем он усматривал «начала духовного единства, скрепившего разрозненные племена», видел «условие славянской взаимности и стимул к просвещению и общечеловеческому развитию»⁵.

В апреле 2015 г. исполнилось 200 лет со дня рождения Виктора Ивановича Григоровича. Он успел поработать в трех университетах России. Но одним из самых значительных периодов научной деятельности В. И. Григоровича по праву можно назвать казанский период. В Казанском университете В. И. Григорович был профессором кафедры истории и литературы славянских наречий. Здесь им была защищена магистерская диссертация «Опыт изложения литературы словен в ее главнейших эпохах». В 1844–1847 гг. Виктор Иванович Григорович совершил научную командировку по славянским землям, которая имела большое значение в развитии научных связей, содействовала становлению молодой русской славистики, укрепила общеславянские культурные связи. Особенно эта поездка содействовала укреплению русско-болгарских связей. До сих пор в Болгарии чтут память В. И. Григоровича, его именем названы улицы, о нем пишут статьи и монографии. Одним из плодотворных периодов в научной и преподавательской деятельности Григоровича можно назвать время его преподавания в Казанской духовной академии. По словам самого Григоровича, этот краткий период (всего два года) своей деятельности Григорович считал самым лучшим периодом в своей жизни. Здесь даже за такой короткий промежуток времени он обрел множество благодарных учеников, и Казанская академия, по его же словам, стала для него даже ближе, чем университет⁶. Это и неудивительно, поскольку в академии, у Григоровича было гораздо больше слушателей, чем в университете. Притом «слушателей избранных, привычных к труду и научно развитых»⁷.

В 1854 г. при Казанской духовной академии было открыто миссионерское отделение против раскола. Кроме того, по ходатайству архиепископа Казанского Григория при Казанской духовной академии разрешено было Святейшим Синодом издавать духовный журнал «с преимущественным направлением против раскола», получившего название «Православный собеседник». Для изучения истории раскола в Казанскую духовную академию была переведена из Соловецкого мона-

³ Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина: указатель. Т. 1. Вып. 2. М., 1917–1947.

⁴ Агафонов Н. Я. Воспоминание об А. С. Гациском / Н. Я. Агафонов // Из Казанской истории. Казань, 1906. С. 84; Гациский А. С. Воспоминания А. С. Гациского о А. М. Бутлерове, С. В. Ешевском и др. профессорах 1850 годов // Былое из университетской жизни: Лит. сб. к 100-летию Имп. Казан. ун-та. Казань, 1904. С. 110; Корсаков Д. А. Былое из жизни Казанского университета 1856–1860 гг.: Из воспоминаний о прошлом // Былое из университетской жизни: Лит. сб. к 100-летию. Имп. Казан. ун-та. Казань, 1904. С. 174.

⁵ Александров А. И. Виктор Иванович Григорович, профессор славянских наречий. (Страничка из истории Казанского университета). Казань, 1901. С. 19.

⁶ См.: Знаменский П. В. История Казанской духовной академии... Вып. 2. С. 384–386.

⁷ Там же. С. 384.

стыря библиотека рукописей и старопечатных книг⁸. При изложении истории раскола в миссионерском отделении и при полемике с расколом необходимо было пользоваться древними славянскими рукописями и старопечатными книгами⁹.

Для этой цели и было решено начать преподавание в академии курса славянской палеографии. Для ее преподавания в Казанскую духовную академию был приглашен В. И. Григорович. Виктор Иванович принял это приглашение и в течение почти двух лет (1855–1856) преподавал палеографию безвозмездно¹⁰. В сентябре 1855 г. Виктор Иванович приступил к занятиям. Предполагалось, что эти занятия будут занимать лишь 5–6 часов в течение целого года. Однако преосвященный Григорий настоял на том, чтобы славянская палеография читалась в течение целого года по одной лекции в неделю для младшего курса¹¹.

По словам П. В. Знаменского, Григорович «своим одушевлением с первой же лекции завоевал себе полное внимание академической аудитории...»¹².

Каждая лекция Григоровича заключала массу любопытных сведений из совершенно новой для академии научной области, а именно — из области сравнительного изучения славянских наречий. Таким образом, Григорович вышел за рамки узкоспециальной темы, которую он должен был преследовать в своем преподавании¹³. Сохранилась программа, по которой вел преподавание ученый-славист¹⁴. Григорович знакомил слушателей с замечаниями о письменности славян вообще, изучались черты, резы, глаголица и кириллица. Уделялось особое внимание тем вопросам, которые занимали и самого Григоровича, а именно — спорам о глаголице и кириллице, рассмотрению рукописей глаголических и кириллических. Студенты воодушевленно приняли новые знания, прекрасно подготовились и сдали экзамен¹⁵. «Каждый студент отвечал так свободно и обстоятельно, точно читал какую-нибудь публичную лекцию»¹⁶.

Но самое важное, по словам того же Знаменского, заключалось в том, что лекции Григоровича «*послужили к развитию среди студентов интереса и вкуса к изучению памятников славянской письменности и славянства вообще*»¹⁷.

На наш взгляд, это очень важно и говорит о том, что практика славяноведческих исследований необходима для студентов и сегодня. Преподавание Григоровича, по отзывам современников, «сделало новую эпоху»,¹⁸ в научных симпатиях и занятиях студенчества произошел настоящий переворот. Изучение русской и славянской истории выступило на первый план¹⁹.

Об особом интересе к лекциям Григоровича в академии говорит тот факт,

⁸ См.: Порфирьева И. В. Библиотека Казанской духовной академии и ее хранители // В. И. Григорович и развитие славяноведения в России. Казань, 2015. С. 168–177; Манарова Н. И., Мягков Г. П. Соловецкая библиотека как фактор развития славяноведения в Казани // Исследования по русской истории и культуре. Сб. ст. к 70-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова. М., 2006. С. 430–441.

⁹ Порфирьев И. Я. Памяти В. И. Григоровича // Православный собеседник. 1877. Ч. 1. С. 78.

¹⁰ Там же. С. 79.

¹¹ Знаменский П. В. История Казанской духовной академии... Вып. 2. С. 383–384.

¹² Там же. С. 384.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 384–385.

¹⁵ Там же. С. 385.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Сергеев А. В. Исторические взгляды В. И. Григоровича. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1978. С. 13.

¹⁹ Знаменский П. В. История Казанской духовной академии... Вып. 3. С. 279.

что у Виктора Ивановича появилось много учеников. Среди выдающихся воспитанников Григоровича — А. И. Лилов, А. Троянский, Н. Я. Аристов и др. Позже многие из них стали крупными специалистами в области славяноведения. Об одном из них стоит сказать особо. Александр Ильич Лилов (1832–1890) до того заинтересовался преподаванием Григоровича, что в течение года под его руководством успел сделаться настоящим специалистом славяноведения и по окончании курса был рекомендован самим Григоровичем в качестве преемника по кафедре палеографии²⁰. Преосвященный Григорий и ректор Агафангел были рады открытию такого редкого специалиста между воспитанниками самой же академии и отнесли к рекомендации Григоровича с большим сочувствием. Лилов был оставлен при академии бакалавром греческого языка и палеографии²¹.

В академии Григорович оказал влияние еще на одного талантливого ученика — Афанасия Прокопьевича Щапова (1831–1876), впоследствии известного историка и писателя, профессора кафедры русской истории в Казанском университете. Щапов занимался Соловецкой библиотекой, привезенной в академию на последнем году его обучения. В это же время он познакомился с В. И. Григоровичем. Будучи одним из лучших знатоков славянских рукописей, Григорович занимался со Щаповым и позволил ему пользоваться рукописями своего собственного рукописного собрания. Одна из рукописей В. И. Григоровича — «Беседа трех святителей» — потом особенно часто фигурировала в исторических работах Щапова²².

Григорович полюбил академических студентов даже больше своих университетских слушателей, которые мало интересовались его лекциями²³. Он часто приглашал студентов к себе на квартиру для бесед, показывал им сокровища своей библиотеки и делился с ними своими громадными знаниями и учеными пособиями²⁴. Григорович «с удовольствием показывал всем свое собрание редких и дорогих рукописей; в богатой библиотеке его было множество таких книг, какие трудно было достать в другом месте, и он всем позволял пользоваться этими книгами. Много книг очень ценных для славяноведения он в разное время пожертвовал от себя в академическую библиотеку. Он и сам был богатой библиотекой, которою также всегда можно было пользоваться всем и каждому; с обширными и разнообразными сведениями по многим наукам в нем соединялась всегдашняя, неохлаждаемая никакими разочарованиями готовность делиться этими сведениями со всяким человеком. Даже на беглый вопрос о каком-нибудь предмете он не ограничивался простым и кратким ответом, а излагал часто всю литературу этого вопроса; а в ком замечал настоящее расположение к славянской науке, тому не надо было и спрашивать ни о чем: он сам указывал ему, на что нужно обратить внимание в известном вопросе, какие прочитать книги, какие существуют мнения о том или другом предмете...»²⁵. Своих академических учеников Григорович помнил всю свою жизнь. Незадолго до своей кончины в 1876 г. Виктор Иванович с участием вспоминал о них, расспрашивая о судьбе каждого²⁶.

²⁰ Знаменский П. В. История Казанской духовной академии... Вып. 2. С. 34, 385.

²¹ Там же. С. 34.

²² Там же. С. 117.

²³ Там же. С. 386.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

Источники и литература

1. *Александров А. И.* Виктор Иванович Григорович, профессор славянских наречий. (Страничка из истории Казанского университета). Казань, 1901.
2. *Агафонов Н. Я.* Воспоминание об А. С. Гациском / Н. Я. Агафонов // Из Казанской истории. Казань: Литотип. И. Н. Харитонова. 1906. С. 80–99.
3. *Гациский А. С.* Воспоминания А. С. Гациского о А. М. Бутлерове, С. В. Ешевском и др. профессорах 1850-х годов // Былое из университетской жизни: Литературный сб. к 100-летию Имп. Казан. ун-та. Казань: Типография Имп. ун-та, 1904. С. 105–117.
4. *Знаменский П. В.* История Казанской духовной академии за первый (дореформенный) период ее существования (1842–1870 годы). Вып. 1–3. Казань, 1892.
5. *Корсаков Д. А.* Былое из жизни Казанского университета 1856–1860 гг.: Из воспоминаний о прошлом // Былое из университетской жизни: Литературный сборник к 100-летию Имп. Казан. ун-та. Казань, 1904. С. 136–190.
6. *Макарова Н. И., Мягков Г. П.* Соловецкая библиотека как фактор развития славяноведения в Казани // Исследования по русской истории и культуре. Сб. ст. к 70-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова. М., 2006. С. 430–441.
7. *Порфирьев И. Я.* Памяти В. И. Григоровича // Православный собеседник. 1877. Ч. 1. С. 78.
8. *Порфирьева И. В.* Библиотека Казанской духовной академии и ее хранители // В. И. Григорович и развитие славяноведения в России. Казань, 2015. С. 168–177.
9. Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина: указатель. Т. 1. Вып. 2. (1917–1947).
10. *Сергеев А. В.* Исторические взгляды В. И. Григоровича. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1978.

ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ НОВЫХ ЯЗЫКОВ В КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ (1842–1870)

Маклашева Софья Мухаметовна

к. филол. н., доцент кафедры филологии Казанской православной духовной семинарии

E-mail: smaklasheva@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена особенностям преподавания новых языков (немецкого, французского) в Казанской духовной академии (1842–1870). Особое внимание уделено преподавателям, обучавшим студентов новым языкам.

Ключевые слова: Казанская духовная академия; новые языки; преподаватели

PECULIARITIES OF TEACHING NEW LANGUAGES (GERMAN, FRENCH) AT THE KAZAN THEOLOGICAL ACADEMY (1842–1870)

Abstract: The article is devoted to the peculiarities of teaching new languages (German, French) at the Kazan Theological Academy (1842–1870). Particular attention is paid to teachers who taught students new languages.

Keywords: Kazan Theological Academy; new languages; teachers

Maklasheva Sofya Mukhametovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor at the Department of Philology of the Kazan Orthodox Theological Seminary

С самого начала открытия КазДА в 1842 г. среди прочих предметов, согласно действующему Уставу 1814 г., было обязательным изучение иностранных (новых) языков — немецкого и французского. Английский язык не изучался. Преподавание языков имело ряд особенностей: языки не составляли отдельной кафедры, штатные преподаватели не предусматривались, поскольку учебная нагрузка была небольшой: на первом и втором курсах по два часа в неделю. Языковая нагрузка распределялась между преподавателями академии, неплохо владеющими немецким и французским, но не преподавателями языка. На первых порах было всего четыре профессора и четыре бакалавра, и преподавание новых языков делилось между ними. Согласно действующему уставу и сложившейся практике, выпускники духовных академий имели право вести любой предмет, поэтому профессора и бакалавры кафедр философии, патрологии, богословия, словесности, математики и физики могли вести — и вели по совместительству — новые языки. Другая особенность обучения состояла в полном отсутствии каких-либо календарных планов, учебных и рабочих программ¹. Кроме того, все обучение сводилось, как справедливо писал ректор академии архимандрит Иоанн (Соколов), к переводу статей из хрестоматии, причем самостоятельному, грамматика при этом не повторялась, никаких упражнений на введение и закрепление лексического материала не было и в помине. Но все же, как правило, студенты имели неплохой базовый уровень языка, приобретенный в духовных семинариях. На него и опирались преподаватели, в качестве упражнений давая исключительно переводы на русский язык. Но, как и везде, были самородки: так, ректор КазДА архимандрит Иоанн (Соколов) высоко ценил студента Кирилла Мысовского, который окончил астраханскую семинарию и из всего

¹ Афонина Е. В. Преподавание новых языков в КДА // Православный собеседник. 2007. Вып. 1. С. 133.

VIII курса академии выделялся как знаток языков. Участь в академии, он довел знание немецкого и французского до совершенства. Самостоятельно выучил английский язык. Как студент миссионерского отделения изучил арабский язык и великолепно владел татарским. По окончании же курса, как способный и деятельный выпускник, он был определен на кафедру философии, где вел логику и историю философских систем. Таланты, интересы и призвания выпускников никак не учитывались при распределении по кафедрам и предметам.

Первоначально студенты имели право сами выбирать, какой язык — немецкий или французский — им изучать. Но с открытием в 1845 г. классов монголо-калмыцкого и татарского с арабским студенты, выбравшие эти языки для изучения, освобождались от немецкого и французского. Обучением новым языкам, таким образом, были охвачены далеко не все студенты, да и уровень преподавания все же оставлял желать лучшего. Так, в сентябре 1864 г. академию посетил бывший в Казани обер-прокурор Св. Синода граф Д. А. Толстой. Штатный преподаватель кафедры философии Михаил Иванович Митропольский вел класс немецкого языка. Посетив его занятие, обер-прокурор выразил свое явное недовольство растерявшемуся преподавателю, что, к счастью, не имело никаких последствий ни для М. И. Митропольского, ни для академии в целом. Все, конечно, понимали, что уровень преподавания надо поднимать, и каждый по-своему старался что-то для этого делать. Так, первыми преподавателями языков были выпускники Московской академии Николай Васильевич Минервин (немецкий), бакалавр греческого языка и русской истории, и Нафанаил Петрович Соколов (французский), бакалавр кафедры истории философии. Они старались сделать изучение языков интересным для студентов, соединить с курсом лекций по истории немецкой и французской литературы. Но через год на место Минервина (история и греческий язык) был переведен с математики бакалавр Михаил Яковлевич Морощкин, который вел также и немецкий язык с 1846 по 1847 г.

В начале становления академии новые языки вели преподаватели словесности. Изучение языков проводили по произведениям художественной литературы. Немецкий начинали с Шиллера, «завершая при опытности в языке творениями Гете, его бессмертным «Фаустом»². В 1845–1846 гг. блестящий преподаватель бакалавр Семен Иванович Протопопов первым ввел концептуальную научную постановку предмета словесности в академии. Сначала он был занят дополнительно классом немецкого языка, а с 1847 по 1851 г., уже будучи пострижен в монашество с именем Серафим и служа на кафедре патрологии, вел и французский язык. С 1851 по 1856 г. его достойным преемником по кафедре словесности стал Иван Яковлевич Порфирьев, воспитанник Казанской духовной академии, благодаря которому студенты прониклись большим интересом к литературе. Он имел благотворное влияние на академическое студенчество и также вел по совместительству почти пять лет класс французского языка. Но с их уходом подобный курс прекратился — не было найдено поддержки у сменивших их преподавателей.

В 1848 г. кафедра гражданской истории была объединена с кафедрой церковной истории и поручена для преподавания Григорию Захаровичу Елисееву. Он окончил Московскую духовную семинарию и был назначен в 1844 г. бакалавром по русской церковной истории и европейскому языку³. Был известен как кропотливый исследователь, который первым описал историю Казанской епархии, ее святителей и святынь. С 1848 по 1850 г. он вел по совместительству также и не-

² Иван Яковлевич Порфирьев: биографический очерк. Казань, 1890. С. 20.

³ Елисеев Г. З. Воспоминания // Шестидесятые годы. М.; Л., 1933. С. 257.

мецкий язык. За год до него, с 1847 по 1848 г., предмет немецкого языка преподавал бакалавр каноники и библейской истории, один из первых учеников КазДА, блестящий богослов и историк Александр Поликарпович Владимирский. В 1862 г. ему было поручено преподавание логики и психологии⁴. Позднее, уже приняв священнический сан, он становится профессором кафедры православного богословия и деканом историко-филологического факультета Казанского университета⁵.

Эконом академии, бакалавр Яков Васильевич Рудольфов, в качестве штатного наставника был определен читать лекции по библейской истории с патрологией и дополнительно вести класс французского языка, что он и делал с 1856 по 1859 г. Далее немецкий язык по году вели выпускники Казанской академии: с 1853 по 1854 г. воспитанник 1-го курса Иван Петрович Гвоздев, занимавший кафедру истории, с 1854 по 1855 г. Семен Иванович Гремяченский. Именно в 1854 г. была упразднена его кафедра естественных наук. С докторской степенью магистра этот беззаветно преданный своей науке ученый мог остаться без должности. Чтобы как-то нагрузить его, ректор поручил ему вести немецкий язык⁶.

С 1855 по 1856 г. немецкий язык преподавал также воспитанник академии иеромонах Вениамин (Благонравов) с кафедры церковной истории. Будучи с 1854 г. библиотекарем, он выписывал литературу на немецком и французском языках, широко используя ее на занятиях. И, кстати, был первым редактором и цензором журнала «Православный собеседник». В 1856 г. преподавание немецкого языка было поручено ординарному профессору Андрею Игнатьевичу Беневоленскому, штатному наставнику церковной истории. Язык он знал превосходно, но преподавал всего один год, с 1856-го по 1857-й. Увлекаясь изучением литературы на немецком языке, он давал студентам в качестве учебного материала переводы о состоянии богословской науки на Западе. С 1857 г. Беневоленского сменяет другой замечательный преподаватель, основатель научного изучения раскола в академии Иван Михайлович Добротворский. Кроме раскола, он вел и немецкий язык, которым великолепно владел. Пользуясь должностью помощника библиотекаря, много литературы читал на немецком языке, привлекая ее для занятий со студентами. Этот первый выпускник миссионерского отделения стал доктором богословия, профессором Казанской духовной академии и профессором церковной истории Казанского университета⁷.

С 1844 по 1847 г. французский язык преподавал и первый магистр XII курса Московской академии Иван Алексеевич Смирнов-Платонов, ординарный профессор кафедры философии Казанской академии, оказавший огромное философско-образовательное влияние на академическое студенчество. Студенты считали его своим лучшим наставником. Он хорошо владел языками, на французском свободно изъяснялся. Он ставил своей задачей привить студентам умение делать переводы не только с французского на русский язык, но также и с русского на французский, что давалось студентам намного труднее. Эту методику подхватывает и его преемник, превосходный преподаватель математики и физики Михаил Яковлевич Красин (1859–1870). Когда преподавание математики в академии было упразднено и над профессором нависла реальная угроза остаться за штатом, именно знание

⁴ Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета Ч. 1. Казань, 1904. С. 60.

⁵ Царевский А. А. Александр Поликарпович Владимирский, бывший ректор Казанской духовной академии. Казань, 1906. С. 7.

⁶ Знаменский П. В. История Казанской духовной академии за первый (дореформенный) период ее существования (1842–1870). Вып. 1. Казань, 1892. С. 157.

⁷ Зефирова М., прот. Иван Михайлович Добротворский, ординарный профессор Императорского Казанского университета. Казань, 1884. С. 18.

языков выручило его из этой сложной ситуации. Он блестяще владел латинским и французским языками. Класс французского языка он вел дольше всех, более десяти лет, в том числе три года заменяя отсутствующего преподавателя Бересфорда. Михаил Яковлевич занял видное положение в академии, заставил студентов увлеченно заниматься своим предметом, даже в ущерб богословским дисциплинам⁸.

В 1858 г. произошла глобальная перетасовка учебных предметов и перемещение преподавателей с одной кафедры на другую. Как следствие, выходит распоряжение ректора архимандрита Иоанна (Соколова), согласно которому изучение новых языков становится обязательным для всех студентов. Выказывая свое крайнее недовольство низким уровнем обучения языкам, он критикует за то, что студенты учат язык самостоятельно, без грамматики и филологии, по детским хрестоматиям. Так обучались им и сами преподаватели-бакалавры, так они учат и студентов. Ректор предлагает для повышения качества обучения пригласить носителя языка, иностранца⁹.

Его предложение находит всеобщую поддержку, и с января 1859 г. немецкий и французский языки в академии преподает англичанин Перси Бересфорд, фигура, однако, неоднозначная. Хотя он и являлся лектором английского языка в университете, немецкого в Родионовском институте и французского во 2-й Казанской гимназии, был явно перегружен, имея еще много частных уроков. Бересфорд превосходно знал все эти языки, особенно немецкий, но преподавал нерадиво, классы отпуская, часто просто не являлся на занятия, а когда и был в академии, то больше общался со студентами, болтая на посторонние темы, не имеющие никакого отношения к его прямым обязанностям. С 1859 по 1862 г. он уезжает в заграничное путешествие, и языки в академии опять преподают бакалавры. Немецкий язык до 1860 г. вели бакалавр Алексей Степанович Павлов, блестяще читавший в академии курс литургики и канонического права, затем знаток классических языков бакалавр Василий Яковлевич Михайловский. Как уже упоминалось, французский преподавал Михаил Яковлевич Красин, который остался вести язык и после увольнения Бересфорда. Ректор-архимандрит Иннокентий (Новгородов) буквально заставил англичанина написать прошение об увольнении. За многие пропуски занятий и нерадивое отношение Перси Бересфорд в 1864 г. был уволен с должности. Проект с этим носителем языка оказался не столь удачным. Ректор-архимандрит Иннокентий назначает преподавателями языка уже более опытных и ответственных преподавателей академии. С 1864 по 1867 г. немецкий язык преподает Михаил Иванович Митропольский, выпускник Петербургской академии, штатный наставник по кафедре психологии и метафизики, затем кафедры философии. Известен также тем, что впервые ввел исторический метод изложения, который позднее становится общепринятым методом. С 1867 по 1870 г. немецкий язык преподавал Илья Степанович Бердников, который по окончании Казанской духовной академии со степенью магистра занял кафедру литургики и канонического права¹⁰.

В 1869 г. принимается новый академический устав, согласно которому преподавание новых языков должно было быть поручено носителям языка, иностранцам¹¹. Кроме того, в число обязательно изучаемых языков был включен английский

⁸ Михаил Яковлевич Красин, ординарный профессор Казанской духовной академии. Казань, 1880. С. 6.

⁹ *Знаменский П. В.* История Казанской духовной академии... Вып. 1. С. 173.

¹⁰ Памятная книга Казанской духовной академии на вторую половину 1868/1869 учебного года. Казань, 1869. С. 11.

¹¹ *Терновский С. А.* Историческая записка о состоянии Казанской духовной академии (после ее преобразования) 1870–1892. Казань, 1892. С. 89.

язык. Выбора не было: англичанин в городе был один. С 1870 по 1877 г. (до самой своей кончины) английский язык вел уже небезызвестный Перси Бересфорд. С немецким и французским языками дело обстояло намного проще. Немецкий стал вести В. Берг, учитель 1-й гимназии, а французский — Э. Бржимовский, учитель 2-й гимназии. Так, в академии появляются профессиональные преподаватели языков, иностранцы, им удается в какой-то степени, особенно на первых порах, повысить интерес студентов к изучаемому предмету и улучшить качество преподавания. Характерной особенностью в постановке обучения новым языкам была частая сменяемость преподавателей. За период с 1842 по 1870 г. по немецкому языку перебивало 16 преподавателей, 11 из них вели курс языка по одному году, самый большой срок преподавания у Г. З. Елисеева — пять лет. С французским языком дело обстояло значительно лучше: за 28 лет сменилось семь преподавателей, и, соответственно, вели они предмет дольше. Самый трудолюбивый и работоспособный преподаватель академии М. Я. Красин вел французский язык более десяти лет.

Все упомянутые преподаватели Казанской духовной академии не только учили студентов, но учились и сами, обучая других благодаря своим талантам и дарованиям. Им приходилось браться дополнительно не только за преподавание новых языков, но и часто осваивать абсолютно новые специальности и предметы.

Казанская духовная академия с 1842 по 1870 г. вырастила свои кадры, плеяду замечательных богословов, ученых мужей и преподавателей. Выпускники КазДА, такие как И. М. Добротворский, А. П. Владимирский, С. И. Гремячнский, И. П. Гвоздев, И. Я. Порфирьев, И. С. Бердников, А. С. Павлов и иеромонах Вениамин (Добронравов), при большой загруженности своими основными предметами дополнительно вели в своей альма-матер и новые языки.

Источники и литература

1. *Афонина Е. В.* Преподавание новых языков в Казанской духовной академии // Православный собеседник. 2007. Вып. 1. С. 133–137.
2. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета (1804–1904). Ч. 1. Казань: Типо-литогр. ун-та, 1904.
3. *Елисеев Г. З.* Воспоминания // Шестидесятые годы. М.; Л.: АCADEMIA, 1933. С. 247–410.
4. *Журавский А. В., Липанов Е. В.* Казанская духовная академия // Православная энциклопедия. Т. 29. М., 2012. С. 117–134.
5. *Зефиоров М., прот.* Иван Михайлович Добротворский, ординарный профессор Императорского Казанского университета по кафедре церковной истории: некролог. Казань, 1884.
6. *Знаменский П. В.* История Казанской духовной академии за первый (дореформенный) период ее существования (1842–1870 годы). Вып. 1. Казань, 1892.
7. Иван Яковлевич Порфирьев: биографический очерк. Казань: Тип. ун-та, 1890.
8. Михаил Яковлевич Красин ординарный профессор Казанской духовной академии: (некролог). Казань, 1880.
9. Памятная книга Казанской духовной академии на вторую половину 1868/1869 учебного года. Казань: Тип. ун-та, 1869.
10. *Терновский С. А.* Историческая записка о состоянии Казанской духовной академии (после ее преобразования) 1870–1892. Казань: Тип. ун-та, 1892.
11. *Царевский А. А.* Александр Поликарпович Владимирский, бывший ректор Казанской духовной академии. Казань: Центр. тип., 1906.

БИБЛЕЙСКОЕ НАУЧНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ

протоиерей Александр Петрович Павлов

*кандидат богословия, заведующий кафедрой библеистики
Казанской православной духовной семинарии*

E-mail: pavlov@eparhia.ru

Аннотация: Статья посвящена профессорам библейской кафедры Священного Писания Ветхого Завета, чья педагогическая и научная деятельность привела к формированию самостоятельного научного направления ветхозаветной библеистики в Казанской духовной академии и воспитала ученых мировой величины.

Ключевые слова: Казанская духовная академия; П. А. Юнгеров; ветхозаветная библеистика

BIBLICAL SCIENTIFIC DIRECTION IN KAZAN THEOLOGICAL ACADEMY

Abstract: The article is devoted to professors of the biblical department of the Holy Scriptures of the Old Testament, whose pedagogical and scientific activities led to the formation of an independent scientific direction of Old Testament biblical studies at the Kazan Theological Academy and educated world-class scholars.

Keywords: Kazan Theological Academy; P.A. Jungerov; Old Testament biblical studies

Archpriest Alexander Pavlov, Candidate of Theology, Head of the Department of Biblical Studies of the Kazan Orthodox Theological Seminary

В юбилейный для Казанской духовной академии год актуальным представляется обращение к ее богословскому наследию, особенно в свете реформирования современного духовного образования. Преемственность и традиция — вот та основа, на которую, думается, нужно опираться.

До 1917 г. в России существовало четыре академии: Московская, Санкт-Петербургская, Киевская и Казанская. Несмотря на то, что Казанская духовная академия (1842–1921) была образована позже трех других, она явилась важным научным и образовательным центром не только Среднего Поволжья, но всей восточной части дореволюционной России.

В статье уделяется особое внимание библейской кафедре Священного Писания Ветхого Завета, чья педагогическая и научная деятельность привела к формированию самостоятельного научного направления ветхозаветной библеистики в Казанской духовной академии.

Траектория развития библейской кафедры, как и академии в целом, определялась не столько ее руководством, сколько уставом, который за время действия академии менялся четыре раза. Курс лекций по ветхозаветной исагогике и экзегетике велся преподавателями по индивидуальным программам в зависимости от того, какой устав действовал на тот момент в учебной программе.

В соответствии с первым уставом 1818 г. кафедра Ветхого Завета первоначально не была выделена в качестве самостоятельной и существовала в составе единой кафедры Священного Писания и герменевтики, включавшей следующие дисциплины: Священное Писание Ветхого и Нового Завета, библейская история и библейская археология. Предмет Священное Писание занимал в учебном

процессе особое положение. Он являлся практически единственной дисциплиной, увлекавшей внимание студентов в течение всего периода обучения.

Первым преподавателем Священного Писания был архимандрит Серафим (Аретинский) (годы преподавания — 1842–1844). По словам К. В. Харламповича, он был более проповедником, чем экзегетом¹. Его двухгодичный курс Священного Писания на младшем отделении Академии еще не был сформирован и включал в себя все богословские дисциплины: Ветхий и Новый Завет, патрологию и догматическое богословие. Думается, при таком объемном наполнении курса невозможно было остановиться на чем-либо более или менее подробно. За время преподавания архимандрита Серафима (Аретинского) на библейской кафедре под его руководством была выполнена одна работа², защищенная уже после его перехода на кафедру догматического богословия (в 1844).

Следующий преподаватель, Дмитрий Федотович Гусев (год преподавания — 1844), пробыл на кафедре менее двух месяцев и за столь короткое время не мог внести вклад в ее развитие.

Преемник Д. Ф. Гусева, иеромонах Антоний (Радонежский) (годы преподавания — 1844–1851), по словам П. В. Знаменского³, явился первым составителем систематического курса лекций по Священному Писанию в Казанской академии. Его курс Ветхого Завета, прочитанный в 1846–1848 гг., включал введение с подробной характеристикой канона ветхозаветных книг и его истории и краткую характеристику отдельных ветхозаветных книг с толкованием наиболее важных мест, в особенности из книги Бытия, Псалтири и мессианских пророчеств. Лекции иеромонаха Антония носили экзегетический характер⁴, исагогика занимала в них вспомогательное положение. В своих лекциях он чередовал темы по Священному Писанию и библейской археологии, которая не была тогда выделена в самостоятельную дисциплину, но входила в курс Священного Писания. За семь лет его преподавания на кафедре были защищены четыре кандидатские работы, из них две — по Ветхому Завету⁵.

Следующим преподавателем на кафедре был архимандрит Серафим (Протопопов) (годы преподавания — 1851–1854), при котором библейская археология, входившая тогда в предмет Священного Писания, была заменена герменевтикой. К. В. Харлампович называет преподавательский метод архимандрита Серафима аналитическим. Однако в его курсе Ветхого Завета присутствовали как аналитические, так и обзорные лекции, связанные с историей ветхозаветного и новозаветного канона и библейских переводов на различные языки. П. В. Знаменский указывает⁶, что лекции архимандрита Серафима — блестящего мыслителя и оратора — вызвали у студентов особый интерес к предмету.

Иеромонах Григорий (Полетаев) (годы преподавания — 1854–1867) явился первым преподавателем Священного Писания из числа выпускников Казанской академии. В дальнейшем, за исключением иеромонаха Тихона (Клитина), на ка-

¹ Харлампович К. В. Казанская духовная академия новая (1842–1907). Исторический очерк // Православная Богословская энциклопедия. Т. VIII. СПб., 1907. С. 733.

² НА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 651.

³ Знаменский П. В. История Казанской духовной академии за первый (дореформенный) период ее существования (1842–1870 гг.). Вып. 2. Казань, 1892. С. 180.

⁴ Харлампович К. В. Казанская духовная академия новая (1842–1907). С. 733.

⁵ НА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 23; НА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1761.

⁶ Знаменский П. В. История Казанской духовной академии за первый (дореформенный) период ее существования (1842–1870 гг.). Вып. 2. Казань, 1892. С. 183.

фадре преподавали только выпускники Академии. Иеромонах Григорий преподавал на кафедре дольше своих предшественников — тринадцать лет. Помимо Священного Писания, он с сентября 1856 г. читал также герменевтику.

Педагогические взгляды иеромонаха Григория сформировались под влиянием архимандрита Феодора (Бухарева), профессора кафедры Священного Писания в Московской академии, чей перевод в Казанскую академию в качестве профессора кафедры догматики осенью 1854 г. пришелся как раз на период подготовки иеромонаха Григория к преподаванию. Богословские лекции и конспекты отца Феодора, лично переданные им молодому преподавателю, послужили опорой для составления собственного курса.

Как преподаватель кафедры Священного Писания, иеромонах Григорий ввел новый для Казанской академии педагогический метод — «синтетический» (по типологии П. В. Знаменского), рассматривавший Библию как единое целое, как «постепенно развертывающуюся историю божественного домостроительства спасения рода человеческого»⁷. В указанной системе взглядов все библейские книги связаны единой идеей Искупителя. Особое место занимает Псалтирь и, в частности, мессианские псалмы, которые он впервые в Казанской академии рассматривает в совокупности, а также Книги пророков Исаии, Иеремии, Даниила и Осии. В этот период не только меняются стиль и методика преподавания, но и появляются в Казани новые научные труды по Священному Писанию. Исследовательская деятельность иеромонаха Григория (Полетаева) инициировала интерес к науке: на кафедре было защищено три работы, из них две по Ветхому Завету⁸, они были объемны, глубоки и содержали исагогический и экзегетический разделы. Характеризуя этот период, можно говорить о начале формирования самостоятельного библейского научного направления в Казани.

Во втором уставе 1869 г. произошло разделение общей кафедры Священного Писания на две самостоятельные кафедры: Священного Писания Ветхого Завета и Нового Завета. По Уставу 1869 г. Священное Писание Ветхого и Нового Завета были общеобязательными предметами на всех четырех курсах для студентов всех существующих в тот период отделений: богословского, церковно-исторического и церковно-практического.

На кафедру Священного Писания Ветхого Завета был назначен профессор иеромонах Тихон (Клитин) (годы преподавания — 1867–1875).

Выпускник Санкт-Петербургской академии, ученый-богослов, он явился автором первых в Казанской академии развернутых программ по Ветхому Завету. В период его преподавания курсовые работы становятся более объемными и содержательными. Под его руководством было защищено восемь кандидатских исследований по Ветхому Завету. Появляются достаточно основательные исагогико-экзегетические работы о пророческих книгах Софонии и Исаии⁹, первое исследование, связанное с характеристикой переводов Священного Писания¹⁰, и первые, достаточно солидные, научные работы по мессиологии¹¹.

После назначения архимандрита Тихона (Клитина) ректором Самарской духовной семинарии¹² на кафедре практически одновременно начинают препода-

⁷ Харламович К. В. Казанская духовная академия новая (1842–1907). С. 733.

⁸ НА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 24; НА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1773.

⁹ НА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1593. 42 л.; НА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 330. 91 л.

¹⁰ НА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1744. 47 л.

¹¹ НА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 601. 153 л.; НА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1064.

¹² Протоколы заседаний совета Казанской духовной академии за 1875 г. Казань, 1875. С. 124–125.

давать доцент кафедры Священного Писания Нового Завета М. И. Богословский и студент 16-го курса Казанской духовной академии Орест Резанов.

Орест Резанов (годы преподавания — 1875–1877) по окончании Академии зарекомендовал себя талантливым преподавателем и ученым¹³. Его кандидатское сочинение «Климент и Ориген как апологеты христианства» (1876) было отмечено премией Иосифа, митрополита Литовского. Однако реализации такого богатого научного потенциала помешала внезапная смерть. Как преподаватель О. Резанов отталкивается от программ иеромонаха Тихона (Клитина), но выделяет Ветхозаветное введение и Общее введение, которое начинает формироваться именно у него. Расширяются экзегетические разделы, появляются ссылки на современные автору научные (археологические) открытия. Студенческие работы, написанные при нем, поражают своим объемом, порой достигая четырехсот страниц¹⁴.

Михаил Иванович Богословский (годы преподавания — 1875–1879) временно преподавал на кафедре Священного Писания Ветхого Завета. Его программы в целом согласуются с программами иеромонаха Тихона (Клитина), но раздел Общего введения оформляется с учетом авторских подходов. Главной сферой научных интересов М. И. Богословского явилось Священное Писание Нового Завета, но ему принадлежит ряд исследований и по Ветхому Завету: «Идея Царства Божия в Ветхом и Новом Завете» и «Библейское учение о совести. Ветхий Завет». Работы студентов тех лет очень объемны и посвящены анализу исторических книг по нравственно-богословской теме¹⁵. Значение М. И. Богословского для ветхозаветной библеистики состоит в воспитании ученого мировой величины и преемника на кафедре Ветхого Завета — П. А. Юнгера.

Павел Александрович Юнгер (годы преподавания — 1879–1921) уже первой своей научной работой «Учение Ветхого Завета о бессмертии души и загробной жизни» внес вклад в ветхозаветное богословие. Первый период его научной деятельности — экзегетический — приходится на действие Второго устава. Под научным руководством П. А. Юнгера исследуются пророческие книги. Юнгер впервые в истории ветхозаветной кафедры формулирует тему, связанную с соотношением славянского перевода и еврейского текста, а также других древних переводов¹⁶.

Третий устав 1884 г., не затрагивая структуры кафедры, занимаемой П. А. Юнгером, коренным образом изменил учебный план преподавания Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Ветхий Завет¹⁷, преподававшийся ранее на всех четырех курсах, остается только на первом курсе.

По сравнению с предыдущей, в новой программе появляется самостоятельный раздел — экзегетика.

В программах этого периода появляются новые научные аспекты, применяется обобщающий подход, позволяющий не только истолковать избранные пророчества, но и рассмотреть их в ряду других ветхозаветных пророчеств.

В этот период П. А. Юнгер приобретает авторитет ученого европейского уровня, что соответствует тенденции развития науки в Казанской духовной академии последнего десятилетия XIX в. Налаживается взаимосвязь с ведущими уче-

¹³ НА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 6859.

¹⁴ НА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1189. 332 л.

¹⁵ *Богословский М. И. Учение Ветхого Завета о бессмертии души и загробной жизни: дис. ... магистра богословия.* Казань: Тип. Казан. ун-та, 1882. С. 148.

¹⁶ НА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 7404. Л. 1.

¹⁷ НА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 9994. Л. 13.

ными центрами Европы, становится традиционным обмен изданиями с Ватиканской и Лондонской библиотеками, Софийским университетом¹⁸. В заграничные командировки направляются молодые ученые для написания магистерских диссертаций, состоявшиеся исследователи представляют свои идеи на научных конгрессах, работают в архивах и библиотеках европейских университетов, проводят научные исследования. В 1888 и 1889 гг. П. А. Юнгеров предпринимает две заграничные научные командировки: по святым местам Палестины с целью изучения археологии и древнееврейского языка, в Лейпциг и Берлин для слушания лекций по библейской экзегетике известных протестантских ученых-библеистов Делича, Дилльмана, Лютарда, Штаркка, Гутэ¹⁹ и самостоятельных занятий в научной библиотеке Лейпцигского университета²⁰.

Если в середине 80-х г. приоритетной становится историческая проблематика и автор останавливается на пророческих книгах, то после заграничных поездок П. А. Юнгеров обращается к экзегетике, обогащенной библиологией. Научные идеи реализуются в педагогической практике, выходит в свет фундаментальное исследование «Частное историко-критическое введение в священные ветхозаветные книги» (Казань, 1907). Таким образом, П. А. Юнгеров явился первым в русскоязычной богословской традиции создателем обобщающего труда в области ветхозаветной исагогики. В указанный период начинается переводческая деятельность П. А. Юнгера. Появляются первые переводы ветхозаветных книг с текста Семидесяти, осуществленные им совместно с М. И. Богословским.

В студенческих работах в 1886–1900 гг. продолжают исследования пророческих и исторических книг, начинается исследование неканонических книг, более пристальное исследование Пятикнижия Моисея.

По Четвертому уставу 1910 г. была введена вторая кафедра Священного Писания Ветхого Завета.

В период действия Четвертого академического устава (1910–1921) кафедра Ветхого Завета была разделена на две: П. А. Юнгеров был оставлен на первой кафедре, а на вторую кафедру был назначен в звании доцента молодой ученый, его воспитанник — магистр богословия Иван Григорьев.

В 1911 г. место П. А. Юнгера на первой кафедре занимает М. Н. Ершов, а в 1914 г. — Н. Д. Терентьев. П. А. Юнгеров становится сверхштатным профессором. Все они преподавали в академии до самого ее закрытия в марте 1921 г.

П. А. Юнгеров продолжает заниматься исследовательской и просветительской деятельностью: завершает переводы текста Семидесяти всех пророческих книг (1909–1913) и некоторых других. Последней научной работой П. А. Юнгера стал перевод «Пятокнижие Моисеево в греко-славянском и русском переводах, Книга Бытия», который в связи с переворотом 1917 г. остался незавершенным.

С приходом на кафедру Ивана Федоровича Григорьева (годы преподавания — 1910–1921), автора одного из первых трудов по ветхозаветной мессиологии, в работах студентов развивается мессиологическая тематика. И. Ф. Григорьев в своих лекциях делает акценты на мессианских местах и некоторых филологических подробностях еврейского и арабского текстов²¹.

¹⁸ Журавский А. В. Казанская духовная академия на переломе эпох (1884–1921): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 1999. С. 136–139.

¹⁹ Протоколы заседаний совета Казанской духовной академии за 1897 г. Казань, 1898. С. 247.

²⁰ Терновский С. А. Историческая записка о состоянии Казанской духовной академии после ее преобразования (1870–1892 гг.). Казань, 1892. С. 466.

²¹ НА РТ Ф. 10. Оп. 1. Д. 11387. Л. 7–8.

Основными методическими установками И. Ф. Григорьева были изучение библейского текста по греческому переводу Семидесяти и еврейскому масоретскому чтению с использованием в качестве вспомогательных славянского перевода, перевода П. А. Юнгера и русского синодального перевода²².

Еще одной значимой фигурой для отечественной ветхозаветной библеистики стал протоиерей Александр Васильевич Смирнов. Хотя он не был преподавателем кафедры Ветхого Завета в Казанской духовной академии, а преподавал с 1891 г. на кафедре Пастырского богословия и педагогики со званием доцента, научные интересы А. Смирнова выходили далеко за пределы этой сферы, и первое место среди них занимало исследование ветхозаветных апокрифических текстов, что было крайне редким в истории отечественной церковной науки²³. Так, протоиерей Александр Мень называет А. В. Смирнова «одним из основателей русского ветхозаветного апокрифоведения»²⁴.

В завершение доклада отметим, что обращение к педагогическому опыту профессоров кафедры Ветхого Завета Казанской духовной академии, приведшему к формированию самостоятельного научного направления ветхозаветной библеистики, должно восполнить представление об истории духовного образования в Казани. Выпускники кафедры стали выдающимися учеными, проповедниками и богословами, оставив след в истории России.

Трагические события 1917 г. кардинально изменили вектор развития нашей страны и Русской Православной Церкви. Одним мгновением было уничтожено то, что создавалось многими поколениями. Духовное образование в Казани прекратило свое развитие. В 1921 г. окончательно была закрыта Казанская духовная академия. На протяжении 1921–1922 гг. от нищеты, голода и болезней умерли многие профессора Казанской духовной академии, в том числе и П. А. Юнгер.

Несмотря на то, что на пике своего развития, имея большой педагогический и исследовательский потенциал, система духовного образования в Казани прекратила свое существование, тем не менее опыт, накопленный в стенах академии, может быть использован в процессе реформирования современного образования.

Источники и литература

1. *Журавский А. В.* Казанская духовная академия на переломе эпох (1884–1921): дис... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 1999.
2. *Знаменский П. В.* История Казанской духовной академии за первый (дореформенный) период ее существования (1842–1870 гг.). Вып. 2. Казань, 1892.
3. *Мень А. В.* Библиологический словарь. Т. 3: Р–Я. М.: Фонд им. Александра Менья, 2002.
4. НА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1189. 332 л.
5. НА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 7404.
6. НА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 6859.
7. НА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 9994. Л. 13.
8. НА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1744. 47 л.
9. НА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1064.

²² НА РТ Ф. 10. Оп. 1. Д. 11294. Л. 27.

²³ *Журавский А. В.* Казанская духовная академия на переломе эпох (1884–1921): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 1999. С. 213.

²⁴ *Мень А. В.* Библиологический словарь. Т. 3: Р–Я. М.: Фонд им. Александра Менья, 2002. С. 131.

10. НА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1593. 42 л.
11. НА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1761.
12. НА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1773
13. НА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 330. 91 л.
14. НА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 559. 75 л.
15. НА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 601. 153 л.
16. НА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 651.
17. Протоколы заседаний совета Казанской духовной академии за 1875. Казань, 1875.
18. Протоколы заседаний совета Казанской духовной академии за 1897. Казань, 1898.
19. *Терновский С. А.* Историческая записка о состоянии Казанской духовной академии после ее преобразования (1870–1892 гг.). Казань, 1892.
20. *Богословский М. А.* Учение Ветхого Завета о бессмертии души и загробной жизни: дис. ... магистра богословия. Казань: Тип. Казан. ун-та, 1882.
21. *Харлампович К. В.* Казанская духовная академия новая (1842–1907). Исторический очерк // Православная богословская энциклопедия. Т. VIII. СПб., 1907. С. 702–854.

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

ПРОБЛЕМА СОЗНАНИЯ В ТРУДАХ СНЕГИРЕВА В. А. И НЕСМЕЛОВА В. И.

Белов Денис Юрьевич

магистрант 2-го курса Казанской православной духовной семинарии

E-mail: belov-dy@mail.ru

Аннотация: Автор статьи рассматривает, как отображена проблематика вопроса человеческого сознания в трудах двух профессоров: Снегирева В. А. и Несмелова В. И. Особое внимание уделяется самим подходам профессоров в изучении некоторых аспектов душевных явлений и сознания человека.

Ключевые слова: Казанская духовная академия; Снегирев Вениамин Алексеевич; Несмелов Виктор Иванович; сознание; бессознательное; психология; религиозная философия; душа; тело; нервная система; душевное явление; дух; личность

THE PROBLEM OF CONSCIOUSNESS IN THE WRITINGS OF SNEGIREV V. A. AND NESMELOV V. I.

Abstract: The author of the article analyzes how the problematics of human consciousness questions is represented in the works of the two professors: Snegirev V. A. and Nesmelov V. I. Particular attention is paid to the professor's methods in the study of some aspects of mental phenomena and human consciousness.

Keywords: Kazan Theological Academy; Snegirev Veniamin Alekseevich; Nesmelov Viktor Ivanovich; consciousness; unconscious; psychology; religious philosophy; soul; body; nervous system; spiritual phenomenon; spirit; person

Belov Denis Yurievich, 2nd year master's student of the Kazan Orthodox Theological Seminary

Термин «сознание» вошло в употребление в эпоху Просвещения. Рене Декарт¹ (1596–1650) развил учение о сознании в контексте психофизической проблемы. Готфрид Вильгельм Лейбниц² (1646–1716) рассматривал индивидуальное сознание как монаду или как простую субстанцию³. Можно сказать еще, что, следуя за Лейбницем, характеризуя монаду, он говорит о душе и сознании как об одной целой единице. Иммануил Кант⁴ (1724–1804), говоря о наличии сознания, подчеркивает возможность познания мира разным уровнем мышления: рассудком и разумом. Но само понятие сознания как такового просмотреть довольно трудно. Что есть сознание само в себе?

На фоне неясности данного понятия Снегирев предпринимает попытки исследовать сознание, дать характеристику данному явлению в человеке, рассмотреть его границы, найти научные методы его исследования. Профессор Снегирев понимает, что представления о душе не имеют в науке единого согласия и единообразия⁵, потому что душа недоступна к прямому и непосредственному

---

¹ Новая философская энциклопедия. Т. 1. М., 2010. С. 612.

² Там же. Т. 2. С. 386.

³ Жулия Д. Философский словарь. М.: Междунар. отношения, 2000. С. 152.

⁴ Новая философская энциклопедия. Т. 2. С. 209.

⁵ Снегирев В. А. Психология. СПб., 2008. С. 36.

наблюдению, она открывается только в явлениях и в непрерывной связи с телесным организмом⁶.

По мнению профессора Снегирева, психология как научная дисциплина еще должна отыскать и указать предмет и область изучения. Поэтому Снегирев выделяет три важных аспекта о душе:

1. Душа есть особое, отличное от тела начало.
2. Душа есть одна из форм жизнедеятельности организма телесного (как причастность к нервной системе и мозгу), но зависит от организованного тела как вещества.
3. Первооснова вещества, узел и совокупность сознания и явлений, которая не может быть известной человеку по самой природе его познавательной деятельности.

Эти три определения, задают сценарий исследования души человека как объекта. Но есть общий критерий для трех определений, указанных выше, «душа как особое духовное существо или субстанция недоступна к прямому и непосредственному наблюдению»⁷, потому что «открывается только в явлениях, притом в неразрывной связи с телесным организмом»⁸.

Проблема связана с тем, что «наука о душе не есть наука о самой природе души как субстанции». По мысли профессора Снегирева, трудность познания заключается в устройстве нашего же ума и его ограниченности. Существует проблема понимания самой природы души, как аналогично это происходит в естественной науке в постижении субстанции самой материи.

Естественная наука, работая и изучая вещество, не знает его субстанцию. Получается, что наука о веществе не есть наука о сущности вещества. Так и наука о душе не есть наука о природе души. Но подобное положение и незнание о самой душе не позволяет допускать произвольное построение и какое-либо искусственное надумывание о ее природе. Поэтому можно исследовать сами явления, а совокупность этих явлений в некоторой степени даст возможность охарактеризовать сознание, каково оно в явлениях. Следовательно, о сознании возможно говорить только как о феноменах, а не как эквиваленте в субстанциональном смысле.

Также неверно отрицать «субстанциональность и отождествление ее с процессами в нервном веществе или мозге вообще, как это делает психология <...> материалистов»⁹. Якобы душа есть функция нервной системы и всего организма, профессор Снегирев не соглашается с подобным положением и критикует материалистический подход как исчерпывающий. Помимо критики, Вениамин Алексеевич предлагает науке о душе три важных правила в исследовании:

1. Исследовать явления души и выявлять их соотношения, связи и взаимную зависимость.
2. Исследовать, какие физиологические процессы происходят от явлений души и как действуют они на организм телесный.
3. Исследовать основу и причину душевных явлений и как в этом способствует физический окружающий мир.

Выходит, что психология, по Снегиреву, — это наука о душевных явлениях и их взаимных соотношениях, в которой необходимо учитывать отношение

---

⁶ Там же. С. 39.

⁷ Там же. С. 39.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 41.

с физиологическими состояниями организма как последними причинами отражения душевных явлений.

Душевные явления — это ощущения, чувства, идеи, мысли, желания; Снегирев еще их именует идеями. Душевные явления возникают, прекращаются и развиваются по определенным законам (профессор Вениамин Алексеевич Снегирев описал только методы их исследования — физиологический, умозрительный, интроспекционный). Душевные явления влияют друг на друга и на физиологические явления, в том числе и сами испытывают влияние этих последних. Каждое душевное явление не только отображается в сознании, но становится частью сознания как сознаваемое.

Явления воспринимаются им, открываются себе, оставаясь в сознании знающим о себе. То есть на момент ощущения или чувства (как душевного явления) продолжается осознание себя. Поэтому Снегирев подчеркивает сродность душевных явлений самому сознанию. Такая связь играет своеобразную роль ниточки, по которой мы можем проследовать к сознанию, некая неотделимость сознания и душевных явлений.

Душевные явления Снегирев не разделяет на группы, хотя предлагает ко вниманию различные классификации душевных явлений (Александра Бэна, Джона Локка, Иммануила Канта, Вильгельма Вундта, Матвея Михайловича Троицкого), обосновывая ненужность деления на группы тем, что они являются условными и научное определение должно рождаться из «непосредственного наблюдения, без всяких предвзятых идей и теорий»¹⁰.

Жизнь духа, несомненно, начинается с ощущения и поддерживается постоянно притоком ощущений. «Ни одна идея, — пусть это будет самая возвышенная и удаленная от чувственности — идея личности, идея вселенной, мира духовного, божества и т. п., не может осуществляться и возникнуть в духе или сознании человеческого, пока не дана будет значительная сумма ощущений. Если даже эти идеи прирождены готовыми, то возникают они, и получают действительное бытие в духе только через ощущения. Без них невозможно самочувствование и затем самонаблюдение»¹¹ (можно сказать, это весьма веский аргумент в ответе на вопрос кибернетики, почему не может быть искусственного интеллекта).

Переопределив душевные явления термином идеи, как более удобным инструментарием, Снегирев их классифицирует по уровню сложности. Первичные идеи являются малоустойчивыми и временными состояниями сознания как «подготовительные или зародышевые»¹². Если говорить подробнее:

1. Простая первичная идея — первое изменение, родившееся в душе как ощущение, есть превращение в идею.

2. Сложная первичная идея — совокупность как некоторое количество простых идей. Все они неизбежно встречаются между собой и сочетаются. Из-за их сочетания трудно получить в наблюдении чистую «простую идею первичную».

Второго разряда идеи уже являются устойчивыми и постоянными до «известной степени»¹³ как отображение внешней реальности. Третьи же являются отображением единства конкретно чего-то реального, но смоделированного только в сознании. Примером может послужить интеллектуальное конструирование (творчество), все то, что связано с творческими способностями человека. Следо-

¹⁰ Там же. С. 123.

¹¹ Там же. С. 194.

¹² Там же. С. 206.

¹³ Там же.

вательно, можно заключить, что сознание будет таковым, какова его окружающая действительность. Для человеческого сознания необходим опыт (онтологический, опыт бытия, философский, культурно-эстетический, бытовой, опыт существования и выживания).

Мы можем предположить следующее: на молитве сознание должно произвести скачок к более новому, внеопытному, минуя простые и сложные идеи сознания, не опираясь на категории времени и пространства (общими эмпирическими представлениями и опытом), которыми мыслит человек. Такое состояние сознания тоже возможно, но данную проблематику профессор Снегирев не рассматривает.

В определении религиозного сознания он предлагает более моральные аспекты социальной направленности, а в состав идеи личности как часть самосознания¹⁴ входит идея «я». Она является частью духовной субстанции, которая управляет телом. То есть мы видим отсутствие задачи описать сам религиозно-онтологический опыт сознания. Это попытается сделать его ученик Виктор Иванович Несмелов, опираясь уже больше не на инструментарий психологии, а на философско-богословский опыт в апологетическом ключе.

Из всего вышесказанного можно сказать, что самовосприятие или сознание не представляется возможным определить как зарождающееся. Сознание есть факт первичный в человеке и неразложимый.

Виктор Иванович Несмелов, став воспреемником идей и традиций Казанской духовной академии, в том числе и в лице Вениамина Алексеевича Снегирева, о сознании уже не пишет в собственном его значении. Профессор Несмелов рассматривает сознание как имеющее феномены, например, такие как «универсальная форма выражения духа», «сознание как творческий процесс формации психических явлений», «мысль как процесс связи дат сознания», «мысль как процесс формации психической действительности».

По Несмелову, мир сознания есть мир психологической действительности. Таким образом, профессор Несмелов считает область сознательного гораздо шире, чем психологическая наука, которая разделяет сознание на сознательное и бессознательное. Такая форма понимания сознания в психологии удобна в отношении объяснения непонятных психических явлений забвения и воспроизведения. Но профессор критикует это такими словами: «Опущено на хранение в погреб души и воспроизведено, что вытащено из него для употребления»¹⁵.

По мнению профессора, с точки зрения психологов, которые являются сторонниками теории бессознательного, главную роль в забвении «играет нервная система вообще и головной мозг по преимуществу»¹⁶. Но от подобного суждения мы встречаем следующее недоразумение: различие между психическим и физиологическим должно исчезнуть, значит, либо нет души у человека или она не взаимодействует с физическим телом. В таком случае процессы сохранялись бы как простые состояния или комбинации различных состояний в мозговом веществе, а «движение мозгового вещества, пока оно не отмечено явлением сознания»¹⁷.

Мы видим, что у Несмелова характер его труда обретает, в отличие от профессора Снегирева, апологетический характер, и как жанр «Наука о человеке» восходит больше к богословской дисциплине, нежели к психологии или просто философии.

---

¹⁴ Там же. С. 651.

¹⁵ Несмелов В. И. Наука о человеке. Т. 1. СПб., 2000. С. 13.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 14.

Поэтому при исследовании работы профессора Виктора Ивановича Несмелова необходимо учитывать особенность апологетического характера как ответный вызов на проблематику XX в.

Источники и литература

1. *Несмелов В. И.* Наука о человеке. В 2 т. Т. 1. СПб.: Издание Центра изучения, охраны и реставрации наследия священника Павла Флоренского, 2000.
2. *Снегирев В. А.* Психология. СПб.: Общество памяти игумении Таисии, 2008.
3. *Жулия Д.* Философский словарь. М.: Междунар. отношения, 2000.
4. Новая философская энциклопедия. В 4 т. М.: Мысль, 2010.

СВЯТООТЕЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ ГРИГОРИЯ НИССКОГО КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ АНТРОПОЛОГИИ В. И. НЕСМЕЛОВА

Дворецкая Марианна Ярославовна

д. психол. н., профессор кафедры психологии человека Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена

E-mail: 5580007@rambler.ru

Турина Анна Олеговна

аспирант кафедры психологии человека Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена

E-mail: anna.turina.93@mail.ru

Аннотация: В статье приводится анализ антропологических идей святого Григория Нисского в контексте их влияния на учение о человеке В. И. Несмелова. Прослеживается несомненная преемственность взглядов, основанных на едином методе — ориентация на православную догматику и тексты Священного Писания и Предания. Особое внимание в святоотеческом учении уделяется человеческой природе, которая представлена трихотомией — духом, душой и телом.

Ключевые слова: русская религиозная философия; Виктор Несмелов; св. Григорий Нисский; религиозная и философская антропология; христианская философия

PATRISTIC TEACHING GR. NISSKY AS A METHODOLOGICAL BASIS OF ANTHROPOLOGY V. I. NESMELOV

Abstract: The article analyzes the anthropological ideas of St. Gregory of Nyssa in the context of their influence on the doctrine of human V.I. Nesmelova. There is an undoubted succession of views based on a single method — orientation to the Orthodox dogmatics and texts of the Holy Scripture and Tradition. Particular attention in the patristic teaching is paid to the human nature, which is trichotomous — spirit, soul and body.

Keywords: Russian religious philosophy; Victor Nesmelov; St. Gregory of Nyssa; religious and philosophical anthropology; the Christian philosophy

Dvoreckaya Marianna Yaroslavovna, Doctor of Psychology Sciences, Professor at the Department of Human Psychology of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen

Turina Anna Olegovna, Postgraduate at the Department of Human Psychology of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen

Отечественная психология и антропология сегодня представлены множеством научных теорий, имеющих различные методологические основания. В большинстве своем авторы антропологических концепций предлагают усеченный образ человека, рассматривая его с точки зрения естественно-научной или философской парадигмы, не касаясь богословских оснований. Вторая половина XIX — начало XX в. стали периодом расцвета религиозно-философской антропологии, воссоздавшей уникальный образ целостного человека в единстве трех

природ: духовной, душевной и телесной. Данное учение основывалось на догматическом учении Восточно-христианской Церкви. Поэтому вполне естественным было обращение к святоотеческому наследию философа и богослова Казанской духовной академии В. И. Несмелова. В своих трудах, посвященных науке о человеке, он постоянно проводил параллели со святоотеческим учением, на котором основывал свое понимание человека. Несмелов создал интегральную концепцию человека, на стыке трех областей знания — религии, философии и психологии. Рассмотрев человека с точки зрения его глубинной духовной природы, связав основные познавательные процессы с нравственным развитием личности, уделив немалое внимание анализу душевных явлений и раскрыв понятие духа в метафизике жизни, Несмелов строит свою неповторимую христологическую антропологию. Анализ воззрений, оказавших серьезное влияние на антропологическую концепцию Виктора Ивановича, позволяет выявить методологические основания его научных взглядов. Наибольшее влияние на Несмелова оказали творения свт. Григория Нисского — христианского богослова и философа, епископа города Ниссы (335–394 гг. н. э.), догматическую систему которого он детально описал в своей магистерской диссертации «Догматическая система свт. Григория Нисского»¹.

Антропологическому и психологическому аспекту святоотеческого учения свт. Григория Нисского уделяли особое внимание М. Я. Дворецкая, подробно рассмотревшая творения Григория Нисского и других философов и богословов Средневековья, А. А. Даровских, раскрывший учение о синергии в антропологии Григория Нисского, В. М. Лурье, выявивший влияние творений Григория Нисского на развитие святоотеческой психологии и многие другие.

Григорий Нисский был младшим братом Василия Великого и одним из наиболее выдающихся участников тринитарных споров IV в. Его труды разнообразны: нравственные, догматические сочинения, толкования на Священное Писание, проповеди и письма — и все они проникнуты духом диалектики. Центральное место в его творчестве занимает трактат «Об устройении человека».

Первое, на что обращает внимание В. И. Несмелов в своем диссертационном исследовании, раскрывая догматическую систему свт. Григория Нисского, — это попытки богослова объединить философию и религию, сделав философию христианской, а христианство философским. Философия в данном случае становится вспомогательным средством к пониманию христианства и осознанию истинности Божественного откровения. Григорий Нисский использовал метод «диалектики слов», который становится основанием православного мировоззрения и оружием против ересей. Христианская философия и психология раскрывают мировоззрение человека под руководством веры. «Философия исполняет свое истинное назначение только тогда, когда она помогает человеку глубже сознавать истинность божественного откровения, не переиначивая и не искажая его прямого, непосредственного смысла», — писал В. И. Несмелов в своем сочинении «Догматическая система свт. Григория Нисского» о главном принципе святоотеческого учения, который распространялся не только на богословие и философию, но и на антропологию, чем способствовал уникальной интеграции последних². Отождествление Божественного откровения и христианской философии составляет основную мысль учения свт. Григория, оно служит глубоким внутренним основанием его научно-богословских построений.

Самыми выразительными признаками, которые отличают человека от жи-

¹ Несмелов В. И. Догматическая система святого Григория Нисского. СПб., 2000.

² Там же. С. 12.

вотного, свт. Григорий называет разумность и словесность, чем он обосновывает величие и особенное назначение человека, поясняя, что цель человеческой жизни — «изведать все блага жизни и засвидетельствовать могущество Божие и любовь Божию»³. Если обратиться к трудам самого свт. Григория Нисского, то достойна удивления его наблюдательность при описании телесного состава человека, соотношение его с различными способностями души. Так способность человека к слову он отождествляет с рукой, как «телесным орудием, соответственным потребности слова. <...> Природа придала (руки) телу ради слова»⁴. Если бы человек не имел рук, то его лицо было бы подобно животным, поедающим траву, но тогда «как образовался бы у него членораздельный звук, когда устройство рта не было бы приспособлено к потребности произношения», писал Григорий Нисский, «когда же телу дана рука, уста свободны для служения слову»⁵. Слову и уму человека подчиняются органы чувств, приносящие информацию о внешнем мире, «они как входящие в город расходятся по разным местам <...> населенный внутри нас град ума, который посредством чувств наполняет разные входы, и ум, рассматривая и разбирая каждого входящего, размещает по соответственным местам ведения»⁶.

Однако очевидно, что человеческую природу составляет не только разумность и словесность, но и другого рода начало — это тело. При этом они не существуют раздельно и бессвязно, а представляют собой единство двух начал — тела и духа. Дух представляет собой, помимо словесности и разумности, бессмертия и свободное осуществление разумных целей жизни. Рассматривая дух и тело, святитель Григорий Нисский не отрицает их взаимной противоположности, однако указывает на их несомненную внутреннюю связь. Человеческое тело не может непосредственно соединиться с чистым духом. И здесь из дихотомии в своих диалектических рассуждениях свт. Григорий приходит к трихотомии человеческой природы, вводя понятие души как посреднической силы. Чувствующая душа занимает место между материей и духом и соединяет их, «сообщая собой органическому и чувствительному телу жизненную и воспринимающую чувственное силу»⁷. Таким образом, выделяя материальный организм (тело), чувствующую силу (душу) и силу разумную (дух) свт. Григорий раскрывает природу человека в наиболее полной картине, связывая также эти силы с нравственными ступенями совершенства человека, что придает его трихотомии уникальное значение. Так, например, богослов рассматривает тело как необходимую часть для развития разумного начала, с телесным возрастанием человека душа приобретает разумность.

По мнению святителя, невозможно описать природу человека без соотношения ее с Божественным Первообразом. Им часто употребляется сравнение образа Божиего в человеке с зеркалом, которое может затуманиться, разбиться, но и после этого потенциально возможно его приобретение. Так и у человека, искажившего образ Божий, всегда сохраняется потенциальная возможность восстановить его вновь. Правда, для этого человеку необходимо приобрести первозданные свойства ума, не искажающие реальность, как рассудок падшего человека, «оставляющий не изображенными светлые черты добра, отражающий в себе безобразие вещества. <...> Таким образом, совершается происхождение зла, произ-

³ Там же. С. 359.

⁴ Григорий Нисский, свт. Об устройении человека / свт. Григорий Нисский // Творения. Ч. 1. М.: Типография В. Готье, 1861. С. 102.

⁵ Там же. С. 102.

⁶ Там же. С. 106.

⁷ Несмелов В. И. Догматическая система святого Григория Нисского. С. 374.

водимое изъятием прекрасного, (которое) состоит в свойстве с первоначальным благом»⁸. Этим определяется идея направленности развития человека. Свт. Григорий первым, систематизируя святоотеческие представления о первозданном человеке, заложил тем основание для учения о психологической «норме», представленной образом «нового» — первозданного человека. Он считал, что первозданный человек коренным образом, даже телесной природой, отличался от человека после грехопадения.

Также интерес для нас представляют рассуждения Григория Нисского о свойствах человеческой природы, к врожденным («совершенства природы») свойствам он отнес разум и свободу, а к приобретенным («совершенства жизни») отнес чистоту, блаженство, бесстрашие и все, что характеризуется нравственностью. Отсюда он делает вывод, что человек не сразу рожден совершенным, а только лишь со способностью к совершенству, которая может раскрыться только с божественной помощью.

Возвращаясь к концепции человека В. И. Несмелова можно провести четкие параллели с идеями свт. Григория. В первую очередь стоит отметить, что Виктор Иванович вслед за Григорием Нисским развивал идеи объединения философии и религии, добавив к ним науку (т.к. к XIX в. она полностью отделилась от философии), объявив их общественными формами сознания, которые должны взаимодействовать друг другом, а не противостоять.

Следуя трихотомии святого, Несмелов подробно описывает материализм, спиритуализм и душевные явления, их происхождение, с досадой отмечая, что современная психология ограничивает свой объект изучения только лишь психическими (которые ассоциируются с душевными способностями) явлениями, напроочь позабыв о духе. Дух же богослов рассматривает как особую причину психических явлений, а потому большим заблуждением считал исключение его из области психологического знания о человеке.

Всеобщей формой выражения и формации психических явлений Несмелов называл сознание, что тесно переплетается с понятием разума в концепции святителя Григория Нисского. Оба богослова пытались таким образом соединить философию и религию, веру и разум. О чем свидетельствует труд В. И. Несмелова «Вера и знание с точки зрения гносеологии»⁹.

Как и свт. Григорий, казанский философ предполагал постепенное становление душевных явлений и нравственности в соответствии с физическим взрослением, отслеживая таким образом процесс развития психической деятельности, который начинался с внешнего самоопределения в социуме и заканчивался обретением личности, свободной от влияний внешнего мира.

В конце концов Несмелов соглашается, что человек — это несомненный образ Бога, что совершенно противоречит нашему предметному мышлению физического мира, однако дает бесконечную пищу для размышлений и скитаний в волнах противоречий и сомнений.

Главным же принципом святоотеческого учения, который прослеживается как в трудах Григория Нисского, Виктора Несмелова, так и у многих других религиозных антропологов, является ориентация на православную догматику и тексты Священного Писания и Предания. Данный метод лежит в основе создания учения о человеке В. И. Несмелова и объединяет религиозно-философскую антропологию в целом.

⁸ Там же. С. 117.

⁹ Несмелов В. И. Вера и знание с точки зрения гносеологии. Казань, 1913. С. 95.

Таким образом, мы полагаем, что именно догматическая система святителя Григория Нисского и его антропологические взгляды оказали несомненное влияние на становление идей В. И. Несмелова, что позволило ему создать свою собственную науку о человеке, до сих пор представляющую интерес как для психологии, так и для многих других областей знания. Нельзя не отметить также и других мыслителей, идеи которых вдохновили Несмелова, среди них был И. Кант, В. А. Снегирев, митрополит Антоний (Храповицкий) и многие другие. Изучение данного вопроса представляется нам перспективным направлением дальнейшего исследования.

Источники и литература

1. *Григорий Нисский, свт.* Об устройении человека / свт. Григорий Нисский // Творения. Ч. 1. М.: Типография В. Готье, 1861.
2. *Даровских А. А.* Учение о синергии в антропологии Григория Нисского. СПб., 2011.
3. *Дворецкая М. Я.* Концепция человека в религиозно-философском учении Восточно-христианской Церкви эпохи Средневековья: Психологический аспект. СПб.: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2004.
4. *Дворецкая М. Я.* Антропология: история и теория. СПб.: Из-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2004.
5. *Несмелов В. И.* Вера и знание с точки зрения гносеологии. Казань, 1913.
6. *Несмелов В. И.* Догматическая система святого Григория Нисского. Ч. 1–2. Казань, 1887.
7. *Несмелов В. И.* Наука о человеке: Опыт психологической истории критики основных вопросов жизни. Т. 1. Казань, 1898.
8. *Щипина Р. В.* Антропология Григория Нисского в системе византийской культуры: дисс. ... канд. филос. наук: 09.00.13. СПб., 2007.

ПРОФЕССОР КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ П. А. МИЛОСЛАВСКИЙ

иеромонах Иоанникий (Филиппов)

магистрант 1-го курса Казанской православной духовной семинарии

Аннотация: Статья является биографическим исследованием. В ней описывается жизненный путь профессора Казанской духовной академии Милославского Петра Алексеевича, дается характеристика личности, производится анализ его трудов.

Ключевые слова: Милославский; Казанская духовная академия; Соловьев; философия; богословие; преподаватель

PROFESSOR OF KAZAN THEOLOGICAL ACADEMY P. A. MILOSLAVSKY

Abstract: The article is a biographical research. It describes the life of professor of the Kazan Theological Academy of Miloslavsky Peter Alekseevich, characterizes the personality and analyzes his works.

Keywords: Miloslavsky; Kazan Theological Academy; Solovyov; philosophy; theology; teacher

Hieromonk Ioannikij (Filippov), 1st year master's student of the Kazan Orthodox Theological Seminary

Жизненный путь П. А. Милославского

Петр Алексеевич Милославский — русский философ и богослов, представитель духовно-академической философии, преподаватель Казанской духовной академии.

Петр Алексеевич Милославский родился в Самарской губернии в 1848 г. Достоверных источников о семье, в которой родился философ, нет. Известно, что он учился в Самарской духовной семинарии, по окончании которой в 1868 г. поступил в Казанскую духовную академию. Курс, где он учился, замечателен тем, что был современником последнего преобразования академии¹.

В первые два года (с 1868 по 1870 г.) Петр Алексеевич Милославский учился по старому уставу и успел прослушать полный курс физики и математики, а два последних года (с 1871 по 1872 г.) — по новому уставу на богословском отделении. Изучение естественных наук и богословия позволили ему сформировать религиозное мировоззрение, основанное на научной основе.

Из речей, произнесенных на похоронах П. А. Милославского, видно, что во время студенчества он показал блестящие знания в области метафизики и доказал свою способность к преподаванию этой науки, потому что был знаком не только с философией, но и усердно занимался естествознанием.

В 1872 г. П. А. Милославский блистательно закончил обучение в Казанской духовной академии. Уровень знаний, полученных во время учебы, был настолько велик, что Петр Алексеевич Милославский после защиты магистерской диссертации был оставлен в академии для преподавания на вновь открывшуюся в то время кафедру метафизики. Сначала он был принят к служению приват-доцентом, а потом после защиты им магистерской диссертации в феврале 1874 г. — доцентом.

¹ Две преждевременные кончины // Православный собеседник. 1884. Т. 1. С. 419.

Для повышения квалификации академия выделила ему средства на обучение за границей. В августе 1874 г. он был отправлен на год за границу для лучшего ознакомления с метафизикой и ее положением в германских университетах.

Во время своего пребывания за границей он слушал в Геттингенском университете лекции немецкого философа-спиритуалиста Рудольфа Германа Лотце, который одновременно был врачом, психологом и естествоиспытателем. На своих курсах Лотце пытался согласовать данные естественных наук со своим религиозно-идеалистическим мировоззрением, что оказало существенное влияние на философские взгляды П. А. Милославского.

На формирование мировоззрения П. А. Милославского оказали влияние взгляды профессора философии Геттингенского университета Юлиуса Баумана, который был эклектиком, сочетавшим в своих воззрениях субъективный идеализм с элементами материализма.

Для повышения своей квалификации П. А. Милославский посещал лекции историка и философа Отто Каспари в Гейдельбергском университете. Отто Каспари был представителем критического эмпиризма, который подчеркивал разницу между субъективным и объективным познанием мира, в то же время утверждал возможность их примирения.

П. А. Милославский с усердием исследовал учения немецких философов не только по их трудам, но и путем личного посещения курсов лучших представителей западной философской мысли. Посещение этих курсов и критический анализ направлений и школ философской мысли в Германии позволили ему получить большую пользу в познании метафизики².

В августе 1875 г. Петр Алексеевич Милославский возвратился в Казанскую духовную академию с богатым запасом знаний и стал преподавать одну из самых трудных наук человеческого знания — метафизику. В это время наметилась тенденция признания метафизики как науки, отжившей свой век, о чем он пишет в своей работе «Типы современной философской мысли в Германии». Однако Милославский пытался рассеять предубеждения против метафизики, пытаясь воссоздать ее на началах, сообразных новым научным требованиям и открытиям в области опытных наук³.

Кроме обогащения себя запасом знаний, за границей П. А. Милославский научился ценить свои силы и средства, выработал свой взгляд на предмет и задачу философии.

Во время своего пребывания за границей П. А. Милославский заболел. После возвращения на родину его болезнь стала развиваться. П. А. Милославский болел в течение многих лет. В последние три года болезнь Петра Алексеевича проявилась настолько, что уже никто не сомневался в близкой его кончине. Он пытался победить недуг, используя разные методы лечения. Известно, что Милославский неоднократно приезжал летом на кумысолечение в Уфу по приглашению архиепископа Никанора, который был с 1876 по 1883 г. главой Уфимской епархии⁴.

А. П. Соловьев отмечает, что заочное и очное общение П. А. Милославского и Никанора продолжалось долгие годы, вплоть до кончины первого в 1884 г.⁵

² Речи, сказанные при гробе усопшего доцента академии Петра Алексеевича Милославского, 20 марта 1884 года (Речь профессора И. С. Бердникова) // Православный собеседник. 1884. Т. 1. С. 427.

³ Там же. С. 427.

⁴ Зефилов А. А. Мои воспоминания о преосвященном Никаноре за время его пребывания на Уфимской кафедре (1877–1884 гг.) // Странник. 1893. Т. 3. С. 721.

⁵ Соловьев А. П. Идеиное наследие архиепископа Никанора (Бровновича) (1826–1890) и философская мысль Казанской духовной академии последней четверти XIX — начала XX века // Христианское чтение. 2016. № 1. С. 23.

Милославский был студентом в то время, когда архимандрит Никанор возглавлял Казанскую духовную академию в должности ректора (1868–1871)⁶, и, конечно же, посещал курс богословия, который в то время преподавал архимандрит Никанор. В трудах П. А. Милославского, по мнению А. П. Соловьева, можно обнаружить прямое признание выдающихся заслуг архиерея в сфере богословия, философии, педагогики и гомилетики⁷, что свидетельствует о его влиянии на формирование мировоззрения П. А. Милославского, который так же, как и его учитель, пытался объяснить бытие, опираясь на научный и чисто рациональный метод научного познания. О таком подходе архимандрита Никанора к объяснению религии писал исследователь истории Казанской духовной академии П. В. Знаменский⁸.

В своей работе «Основания философии как специальной науки» Милославский неоднократно ссылается на книгу архиепископа Никанора «Позитивная философия и сверхчувственное бытие», в которой последний показывает взаимосвязь части и целого⁹. При пояснении концептивных ощущений П. А. Милославский опять обращается к работе своего учителя и отмечает его роль в определении внутреннего душевного чувства как одного из принципов философии¹⁰.

Осенью 1883 г. он перестал посещать академию, оставил академическую службу из-за болезни. Перед смертью он жил в кругу семьи и родных. По словам матери, перед смертью П. А. Милославский молился духом, так как не мог произносить слова молитвы. Болезнь Милославского была мучительной, поэтому он просил читать молитвы, которые читаются «при разлучении тела с душой». Следовательно, он просил у Бога быстрее разрешиться от тела, которое причиняло ему сильнейшие страдания. Он мечтал соединиться со Христом, обещавшим всем приходящим к нему успокоение.

Петр Алексеевич Милославский умер 18 марта 1884 г. в лучшую пору плодотворной деятельности. Ему было всего 36 лет. Он погребен на Арском кладбище города Казани¹¹.

У Петра Алексеевича Милославского была супруга Екатерина Ивановна, урожденная Порфирьева. После себя он оставил двоих детей, один из которых родился через неделю после его смерти. Жена его умерла спустя три недели (9 апреля 1884 г.) после смерти Петра Алексеевича, оставив двух малолетних детей сиротами¹².

Его смерть не была неожиданностью, но в его лице академия потеряла очень ценного сотрудника. Заупокойная литургия и отпевание были совершены 20 марта 1884 г. в академической церкви самим Высокопреосвященнейшим Палладием, архиепископом Казанским, что говорит об уважении к личности Петра Алексеевича Милославского.

Характеристика личности П. А. Милославского

О личности П. А. Милославского можно судить, основываясь на речах, произнесенных его сослуживцами и учениками на его похоронах. Практически все

⁶ Там же. С. 8.

⁷ Там же. С. 10.

⁸ Знаменский П. В. История Казанской духовной академии за первый (дореформенный) период ее существования (1842–1870 годы). Вып. 2. Казань, 1891. С. 244

⁹ Никанор (Бровкович), архиеп. Позитивная философия и сверхчувственное бытие. Т. 1. СПб., 1875. С. 70–85.

¹⁰ Милославский П. А. Основания философии как специальной науки. Т. 1. Казань, 1883. С. 288.

¹¹ Казанское Арское кладбище. [Электронный ресурс]. URL: <https://drevo-info.ru/articles/13672071.html> (дата обращения: 12.11.2017).

¹² Две предвременные кончины // Православный собеседник. 1884. Т. 1. С. 420.

выступающие отмечали положительные стороны его личности, характеризовали его как человека верующего, порядочного, умного, целеустремленного.

Прощальную речь на похоронах П. А. Милославского после литургии произнес архимандрит Антоний, выступали также профессор И. С. Бердников, ректор семинарии, протоирей Н. Каменский, священник М. Бажанов, профессор Н. Ивановский, студенты Преображенский, Смирнов и другие.

П. А. Милославского называют человеком разума и высокого философского развития. Он, по мнению архимандрита Антония, «хладнокровно мог смотреть в глаза смерти, но, будучи вместе с тем и человеком верующим, он более всякого другого понимал, что философское равнодушие не имеет ничего в себе положительного, а что истинная жизнь дается духу человеческого только Богом личным и живым и что истинное блаженство заключается только в личной жизни духа человеческого в этом и с этим живым Богом»¹³.

Сотоварищи характеризовали его как прекрасную личность, его глубоко уважали и любили коллеги и ученики. Сослуживцы и ученики отмечали высокий нравственный облик Милославского. Профессор Бердников, выступавший с речью на похоронах философа, говорил, что П. А. Милославский «был одним из достойнейших деятелей на поприще науки и преподавания, человеком глубоких религиозных убеждений и высоких нравственных правил». Он характеризует его как человека «выдержанного, настойчиво идущего к поставленной цели», отмечает его скромность, искренность и простоту отношений. По мнению профессора Бердникова, философ «не любил и не допускал фальшь в отношениях, был хорошим семьянином и другом». Бердников отмечает благородство его вкусов и привычек. По его словам, «академия имела утешение видеть в тебе одного из достойнейших деятелей на поприще науки и преподавания»¹⁴.

Петра Алексеевича Милославского как человека верующего, умного и высоконравственного характеризовал и священник Бажанов, который выступал на его похоронах. По его словам, в Милославском «сочетались глубокая христианская вера, высокая христианская нравственность и наука»¹⁵.

Профессор Ивановский отмечал, что Милославский, «вскормленный и вспоенный в недрах Церкви и на средства Церкви, явился ревностным слугою и неустанным борцом за высшие научные идеи, с коими тесно связаны коренные начала религии»¹⁶. Он отмечает честный, добрый, спокойный и благородный характер философа, его непоколебимое христианское мировоззрение.

Талант П. А. Милославского как преподавателя, глубину знаний, самостоятельность рассуждений и умение доказывать свое видение мира отмечал ректор духовной семинарии протоирей Н. Каменский, по его мнению, Милославский мог ответить на все вопросы своих учеников. Он не просто читал лекции, а обсуждал философские вопросы со студентами, выводы своих учеников к правильным выводам. Он не слепо верил в учения известных философов, а выражал собственное видение той или иной философской проблемы, смело выражал свое несогласие с мнением других, если понимал их неверность. Он выражал

¹³ Речь архимандрита Антония, сказанная на литургии пред погребением П. А. Милославского // Православный собеседник. 1884. Т. 1. С. 425.

¹⁴ Речи, сказанные при гробе усопшего доцента академии Петра Алексеевича Милославского, 20 марта 1884 года (Речь профессора И. С. Бердникова) // Православный собеседник. 1884. Т. 1. С. 428.

¹⁵ Речи, сказанные при гробе усопшего доцента академии Петра Алексеевича Милославского, 20 марта 1884 года (Речь священника М. Бажанова) // Православный собеседник. 1884. Т. 1. С. 435.

¹⁶ Речи, сказанные при гробе усопшего доцента академии Петра Алексеевича Милославского, 20 марта 1884 года (Речь профессора Н. Ивановского) // Православный собеседник. 1884. Т. 1. С. 430.

«свои думы и мысли твердо, доказывал их со свойственной ему зрелостью мысли, мерностью в слове и силе выражения и одушевления». Н. Каменский отмечает, что «вдумчивость, углубленность в вопрос, изучение его во всех видах его решения и самостоятельное суждение о нем — была основной чертой его отношения к философии»¹⁷. По мнению Каменского, П. А. Милославский «утверждал единство воззрений и практики жизни, которое у многих философов чистой мысли и правого научного слова расходилось»¹⁸.

Все выступавшие отмечали то, что Петр Алексеевич Милославский служил для своих сослуживцев и учеников достойным примером для подражания, примером гражданского мужества и ревности о благе Церкви и общества.

Преподавательская и творческая деятельность Милославского

Петр Алексеевич был одним из наиболее талантливых и выдающихся преподавателей Казанской духовной академии. В течение своей сравнительно недолгой службы при академии (чуть более 10 лет) он успел составить себе завидную репутацию не только как преподаватель, но и как трудолюбивый и самостоятельный ученый и как оригинальный мыслитель, выработавший мирозерцание строго научное и в то же время вполне православное.

Его ученики отмечают, что в процессе обучения П. А. Милославский часто касался религиозных истин, вводил их в свою науку и защищал. Он давал знания, касающиеся метафизики, которая была для учеников новой, поэтому давалась трудно. Он умел доходчиво объяснять ученикам многие метафизические понятия и термины, которые были им непонятны.

П. А. Милославский учил своих студентов собирать и изучать все лучшие знания прошлых философов и делать выводы. Он говорил: «Наша наука должна быть итогом всех истинных знаний, а потому мы должны не разрушать труды своих предшественников, а пользоваться лучшими их трудами и таким образом постепенно, один за другим, общими усилиями созидать здание новой своей науки»¹⁹. Следовательно, он был сторонником созидательной философии, стремящейся найти истину, основываясь на прошлом опыте.

Помимо исполнения своих прямых обязанностей в Казанской духовной академии, философ-богослов уделял значительное внимание и вопросам общественной жизни. Он увлекался разными техническими изобретениями нового времени, поэтому мог вести беседы на разные темы и собеседникам всегда было интересно с ним общаться.

П. А. Милославский живо интересовался новыми открытиями в области человеческого знания, всякими крупными явлениями общественной и церковной жизни. Нередко он сам отсылался на эти вопросы в печати, при этом он выступал против материалистического понимания светской журналистики, разоблачал фальшь и подлоги, к которым иногда прибегали поклонники этого направления для достижения своих целей. Он видел источник и школу отрицательного направления светской журналистики, так как видел этот источник во время своего заграничного путешествия. Он не боялся нападок за свои разоблачения со стороны фанатиков отрицательного направления и не щадил своих сил на борьбу с ними.

¹⁷ Речи, сказанные при гробе усопшего доцента академии Петра Алексеевича Милославского, 20 марта 1884 года (Речь ректора семинарии протоирея Н. Каменского) // Православный собеседник. 1884. Т. 1. С. 433.

¹⁸ Там же. С. 433.

¹⁹ Речи, сказанные при гробе усопшего доцента академии Петра Алексеевича Милославского, 20 марта 1884 года (Речь священника М. Бажанова) // Православный собеседник. 1884. Т. 1. С. 437.

Статьи его по различным философско-богословским вопросам печатались в журналах «Православный собеседник» и «Православное обозрение».

В начале своей преподавательской деятельности П. А. Милославский издал свой магистерский труд по вопросу о бессмертии, который внес значительный вклад в разработку одного из труднейших богословско-философских вопросов. Его кандидатская диссертация «О возможности распространения человеческого познания на предметы, относимые в реально-позитивной школе к области полного незнания либо непостижимого» вызвала самые полезные резонансы.

В феврале 1873 г. он защищал магистерскую диссертацию «Древнее языческое учение о странствованиях и переселениях душ и следы его в первые века христианства». В своей работе о переселении душ П. А. Милославский критикует учения о переселении душ. По мнению философа, «идея о переселении душ возникла из простого представления существования бессмертной души среди тленной и преходящей материи и служила выражением простого и естественного факта материальных изменений и превращений»²⁰.

По мнению философа, несостоятельность таких учений доказывает приход на землю Сына Божиего, который взял все грехи человечества на себя, будучи безгрешным, и соединил душу и тело человека в надежде на воскресение. Христианское учение о сотворении мира и чаяния о воскресении мертвых, по мнению богослова, исключает всякую идею переселения душ.

Один из современных исследователей религии и психологии Ю. М. Зенько отмечает, что эта работа П. А. Милославского представляет собой критический анализ языческих воззрений о бессмертии души, которая «написана настолько подробно и доходчиво, что может служить и теперь своеобразным учебником против современной теософии и подобных учений, придерживающихся учения о реинкарнации»²¹.

Результатом его стажировки за границей стала вышедшая в 1876 г. книга «Типы современной философской мысли в Германии». В этой работе П. А. Милославский отмечает, что особенностью современной философской мысли в Германии является признание философии как дела чистого разума, чистой мысли, не возмущенной ничем земным²². В своей работе он особое внимание уделяет метафизике как самостоятельной науке.

Значительный вклад в развитие философии внес труд П. А. Милославского «Закон сохранения силы и душевные явления», в котором он критикует гипотезу о единстве душевного и механического. По его мнению, «отождествлять душевные явления с механическими, или сводить одни из них на другие по закону сохранения, и теоретически, и эмпирически есть абсурд, метафизическая нелепость»²³.

В 1879 г. в двух номерах журнала «Православное обозрение» печатается статья П. А. Милославского «Позднее слово о преждевременном деле», где он дает анализ работы архиепископа Никанора. По мнению П. А. Милославского, труд владыки Никанора отличается оригинальностью и глубиной свободной мысли. По его мнению, владыка Никанор успешно решает возможность познания сверхчувственного, обосновывая эту возможность путем введения понятия «внутрен-

²⁰ Милославский П. А. Древнее языческое учение о странствиях и переселении душ и следы его в первые века христианства // Православный собеседник. 1873. Ч. 1. С. 437.

²¹ Зенько Ю. М. Трехвековой диалог психологии и религии в России // Христианское чтение. 2000. № 19. С. 115.

²² Милославский П. А. Типы современной философской мысли в Германии // Православный собеседник. 1876. Т. 1. С. 199.

²³ Милославский П. А. Закон сохранения силы и душевные явления // Православное обозрение. 1877. Т. 3. С. 315.

нее душевное чувство», которое расширяет само понятие о чувственном. Милославский соглашается с владыкой Никанором в том:

- что истинное знание и истинное бытие — это бытие идеальное;
- что в онтологическом плане это подтверждается тем, что в мироздании есть или конкретное бытие, или абсолютное бытие, или абсолютное небытие;
- что конкретное бытие представляет собой бытием идеальных эйдос-единиц, которые являются результатом самоограничения абсолютного бытия абсолютным небытием²⁴.

Конечным результатом научных изысканий П. А. Милославского стал труд «Основания философии как специальной науки»²⁵. В своем основном труде П. А. Милославский дает общую оценку философии в жизни человека, характеризует происхождение и значение философии, касается истории философии, определяет ее предмет и место в природе, определяет основные задачи философии, ее отношение к другим наукам и другие важные вопросы.

Труд представляет собой серьезную попытку построения метафизики по новому методу, принятому точным знанием. К сожалению, труд не был закончен, но несмотря на это, привлек внимание академии и был удостоен Советом Казанской академии Макариевской премии.

Источники и литература

1. Две преждевременные кончины // Православный собеседник. 1884. Т. 1. С. 418–420.
2. Зенько Ю. М. Трехвековой диалог психологии и религии в России // Христианское чтение. 2000. № 19. С. 82–164.
3. Зефиоров А. А. Мои воспоминания о преосвященном Никаноре за время его пребывания на Уфимской кафедре (1877–1884 гг.) // Странник. 1893. Т. 3. С. 718–725.
4. Знаменский П. В. История Казанской духовной академии за первый (дореформенный) период ее существования (1842–1870 годы). Вып. 2. Казань, 1892.
5. Казанское Арское кладбище. [Электронный ресурс]. URL: <https://drevo-info.ru/articles/13672071.html> (дата обращения: 12.11.2017).
6. Милославский П. А. Древнее языческое учение о странствиях и переселении душ // Православный собеседник. 1873. Ч. 1. С. 261–437.
7. Милославский П. А. Закон сохранения силы и душевные явления // Православное обозрение. 1877. Т. 3. С. 275–318.
8. Милославский П. А. Наука и ученые люди в русском обществе (по поводу толков, возбужденных г. Михайловским и проф. Цитовичем) // Православный собеседник. 1879. Т. 1. С. 111–149.
9. Милославский П. А. Основания философии как специальной науки. Т. 1. Казань, 1883.
10. Милославский П. А. По поводу народного издания «Жизнь Иисуса» Штрауса в Германии и Франции» // Православный собеседник. 1876. Т. 1. С. 77–88.
11. Милославский П. А. Позднее слово о поврежденном деле // Православное обозрение. 1877. Т. 3. С. 275–318.
12. Милославский П. А. Современная ученость и христианство // Православное обозрение. 1877. Т. 1. С. 111–151; Т. 3. С. 544–573.
13. Милославский П. А. Современное учение о субстанциях // Православный собеседник. 1875. Т. 2. С. 401–421.

²⁴ Милославский П. А. Позднее слово о преждевременном деле // Православное обозрение. 1879. Т. 1. С. 275–318.

²⁵ Милославский П. А. Основания философии как специальной науки. Т. 1. Казань, 1883.

14. Милославский П. А. Типы современной философской мысли в Германии // Православный собеседник. 1876. Т. 1. С. 243–242.

15. Никанор (Бровкович), еп. Позитивная философия и сверхчувственное бытие. Т. 1. СПб., 1875. С. 70–85.

16. Речи, сказанные при гробе усопшего доцента академии Петра Алексеевича Милославского, 20 марта 1884 года // Православный собеседник. 1884. Т. 1. С. 426–449.

17. Речь архимандрита Антония, сказанная на литургии пред погребением П. А. Милославского // Православный собеседник. 1884. Т. 1. С. 421–425.

18. Соловьев А. П. Идеиное наследие архиепископа Никанора (Бровковича) (1826–1890) и философская мысль Казанской духовной академии последней четверти XIX — начала XX века // Христианское чтение. 2016. № 1. С. 8–33.

В. И. НЕСМЕЛОВ И СОВРЕМЕННОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ БОГОСЛОВИЕ

Шапошников Лев Евгеньевич

*д. филос. н., профессор, заведующий кафедрой философии и теологии,
президент Новосибирского государственного педагогического университета
им. К. Минина*

E-mail: rector@nnsu.ru

Аннотация: В статье анализируются богословско-антропологические взгляды профессора Казанской духовной академии В. И. Несмелова. Отмечается, что он предложил новый метод богословия, идущий от человека к Богу. Рассматривается оценка идейного наследия профессора представителями современного богословия Русской Православной Церкви.

Ключевые слова: философия; богословие; патристика; Бог; человек; мир; духовная истина; жизнь

V. I. NESMELOV, AND MODERN ORTHODOX THEOLOGY

Abstract: The article analyzes the theological and anthropological views of the professor of the Kazan Theological Academy V. I. Nesmelova. It is noted that he proposed a new method of theology, going from person to God. The estimation of an ideological heritage of the professor by representatives of modern theology of the Russian Orthodox Church is considered.

Keywords: philosophy; theology; patristics; God; man; peace; spiritual truth; a life

Shaposhnikov Lev Evgen'evich, Doctor of Philosophy Sciences, Professor, Head of the Department of philosophy and theology, President of the Novosibirsk State Pedagogical University named after K. Minin

Духовно-академическая философия достигает наивысшей ступени своего развития в конце XIX — начале XX в. Именно тогда особенно ярко обнаруживается оригинальность взглядов представителей этого течения. Достаточно назвать имя профессора А. И. Введенского, более двадцати лет возглавлявшего кафедру философии в МДА, в этой же академии работали П. А. Флоренский и М. М. Тареев, наконец, профессор МДА по кафедре апологетики С. С. Глаголев, круг интересов которого составляла философская проблематика. В С.-Петербургской духовной академии не было такого блестящего созвездия имен, но и здесь преподавали Д. П. Миртов, В. С. Серебрянников и, конечно, иеромонах (впоследствии епископ) Михаил (Грибановский). Последнему принадлежит знаменитая формула-задание, согласно которой «догматы величайшей абсолютной религии должны быть величайшей, истиннейшей философией». В Киевской духовной академии философию преподавал знаток Платона П. И. Линицкий, там же трудился и известный историограф русской философии В. З. Завитневич, а также В. Экземплярский, внесший вклад в разработку социального учения Церкви. Казанская духовная академия представлена епископом Никанором (Бровковичем) и профессорами В. А. Снегиревым и В. И. Несмеловым.

Творчество каждого из упомянутых выше мыслителей заслуживает специального рассмотрения, мы же остановимся только на анализе взглядов Виктора Ивановича Несмелова, одного из самых оригинальных представителей православной философии. Большая часть его жизни связана с Казанской духовной академией, после успешного окончания которой он был оставлен в ее стенах для подготов-

ки магистерской диссертации. Среди своих учителей Несмелов с особым почтением вспоминал профессора психологии и логики Казанской духовной академии, который интересовался и проблемами философии, В. А. Снегирева. В большой статье, посвященной «Памяти Вениамина Алексеевича Снегирева», опубликованной в «Православном собеседнике» за май и июнь 1889 г., молодой преподаватель оценивает своего наставника как «профессора-мыслителя», который был требовательным «ко всякому занимающемуся философией». Последняя выступает следствием умственной деятельности, которая «является центральной, основной в высшем строе душевной жизни человека». Поэтому и направления психологии «стоят и развиваются в тесной связи с <...> направлениями философского миросозерцания»¹. Отсюда понятно значение философии для правильного понимания индивидуума. В центре внимания лекций В. А. Снегирева, как вспоминал В. И. Несмелов, была «психология живой личности», и эта антропологическая направленность нашла отражение в его научных изысканиях.

В 1887 г. состоялась успешная защита молодым ученым магистерской диссертации на тему «Догматическая система св. Григория Нисского». Изучение патристики также способствовало пробуждению интереса у молодого богослова к проблемам антропологии, соотношения веры и разума. После утверждения в звании магистра Несмелов в 1888 г. становится профессором академии по кафедре метафизики; кроме чтения лекций по философии, он активно продолжает заниматься научным творчеством и создает главный свой труд — фундаментальную двухтомную «Науку о человеке». Первый том этого сочинения увидел свет в 1898 г., второй — в 1903 г., после этого Несмелов публиковался крайне редко, следует отметить лишь работу «Вера и знание с точки зрения гносеологии», вышедшую в 1913 г.

Традиционное православное богословие рассматривало процесс постижения духовного мира «как откровение Бога человеку», то есть богопознание шло «сверху вниз». Несмелов же идет в противоположном направлении, то есть «снизу вверх»: для него совершенно ясно, что «последнее основание истины нельзя отыскать вне человека». По его мнению, «внешний мир, конечно, существует», но все дело в том, что наше знание об этом «не является объективным», то есть независимым от познающего субъекта. Несмелов считает, что «ощущение и представление суть мои собственные состояния, и, следовательно, они говорят мне не о том, что существует вне меня, а только о том, что существует во мне самом»².

Человек не только порождает «сферу знания», но и создает «весь объективный мир бытия». В связи с этим богослов вступает в полемику с Кантом, критикуя его за допущение «вещей в себе», за идею ноуменального мира, независимого от человека. Тем самым, с его точки зрения, немецкий философ «вопреки своему собственному желанию <...> открыл самые широкие двери метафизики материализма»³. Несмелов же считал, что «процесс развития человеческой жизни» не может рассматриваться как итог влияния социальной среды, как действие факторов, находящихся вне человека. Бытие индивида есть собственно процесс развития человеческого духа с «переводом продуктов этого развития на практику жизни».

Жизнь человека проходит в «двух разных мирах»: первый — чувственный, или физический, второй — сверхчувственный, или духовный. Каждая из сфер познается специфическими методами. Особое внимание к методологии позна-

¹ Снегирев В. А. Психология. СПб., 2008. С. 37.

² Несмелов В. И. Наука о человеке. Т. 1. Казань, 1905. С. 127.

³ Там же. С. 126.

ния появилось у богослова под влиянием воззрений неокантианцев. Используя их идеи, он стремится доказать, что рационалистические приемы познания неприменимы к исследованию духовной области. С его точки зрения, говорить о ее рассудочном постижении — значит «говорить вопиющую нелепость»⁴.

Другое дело — физическая область, в которой может быть для человека много неизвестного, но нет «ничего загадочного». По мере развития научного познания в природе все меньше остается «неизвестного», в то же время сфера «загадочного» нисколько не уменьшается. Она заключается в том, что человеческая мысль не может понять природу человека без «решительного противоречия» всем данным условиям его существования. Подобное «противоречие» происходит в силу того, что идеальные стремления индивида не обуславливаются материальными условиями его жизни, не создаются они и «в каких-нибудь абстракциях мысли». Именно в силу реальности идеальных устремлений личности, а высшим их проявлением является «идея Бога», по мнению Несмелова, и утверждается «объективное существование верховной личности», ибо только ее бытие может их объяснить. Все стремления философов «отыскать» Бога вне индивида обречены на неудачу, ибо «мир не подобен Богу». Религия, как считает Несмелов, не может быть «сообщена человеку извне, а может возникнуть только в самом человеке»⁵. Принципиальное отличие христианства от всех других религий и заключается в его особом отношении к индивиду. Религиозное сознание «вне Христа» основывается на «вере человека в общение с Богом», а сущность христианства проявляется в идее «союза между Богом и человеком». В приведенных рассуждениях есть определенное созвучие с некоторыми положениями философии Фейербаха. Н. Бердяев и П. Флоренский справедливо отмечали, что Несмелов использует идею немецкого мыслителя об «антропологической тайне религии» для защиты христианства.

Согласно убеждениям В. Несмелова, «неподсудность» идеальных, или религиозных, представлений рациональным приемам познания ставит задачу выработки особого метода постижения «духовных истин». Этот метод исходит, по его мнению, из факта «живого отношения к Богу», или из «реального переживания» общения со сверхъестественным. Появляющиеся в результате этого «мистические прозрения» и выступают средством познания «истинной мудрости». Критерием этого нового знания не могут быть какие-то абстрактные схемы, оно «проверяется жизненно».

Поскольку жизнь человека протекает в «двух разных мирах», постольку именно от его свободного выбора будет зависеть, какие именно ценности — материальные или духовные — он предпочтет. В этой свободе выбора находит проявление нравственная воля человека, которая представляет собой поразительное чудо для мира. Именно в сфере морали происходит высшее проявление «творческого духа» личности. Свобода и творчество неразрывно связаны, так как «пассивное сознание» лишь «переживает известные выражения жизни». Свободная же личность уже «творит все содержание жизни», и человек «становится тем, чем он желает быть и чем стремится быть». Свобода воли предполагает ответственность людей за свои поступки; если они хотят направить «волю ко благу», то должны «свое хотение» подчинить «нравственным правилам жизни». Однако многие представители человечества в основу своей деятельности положили «не духовное, а плотское начало». В этом случае происходит «подавление и извращение» духовных стремлений, появляется возможность «духовного служения злу»⁶.

⁴ Там же. С. 266.

⁵ Там же. Т. 2. Казань, 1907. С. 135.

⁶ Там же. С. 211.

Индивид, реально, а не формально приобщенный к религиозным истинам, по мнению богослова, не может удовлетвориться поисками только «счастливых условий» физического существования. При этом Несмелов не осуждает само стремление к «земному благополучию», но оно должно быть средством для более высокой цели, подчинено задачам «оправдания своих стремлений к вечно пребывающей жизни, подобной жизни Бога»⁷.

Исходя из этих установок, Несмелов формирует программу философских построений. Они, с его точки зрения, должны поддерживать «стремление индивида к богоподобию». Понятно, что философия, согласно этим взглядам, не может ориентироваться на природную сферу жизни человека, а значит, и использовать методы научного познания, так как «перевести философию на почву науки значит то же самое, что и прямо уничтожить ее»⁸. Предметом философии может быть, как считает Несмелов, только духовная сфера, а ее основой выступает содержание религиозных верований человека. Противопоставление же философии и религии — это, по его убеждению, «дикая нелепость», уходящая корнями в «схоластическое недомыслие». Философия неизбежно «является естественным врагом религиозного суеверия, но именно только суеверия, а не самой религии». Все попытки консерваторов «запретить» философию продиктованы не интересами православия, а ложными установками, извращающими смысл евангельской религии. Враждебной христианству силой выступает не философия, а лишь ее «материалистические верования», неизбежно вырождающиеся в «суеверия». Извращенные формы религии, как и извращенные формы философии, должны быть преодолены. Истинная «любовь к мудрости» у богослова связана со «спиритуалистическим определением личности», неизбежно приводящим к теизму. Поэтому для «действительного существования христианства» и для «действительного осуществления истинной философии... необходимо соединение Откровения и философии». Только благодаря философии человек может «увидеть в христианстве единственный путь к подлинному оправданию своего назначения в мире»⁹.

По Несмелову, проблема взаимоотношений философии и православия не является чем-то второстепенным, напротив, это одна из основных богословских тем. В анализируемой богословской системе предпринята фундаментальная попытка создания в рамках церковного богословия синтеза философских и религиозных начал. Можно согласиться с епископом Феодором (Поздеевским), отмечавшим, что книга Флоренского «Столп и утверждение Истины» дополняет сказанное «в книге профессора Несмелова «Наука о человеке», но в другом плане исполнения»¹⁰. Действительно, в обоих трудах человеку предлагается «разумом своим испытать Бога» и через философию еще «более уверовать в Откровение», но в одном случае эта программа реализуется, исходя из принципов «философии всеединства», в другом — из идей экзистенциальной философии.

В. И. Несмелов стоит у истоков отечественного экзистенциализма, не случайно Н. А. Бердяев, анализируя генезис своих идей, подчеркивал огромное значение, которое имела для него книга Несмелова «Наука о человеке». Так как в ней были мысли, соответствующие его «коренному антропоцентризму»¹¹. Творчество богослова оказало влияние и на развитие церковных православных взглядов. Архиепископ

⁷ Там же. Т. 1. С. 277.

⁸ Там же. С. 302.

⁹ Там же. С. 314.

¹⁰ Феодор (Поздеевский), еп. О духовной Истине. Сергиев Посад, 1914. С. 43.

¹¹ Бердяев Н. А. Самопознание. М., 1990. С. 149.

(ныне патриарх) Кирилл (Гундяев), рассматривая историю русского богословия, приходит к выводу, что в конце XIX в. в церковной мысли «возник совершенно новый метод, отличный как от схоластики, так и от патристики». Наиболее ярко «он отразился в трудах В. И. Несмелова», который «пытался развить антропологическое богословие, исходя из внутреннего опыта»¹². Отсюда и непреходящее значение его трудов для современного православия. Более того, уже участвуя в дискуссии в рамках конференции, владыка Кирилл еще раз подчеркнул, что богословие Несмелова «свидетельствовало о завершении периода исканий, о нахождении верного пути»¹³.

Отражая эти установки церковного руководства, в 1990 г. в Московской духовной академии была защищена игуменом (ныне митрополитом) Константином (Горяновым) диссертация на звание кандидата богословия «Русская религиозно-философская антропология на рубеже XIX–XX вв.: В. С. Соловьев и В. И. Несмелов». В этой работе творчество Несмелова характеризуется как «первый систематический опыт философского обоснования православной антропологии».

В ноябре 2001 г. в Москве состоялась богословская конференция «Учение Церкви о человеке». На ней прозвучал доклад уже упоминаемого нами епископа Константина (Горянова), бывшего тогда ректором СПбДА, «Религиозно-философская антропология Виктора Несмелова»¹⁴. В этом выступлении дается высокая оценка взглядам русского мыслителя, высказывается сожаление, что до сегодняшнего времени «антропология Несмелова остается малоизвестной». В то же время в докладе владыки отмечается, что «некоторые частности его системы не выражают всей глубины православного богословия». Подобное происходит, прежде всего, потому, что «нередко Несмелов-философ довлеет над Несмеловым-богословом, и тогда глубокие философские интуиции и прозрения оказываются в зависимости от рассудочных схем или доводов здравого смысла». Однако в целом изучение наследия казанского мыслителя является важным элементом современного богословского образования.

Источники и литература

1. Бердяев Н. А. Самопознание. М., 1990.
2. Кирилл (Гундяев), архиеп. Преодоление схоластических влияний в русском богословии // Журнал Московской Патриархии. 1987. № 9.
3. Несмелов В. И. Наука о человеке. Т. 1. Казань, 1905.
4. Несмелов В. И. Наука о человеке. Т. 2. Казань, 1907.
5. Константин (Горянов), еп. Религиозно-философская антропология Виктора Несмелова // Православное учение о человеке. М.; Клин, 2004.
6. Снегирев В. А. Психология. СПб., 2008.
7. Сперанская Е. II Международная церковная научная конференция в Москве // Журнал Московской Патриархии. 1987. № 9.
8. Феодор (Поздеевский), еп. О духовной Истине. Сергиев Посад, 1914.

¹² Кирилл (Гундяев), архиеп. Преодоление схоластических влияний в русском богословии // Журнал Московской Патриархии. 1987. № 9.

¹³ Сперанская Е. II Международная церковная научная конференция в Москве // Журнал Московской Патриархии. 1987. № 9.

¹⁴ См.: Константин (Горянов), еп. Религиозно-философская антропология Виктора Несмелова // Православное учение о человеке. М.; Клин, 2004.

КРИТИКА РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОГО УЧЕНИЯ Л. Н. ТОЛСТОГО В ТРУДАХ А. Ф. ГУСЕВА, ПРЕПОДАВАТЕЛЯ КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ

Литвинов Николай Вячеславович

магистрант 1-го курса Казанской православной духовной семинарии

E-mail: litvinovnico@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена критике философского антицерковного учения Л. Н. Толстого в трудах преподавателя Казанской духовной академии Александра Федоровича Гусева.

Ключевые слова: обряд; Л. Н. Толстой; исповедь; Казанская духовная академия; полемика; христианство; культ

CRITICISM OF RELIGIOUS AND PHILOSOPHICAL TEACHINGS OF L. N. TOLSTOY IN THE WRITINGS OF A. F. GUSEV, THE TEACHER OF THE KAZAN THEOLOGICAL ACADEMY

Abstract: The article is devoted to the criticism of the philosophical anti-church teaching of L. N. Tolstoy in the works of the teacher of the Kazan Theological Academy Gusev Alexander Feodorovich.

Keywords: rite; L. N. Tolstoy; confession; Kazan Theological Academy; controversy; Christianity; cult

Litvinov Nikolaj Vyacheslavovich, 1st year master's student of the Kazan Orthodox Theological Seminary

Прежде чем начать рассматривать критику учения Л. Н. Толстого, нужно, конечно, сказать несколько слов о преподавателе Казанской духовной академии, Александре Федоровиче Гусеве.

Александр Федорович Гусев, будущий преподаватель богословия Казанской духовной академии, родился 23 июля 1845 г. в семье причетника. Окончив Тверскую духовную семинарию, Гусев поступает в Санкт-Петербургскую духовную академию, которую оканчивает в 1871 г. со степенью кандидата богословия, с правом на получение степени магистра без нового устного испытания, если представит и защитит магистерскую диссертацию.

После окончания учебы был назначен преподавателем основного, догматического и нравственного богословия в Казанскую духовную семинарию, где в 1874 г. получил степень магистра богословия, тема диссертации — «Нравственный идеал буддизма в отношении к христианству» (Санкт-Петербург, 1874).

9 февраля 1887 г. назначен доцентом в Казанскую духовную академию по кафедре введения в круг богословских наук; через два года Александр Федорович был возведен и утвержден в звании экстраординарного профессора. В 1895 г. получил степень доктора богословия за сочинение «Основные религиозные начала графа Л. Толстого. Апологетическое сочинение» (издано: Казань, 1893; ввиду вновь появившихся сочинений графа Л. Толстого, сочинение это совершенно переработано, дополнено и вторично издано в 1902 г. под заглавием «О сущности религиозно-нравственного учения Л. Н. Толстого», Казань). Судя по тому, что Толстому Гусев уделял много внимания, то, по-видимому, его сильно интересовало

новое религиозно-философское учение, поскольку много работ было посвящено его критике.

Свое негативное отношение к Церкви Л. Н. Толстой выразил еще в начале 1880-х годов в «Исповеди», а впоследствии — в религиозно-философских трактатах «В чем моя вера?», «Исследование догматического богословия», «Соединение и перевод четырех Евангелий», «Царство Божие внутри вас» и других, а также в литературных произведениях, таких как «Крейцера соната», «Воскресение», «Отец Сергей».

Статья Александра Федоровича Гусева, в которой он критиковал обрядовую составляющую в труде «Исповедь» Л. Н. Толстого, появилась только через восемь лет после того, как труд графа был опубликован.

К тому времени, как статья была опубликована, Толстой уже ясно определил свою позицию по отношению к Церкви. Однако прежде чем рассматривать это произведение, необходимо обозначить, что происходило в то время, какие настроения ходили тогда в русском обществе и как граф Толстой пришел к тому, к чему пришел в своих измышлениях.

А нужно сказать, что это было достаточно сложное время, поскольку это была эпоха реформ, время становления русской интеллигенции, взор которой направлен на западных мыслителей, их активно начинают читать. Становится необходимым, чтобы было рационально объяснено все, что касается православного вероучения и адаптировано к условиям современной жизни. Рациональный подход графа Л. Н. Толстого привлек немало сторонников и последователей его идей, также сыграли свою роль искренность и откровенность, с которыми он излагал свои мысли.

Подробно описывая путь своих религиозно-нравственных исканий в труде «Исповедь», он акцентирует внимание на двух моментах, этапах, своего духовного преобразования, благодаря которым он пришел к этому, причем в обоих случаях это касалось обрядовой части церковной службы, что, по-видимому, сильно зацепило А. Ф. Гусева, который написал целую статью «О проблеме церковной обрядности в учении Л. Н. Толстого».

Начало этого пути религиозного скептика было положено еще тогда, когда у Толстого в раннем возрасте уже возникли сомнения по поводу истинности веры. Когда ему было 11 лет, к нему пришел мальчик, некий Володенька М. из гимназии, который заявил, что провел исследование и из этого вышло, что Бога на самом деле нет¹.

По его словам, скептическое отношение к православной вере выработалось под влиянием взрослых. Также можно сказать, что на него оказал влияние Вольтер, которым, как Л. Н. Толстой упоминает, зачитывался в юности². Тогда еще он заметил, как его брат Дмитрий стал религиозным и начал часто ходить в церковь, будучи студентом. Это начало вызывать насмешки окружающих. «Я сочувствовал тогда этим шуткам старших и выводил из них заключение о том, что учить катехизис надо, ходить в церковь надо, но слишком серьезно всего этого принимать не следует»³, — пишет Толстой.

По его словам, главной причиной, которая привела его к утрате веры, было то, что жизнь окружающих его людей совершенно расходилась с той жизнью, ко-

¹ Колмаков Б. И. А. Ф. Гусев о проблеме церковной обрядности // Ученые записки Казанского университета. Т. 156. Кн. 2. Казань, 2014. С. 86.

² Там же. С. 87.

³ Цит. по: Колмаков Б. И. А. Ф. Гусев о проблеме церковной обрядности. С. 87.

торой должен был жить христианин. Все, что он видел, — это формальное исполнение обрядов людьми, ведущими нежелательный для подражания образ жизни, прямо скажем безнравственный, и в противовес этому люди, которые не признавали себя особенно верующими, были по большей части, как он пишет, умными, честными и прямыми, и что было для Толстого особенно важно, высоконравственными.

Проведя довольно продолжительное время в исканиях смысла жизни, Л. Н. Толстой возвращается в лоно Церкви, потому что он, как пишет в «Исповеди», увидел, что жизнь обычного трудового народа наполнена смыслом и смысл этот был именно в вере. Человек «...должен добывать жизнь, как животное, но добывать ее не для себя, но для всех»⁴.

Говоря о смысле земного существования, он писал: «Всякий человек произошел на этот свет по воле Бога. И Бог так сотворил человека, что всякий человек может погубить свою душу или спасти ее. Задача человека в жизни — спасти свою душу; чтобы спасти свою душу, нужно жить по-Божьи, а чтобы жить по-Божьи, нужно отречься от всех утех жизни, трудиться, смиряться, терпеть и быть милостивым»⁵.

Л. Н. Толстой вернулся в Церковь и принял все то, что его еще недавно отталкивало и было необъяснимо. Он попытался принять вероучение во всей его полноте, однако опять сомнения закрались в него. Ему оставались непонятными большинство церковных обрядов, и, как ни старался, для себя он их объяснить не мог. Непонимание, отмечает Толстой, вызывали у него и самые важные христианские праздники: Вознесение, Пятидесятница, Богоявление и другие. То, что он не мог рационально объяснить обряды, разрушало его веру и сакральность даже такого таинства, как Причастие.

«...Когда я подошел к Царским Дверям и священник заставил меня повторить то, что я верю, что то, что я буду глотать, есть истинное Тело и Кровь, меня резануло по сердцу; это мало что фальшивая нота, это жестокое требование кого-то такого, который, очевидно, никогда и не знал, что такое вера»⁶. Но отвергнуть веру для него уже было невозможно, и, хотя в следующий раз к Причастию он уже не пошел, он пока еще видел истину в Церкви.

Однако был недалек тот день, когда Толстой отрекся от Церкви. По его словам, это произошло тогда, когда его вниманию предстало то, как Церковь разрешает три проблемы, которые его, безусловно, волновали. Эти проблемы касались отношений с другими христианскими церквями, по большей части с Католической, поскольку граф считал, что только лишь какие-то формальные неувязки способствовали разделению Церквей, поскольку в жертву была принесена главная основополагающая — идея любви⁷. Также он видел проблему в отношении Церкви к войне и смертной казни. Ввиду того, что христианские Церкви пожертвовали любовью друг к другу из-за формальностей, как называет догматические разногласия Л. Н. Толстой, как раз и происходят войны и казни, потому что Церковь поддерживает и их.

И здесь уже включатся в критику Александр Федорович Гусев, который констатирует тот факт, что «теперь именно внешнее богопочитание подвергается

⁴ Толстой Л. Н. Исповедь / Л. Н. Толстой // Исповедь. В чем моя вера? Л.: Худож. лит., 1990. С. 80.

⁵ Там же. С. 96.

⁶ Там же. С. 102.

⁷ Колманов Б. И. А. Ф. Гусев о проблеме церковной обрядности. С. 88.

с разных сторон нападкам»⁸, и обращает особое внимание на то, что мало было сектантов, так еще и Л. Н. Толстой выступает против церковной обрядности.

Высказываясь о позиции графа по этой проблеме, Гусев говорит так: «...это не более чем произвольное измышление представителей иерархии... оно не требуется религиозной верою и жизнью человека... оно не только бесполезно, но и вредно, подавляя внешностью и униформенностью дух человека и его свободу. И что Иисус Христос осуждал внешнее богочтение»⁹.

Этот взгляд на церковные обряды Гусев категорически называет совершенно ложным. Поэтому считает своим долгом донести до всех, что религиозный культ действительно необходим и Христос Сам был его родоначальником, самым явным образом потому, что Господь Сам установил Таинство Евхаристии, сказав делать это в Его воспоминание.

В своей критике учения Толстого о том, что церковные обряды не нужны, профессор Казанской академии исходит из двойственности человеческой природы, говоря о том, что мы соединяем в себе и телесное, и духовное. Действительно, наукой психологией в то время уже было доказано, что любое движение душевное сопровождается откликом тела.

Особое внимание профессор уделяет тому, что человек выражает свое внутреннее состояние, когда говорит, пишет стихи и поэмы — не это ли является некоторым внешним обрядом? Одевание праздничных одежд на торжества, скульптура и живопись — все это телесный, внешний отклик на внутреннее движение человеческих чувств и переживаний.

Поэтому искреннее недоумение вызывает у А. Ф. Гусева то, что Л. Н. Толстой говорит по поводу церковных обрядов, которые не нужны, ибо важно лишь внутреннее, а не внешнее.

Если человек искренне верит в Бога, то это толкает его на какие-либо внешние действия, чтобы показать то, что он испытывает внутренне. Например, коленопреклонение — это выражение такого внутреннего состояния перед Богом, как смирение. В том, что человек непрестанно молится, стоя на коленях, усматривать только необходимость этого действия в определенный момент богослужения, попросту говоря глупо, если, конечно, вы не обладаете способностью читать мысли. В этих способностях Л. Н. Толстому мы, к сожалению, откажем, хотя не можем утверждать обратное.

Точно также некоторые действия человека могут быть символами чего-либо. Пример: крестное знамение, которое в символической форме говорит о сущности христианства, о том самом камне, на котором стоит Церковь Христова.

Все церковные обряды, которые присутствуют во всех религиях, А. Ф. Гусев сводит к четырем типам: «а) исповедование грехов, б) омовение и очищение, в) обуздание чувственных инстинктов посредством различных телесных лишений и г) жертвы»¹⁰.

Также к обрядовой части относятся и изображения святых и важнейших исторически-религиозных событий — иконы, против которых в свое время было воздвигнуто гонение, но все завершилось VII Вселенским Собором, который все поставил на свои места и четко обозначил и подкрепил доводы в пользу почитания святых икон. «Священные изображения вызывались и вызываются в сущности той же душевной потребностью, какую вызываются у нас художественные

⁸ Цит. по: Колмаков Б. И. А. Ф. Гусев о проблеме церковной обрядности. С. 88.

⁹ Там же.

¹⁰ Цит. по: Колмаков Б. И. А. Ф. Гусев о проблеме церковной обрядности С. 89.

и фотографические изображения дорогих нам лиц или важных исторических событий...»¹¹ Также говорит профессор и о других принадлежностях культа, о которых мы говорили до этого. И, иронизируя над Толстым, заключает: «Если бы человек был дух, то и внешней стороны в его религиозной жизни не было бы. Тогда и святой апостол Павел не говорил бы каждому из нас в послании к Коринфянам: «Прославление Бога и в телах ваших» (Кор. 6, 20)».

Хотя цитатами из Священного Писания, к сожалению, невозможно было объяснить Толстого, который считал возможным переписывать священный Текст и вкладывать в уста Спасителя свои видения того, как должен жить христианин. «...Везде возглашайте волю Отца, говоря, что воля Отца в пяти заповедях... а) никогда не гневайся, б, в) не разводишь и не сходишь с женщиною, с которой однажды сошелся, г) ни с кем не судись и д) ни с кем не воюй»¹².

Толстого поэтому критиковал и другой преподаватель Казанской духовной академии А. Волков, который писал в журнале «Православный собеседник» о заповедях Толстого: «По нашему мнению, наибольшее, что можно извлечь из рассуждений графа, — это то, что, следуя этим правилам, я избегну многих неприятностей; но эти правила не изменяют моего мировоззрения...»¹³

Однако же вернемся к Гусеву. Своей критикой религиозно-философского учения Толстого, профессор дает ответ по поводу важности и необходимости обрядовой части не только для Льва Николаевича, но и для его современников. Люди одной веры «...стремятся к единению и образуют собою единый религиозно-нравственный союз, единое общество, члены которого имеют одни и те же религиозно-нравственные потребности, чувствования и стремления»¹⁴. Так как целью любой религии является объединение людей, то логичным видятся единые для всех обрядовые действия и правила религиозно-нравственной жизни.

Если каждый будет верить в Бога так, как предлагает Л. Н. Толстой, то неизбежно разнообразие религиозной настроенности, проще говоря, религиозный хаос, который будет происходить во время богослужения, если такое вообще можно будет назвать богослужением.

Это приведет к тому, что человек, который избегает таинств Церкви, «...горделиво возомнит себя находящимся в непосредственных отношениях к Богу...»¹⁵. И, говоря о Толстом, который отвергает Причастие, замечает: «Когда человек пренебрегает установленными для всех священнодействиями, при посредстве которых подаются благодатные Дары, то этим он доказывает свою эгоистическую обособленность и самомнение, которые, безусловно, противны Богу»¹⁶.

Таким образом, единство культа и обрядных форм не результат чьей-то прихоти, а неизбежное и необходимое условие.

¹¹ Там же.

¹² Гусев А. Ф. О сущности религиозно-нравственного учения Л. Н. Толстого. Изд. 2. Казань, 1902. С. 2.

¹³ Волков А. Анализ новой веры графа Толстого. Последние произведения графа Л. Н. Толстого и его критика в русской и отчасти иностранной литературе // Православный собеседник. 1886. Ч. 2. С. 318.

¹⁴ Цит. по: Колмаков Б. И. А. Ф. Гусев о проблеме церковной обрядности. С. 90.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

Источники и литература

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета в синодальном переводе с комментариями и приложениями. М.: РБО, 2013.
2. Волков А. К. Анализ новой веры графа Толстого. Последние произведения графа Л. Н. Толстого и его критика в русской и отчасти иностранной литературе // Православный собеседник. 1886. Ч. 2.
3. Гусев А. Ф. О сущности религиозно-нравственного учения Л. Н. Толстого. Казань, 1902.
4. Колмаков Б. И. А. Ф. Гусев о проблеме церковной обрядности // Ученые записки Казанского университета. 2014. Т. 156. Кн. 2.
5. Толстой Л. Н. Исповедь / Л. Н. Толстой // Исповедь. В чем моя вера? Л.: Худож. лит., 1990. С. 31–113.

СОДЕРЖАНИЕ

ДОГМАТИЧЕСКОЕ, ЛИТУРГИЧЕСКОЕ И НРАВСТВЕННОЕ БОГОСЛОВИЕ

ЛИТУРГИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ И ЕЕ РЕЦЕПЦИЯ В ЗАПАДНОМ БОГОСЛОВИИ XX ВЕКА иерей Александр Ермолин	8
ВЫСОТА, ВЕЛИЧИЕ И ВАЖНОСТЬ ПАСТЫРСКОГО СЛУЖЕНИЯ Шевчук Дмитрий Юрьевич	17

МИССИОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ МИССИИ

ПРОФЕССОР КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ МИХАИЛ ГРИГОРЬЕВИЧ ИВАНОВ (1884–1937): МИССИОНЕР И ИСЛАМОВЕД Ерундов Николай Александрович	24
«МИССИОНЕРСКАЯ НАУКА» В ДНЕВНИКАХ Е. А. МАЛОВА Крестьянинов Артем Валентинович	30

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

ПОСЕЩЕНИЯ КАЗАНИ ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИЦЕЙ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНЕЙ ЕЛИСАВЕТОЙ ФЕОДОРОВНОЙ Елдашев Анатолий Михайлович	38
КАЗАНСКИЙ ПЕРИОД И ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА ВАСИЛИЯ (БОГОЯВЛЕНСКОГО), АРХИЕПИСКОПА ЧЕРНИГОВСКОГО И НЕЖИНСКОГО Лютова Светлана Николаевна	47
КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА В 1917–1930-Х ГОДАХ НА ПРИМЕРЕ КРЯШЕНСКИХ РЕЛИГИОЗНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ Мухамадеева Лилия Абдулахатовна	54
ИСТОРИЯ ХРАМОВ И ДУХОВЕНСТВА ГОРОДА СПАССКА В XVIII — НАЧАЛЕ XX ВЕКА Бурдин Евгений Анатольевич	60
ОСВЯЩАЯ И ПРОСВЕЩАЯ: КРЕСТОВОЗДВИЖЕНСКАЯ ЦЕРКОВЬ В КОРПОРАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ИМПЕРАТОРСКОГО КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА Трегубов Алексей Алексеевич	67

ИСТОРИЯ ЦЕРКОВНО-ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

ВЛАСТЬ И ЦЕРКОВЬ В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ В 1920–1930-Е ГОДЫ: ВОПРОСЫ И ОСНОВНЫЕ МОМЕНТЫ РЕЛИГИОНАЛЬНОЙ ПЕРИОДИЗАЦИИ Пашкин Андрей Геннадьевич	76
ОБЗОР РАССМОТРЕНИЯ ВОПРОСОВ ЦЕРКОВНО-ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ ПОМЕСТНЫМ СОБОРОМ 1917–1918 ГОДОВ диакон Никита Сергеевич Кузнецов	82

ИСТОРИЯ ДУХОВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ШКОЛА КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ: ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА Михайлов Сергей Владимирович.....	90
НАУЧНАЯ КОМАНДИРОВКА ДОЦЕНТА КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА АМФИЛОХИЯ (СКВОРЦОВА) В САНКТ-ПЕТЕРБУРГ В 1910–1911 ГГ. Павлов Сергей Вячеславович.....	94
ИСТОРИКО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ ЖИЗНИ СЛУЖЕНИЯ ПРОТОИЕРЕЯ АЛЕКСАНДРА ПОЛИКАРПОВИЧА ВЛАДИМИРСКОГО, РЕКТОРА КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ Ручкин Захар Олегович	99
В. И. ГРИГОРОВИЧ — ПРЕПОДАВАТЕЛЬ КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ Георгиев Павел Валентинович.....	108
ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ НОВЫХ ЯЗЫКОВ В КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ (1842–1870) Маклашева Софья Мухаметовна	113
БИБЛЕЙСКОЕ НАУЧНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ протоиерей Александр Петрович Павлов	118

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

ПРОБЛЕМА СОЗНАНИЯ В ТРУДАХ СНЕГИРЕВА В. А. И НЕСМЕЛОВА В. И. Белов Денис Юрьевич.....	126
СВЯТООТЕЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ ГРИГОРИЯ НИССКОГО КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ АНТРОПОЛОГИИ В. И. НЕСМЕЛОВА Дворецкая Марианна Ярославовна, Турина Анна Олеговна	131
ПРОФЕССОР КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ П. А. МИЛОСЛАВСКИЙ иеромонах Иоанникий (Филиппов).....	136
В. И. НЕСМЕЛОВ И СОВРЕМЕННОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ БОГОСЛОВИЕ Шапошников Лев Евгеньевич	144
КРИТИКА РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОГО УЧЕНИЯ Л. Н. ТОЛСТОГО В ТРУДАХ А. Ф. ГУСЕВА, ПРЕПОДАВАТЕЛЯ КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ Литвинов Николай Вячеславович.....	149

ПРАВОСЛАВНЫЙ СОБЕСЕДНИК

№ 1–2 (25–26) 2020

Журнал Казанской православной духовной семинарии

Макет подготовлен Издательством Сергея Бузукина
420111, г. Казань, ул. М. Джалиля, д. 7
E-mail: isb-kazan@mail.ru

Подписано в печать 01.03.2021. Формат 70×100/16. Усл.-печ. л. 13.
Тираж 320 экз. Заказ № Е-659

Отпечатано в типографии Полиграфическо-издательского комплекса
«Идел-Пресс», филиала АО «ТАТМЕДИА»

«Православный собеседник» является средством массовой информации, предназначенным для публикации основных результатов исследований по разрабатываемым в Казанской православной духовной семинарии научным направлениям в области богословия, библеистики, церковной истории, церковного и канонического права, литургики, апологетики, гомилетики, филологии, церковного музыковедения, а также в области религиоведения и наук общегуманитарного профиля.

Предшественником настоящего издания является дореволюционный журнал Казанской духовной академии, выходивший с 1855 по 1918 год. Возрождение печатного издания состоялось в 2000 году в преемнице духовной академии — Казанской православной духовной семинарии.

Издание предназначено для всех, кто интересуется православием и церковной наукой. Приглашаем к сотрудничеству авторов.

Подробную информацию о журнале можно узнать на официальном сайте Казанской православной духовной семинарии kazpds.ru

